

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРА

ИСТОРИЯ

ФИЛОСОФИЯ

КРИТИКА

ПУБЛИЦИСТИКА

АРХИВЫ

Ў

Alisher Navoiy
nomidagi
O'zbekiston MK

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Сирожибдин САЙИД
Мухаммад АЛИ
Владимир ВАСИЛЬЕВ
Анатолий БАУЭР
Анатолий ЕРШОВ
Раим ФАРХАДИ
Николай ИЛЬИН
Вика ОСАДЧЕНКО
Баходыр АХМЕДОВ
Раиса КРАПАНЕЙ
Виктор ШУЛИКА

Главный редактор
Сирожибдин РАУФ

Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО

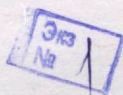
Ответственный секретарь
Дилором МУРОТОВА

Редакторы
Елена ЮРЧЕНКО
Елена ДОЛГОПОЛОВА

4

2019

Республика Узбекистан
Ташкент

ДУРАК

Рассказ

Воспоминания рушит истошный визг электропилы, обрывает их, возвращает велосипедиста в реальность. Дюжина смуглых, прокаленных на солнце людей рубит на аллее деревья. Кто топором машет, кто пилой вопит. Рядом гудит техника. Черный дым из трубы трактора смешивается с терпким запахом оголенной коры и едким смогом расплзается по округе. Земля устлана ветвями платанов, а листья растопыренными пальцами припадают к земле, словно молятся.

Наталья ЕРЁМЕНКО

возвращение к читателю

Стихи приносит мне туман...

Окутался туманом зимний сад,
скамья-горбунья съежилась уныло.
Любовь кривую вычертит на спад –
и в старом доме станет всё немилым.

Диван потертый, выпятив бока,
пружиной заскрипит, ударит больно,
подвески люстры смотрят свысока,
и меркнет бархат скатерти невольно...

Эльмира АХМЕДОВА

философия искусства

**ЕДИНСТВЕННАЯ И
НЕПОВТОРИМАЯ...**

Все тайны «капризного» фарфора Муминова Шахноза постигала самостоятельно и блестяще сумела подчинить себе этот хрупкий, рождающийся в огне материал. Шахноза Муминова одна из первых в Узбекистане мастеров декоративно-прикладного искусства использовала фарфор как пластический материал, создав удивительные художественные образы. Она доказала, что пластические качества фарфора можно использовать не только в бытовых традиционных предметах (вазы, пиалы, сервизы, блюда и др.), но и создавать высокохудожественные произведения из него.

Здравствуй, это я...

Пленники речи и пленники сцены...
Мечемся вечно меж «верю» – «не верю».
Ищем любовь, попадаем в измены
и обретаем прозренья потери.

И в темноте, в опустевшем пространстве
зрителя ищем, как будто спасенья.
Грустные пленники непостоянства
и речевого несовпадения.

НОВЫЕ ИМЕНА

Ирода МАХМАДИЯРОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

...Движущей силой исторического развития (с некоторыми оговорками) все же зачастую является пассионарная... и харизматичная личность, а не народные массы... Эта личность, как показывает история, создает мир «по своему образу и подобию», разрушает устаревшие нормы и дает массам новые законы, мораль, религию и прочие ценности. Творцы истории, которых со временем на родине возводят в ранг национальных героев, в дальнейшем становятся для своего народа духовно-нравственными маяками – ориентирами. Именно они в переломную эпоху, когда рвется связь времен, дают людям толчок и мотивацию, стимулируют их к активной творческой деятельности и вселяют уверенность в амбициозных начинаниях.

переводы

Дилором АБДУРАХМОН

Страницы прошлых лет листая...

Клин журавлей растаял в дали синей,
Унесся белой дымкой в небеса...
Какой же я была тогда счастливой
В своих далеких журавлиных снах!

Назойливые, горькие вопросы
Покинуть мои мысли не хотят.
А журавлей уже позвали вёсны,
А журавли вернулись все назад.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Марат БАЙЗАКОВ. Дурак. Рассказ.	5
Умида КАРИМОВА. Чимбайлик. Очерк.	21
Гафуржон ПУЛАТОВ. Стол Герируда. Роман.	34
Вячеслав АХУНОВ. Узбекский транзит. Фрагмент из романа-дилогии «...И обаять свое одиночество».	73
Константин ПЕРЕВЕРЗЕВ. И на Машку бывает промашка. Рассказы.	97

ПОЭЗИЯ

Галина ДОЛГАЯ. Узнаю в чертах природы нежность.	9
Бах АХМЕДОВ. Здравствуй, это я...	25
Вероника ШУППЕ. Я верю в тебя.	58
Любовь ТИОРА. Амфоры познания.	66

НОВЫЕ ИМЕНА

Геннадий СЕЛИВАНОВ. Пустыня. Рассказ.	11
Ирода МАХМАДИЯРОВА. Возвращение на круги своя. ..	138

ПЕРЕВОДЫ

Дилором АБДУРАХМОН. Страницы прошлых лет листая... Перевод с узбекского Ларисы Юсуповой.	29
Мухаммад АЛИ. Амир Темур Великий. Роман-эпопея. Книга четвертая. Шахрух Мирза. Перевод с узбекского Диноры Азимовой.	101

ФИЛОСОФИЯ ИСКУССТВА

Эльмира АХМЕДОВА. Единственная и неповторимая... ..	117
Насиба БАХРИТДИНОВА. Философия духовности в Реквиеме Роберта Шумана.	131
Рустам АБДУЛЛАЕВ. Шашмакомы в наследии Фитрата. ...	150

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Наталья ЕРЁМЕНКО. Стихи приносит мне туман... ..	91
Алексей КИРДЯНОВ. Магия чувств.	96

КАРАВАН ИСТОРИИ

Лейла ШАХНАЗАРОВА. Вертинский в Ташкенте.	61
--	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Александра ДАВШАН. Сказать по-персидски... ..	120
Владимир ВАХРАМЕЕВ. Люблю Эстонию, Россию горжусь!	125
Кодиржон НОСИРОВ, Дилором ИСАМОВА. Так вот ты какой, Восток!	134
Насиба ХАЙДАРОВА. Ташкентская «микропроза» Василия Яна.	144

Звезда Востока

2019 № 4

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован
Узбекским агентством печати и
информации
Рег. № 0296
05. 02. 2016 г.

Адрес редакции:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор,
Адиблар хийбони, здание
Союза писателей Узбекистана.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru
zvezdavostokazv@mail.uz
web-site: www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет
Елена Юрченко

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.
Усл. п.л. 13,3. Уч.изд.л. 14,86
Тираж 840 экз. Заказ № 7
Цена договорная.

Отпечатано в типографии ООО
«BIZNES FORMAT LYUKS».
г. Ташкент, Алмазарский р-н,
Уста ширин ул 1.

Редакция журнала уведомляет
авторов о том, что к рассмотрению
принимаются рукописи,
выполненные в компьютерном наборе
объемом не более 50 страниц.
Набор текста в любом формате с
приложением электронной версии и
распечатки.

Рукописи не возвращаются и
не рецензируются.

Письменные заключения не даются.
Мнение авторов может не совпадать
с мнением редакции.

Перепечатка без согласия редакции
не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока»
обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»

На 2-ой, 3-ей и 4-ой страницах обложки журнала фарфоровые
издания Шахнозы Муминовой.

ДУРАК

Рассказ

Марат БАЙЗАКОВ

По району скачет дождь. С паузами, урывками. Прыгает на дерево, копошится в ветвях, путается и валится на асфальт. Поднявшись, он бежит по проезжей части, будто на скачках обгоняя автомобили.

Дождь в Ташкенте добрый, он не бьет по лицу, он целует щеки, гладит руки. Это вовсе не тот дождь, что загоняет людей в дома и ближайшие магазины, напротив, он смывает серость города и усталость его жителей.

Просыпается сам город. Потягивается трамвайными линиями, зевает гудками электричек. Женщина, сама того не подозревая, подметает огромной связкой прутьев у самого основания раскинувшейся радуги. Мальчик спешит куда-то с целлофановым пакетом в руке. Он раздут, как круглая колба, в нем булькает вода. Оттуда тарахтятся испуганные глаза оранды – золотой рыбки с шапочкой на голове, смешно надвинутой, как хорезмская чугурма. На светофоре неподвижно сидит ворон, будто для того, чтоб переключать его. Когда зажигается красный свет, глаза его зловеще загораются и кажется, что он вот-вот гаркнет: «Nevermore».

Просыпается и Фархад. Он слышит за окном топот дождя и радуется утренней свежести. Но застичь его он не успевает: пока умывается, завтракает и спускает с пятого этажа велосипед, дождь успевает убежать в неизвестном направлении.

Он разматывает длинную цепь замка велосипеда, закидывает за спину рюкзак, бодро крутит педали. «Если б доучился в универе, наверное, легче было бы найти работу», – размышляет он каждое утро. Но сегодня все иначе. Фархад почему-то уверен, что именно сегодня он, наконец, найдет работу, которую уже полгода ищет. Вот на что способен ташкентский дождь – беспричинно вселять надежду!

Фархад решает сменить маршрут, проехаться по маленькой аллее, где, взявшись за руки, выстроились в два ряда чинары. Он вспоминает слова покойного отца: «Когда Богу становится скучно, он спускается на землю и прогуливается по старым улицам Ташкента, бродит среди раскидистых чинар».

Марат БАЙЗАКОВ. Родился в 1979 г. в Ташкенте. Учился в Германии, в США. Работает инженером в швейцарской нефтегазовой компании. Публиковался в журнале «Звезда Востока». Автор сборника «от Я до Мы».

Воспоминания тянутся бесконечно, зыбкой вязью цепляясь друг за друга. Вот Фархад рыбачит с отцом... Серебряный карась барахтается на крючке. Солнце переливается разноцветными блестками на его чешуе, слепит глаза. Рыба срывается, падает в воду. «Может, она и умрет от раны, оставленной крючком, но сегодня рыба нас победила», – объясняет отец десятилетнему Фархаду.

Воспоминания рушит истошный визг электропилы, обрывает их, возвращает велосипедиста в реальность. Дюжина смуглых, прокаленных на солнце людей рубит на аллее деревья. Кто топором машет, кто пилой вопит. Рядом гудит техника. Черный дым из трубы трактора смешивается с терпким запахом оголенной коры и едким смогом расплзается по округе. Земля устлана ветвями платанов, а листья растопыренными пальцами припадают к земле, словно молятся. Молодой человек останавливается, сбрасывает рюкзак, бежит к работникам.

– Что вы делаете? – кричит он на бегу. – Почему пилите деревья? Кто вам дал право?

Парня никто не слышит. Электропила распиливает и его голос. В самой гуще древесной бойни стоит человек. Белая рубашка с коротким галстуком, ежедневник с ручкой и беспрестанно звонящий телефон выдают в нем начальника-бригадира. Фархад перепрыгивает через мертвые чинары, бежит к нему.

– Жить надоело?! – перекикивает начальник вой пилы. – Здесь работа идет, чё те надо?!

Парень не здороваются, не представляется, сразу накидывается на бригадира... Тот молча разглядывает молодого человека. Взгляд скользит от сандалий до кепки. Верхняя губа бригадира небрежно корчится в ухмылке.

– Ты кто такой? – спрашивает он наконец. – Журналист, что ли?

– Да, – врет ему Фархад, – журналист!

– Ну тогда тебе в хокимият, все вопросы к ним, что ты ко мне-то пристал? – почти кричит человек, хотя пила уже смолкла. – А вы что расселись, дангасалар?! – накидывается он на работников. – Нам завтра объект сдавать, а вы тут рты раззявили, сволочи!

Фархад возвращается к велосипеду, подбирает рюкзак, оборачивается назад. Там, изогнувшись от боли, дрожит листьями чинара, тянется к нему ветвями, будто просит о помощи. Он спешно разворачивает велосипед и что есть мочи мчит в сторону хокимията.

* * *

Фархад еще не знает, что в городском управлении он потеряет целый день.

Сперва его вовсе не пустят в здание без предварительной записи:

– А паспорт где? – спросят на проходной. – Куда ты без документов лезешь? Не положено!

Затем он будет долго искать ответственного чиновника. У двери кабинета того самого чиновника будет ждать его возвращения с совещания, а чуть позже – ждать с обеда. Наконец, чиновник выслушает его и направит

к другому чиновнику. Тот в свою очередь к третьему. Так ничего и не выяснив, измученный и голодный, Фархад вернется обратно на аллею и ахнет!

Перед ним – совершенно голая аллея с подступившими вплотную домами, длинный бетонный ковер-дорожка, заваленная деревьями и захлестнутая нескончаемым потоком света. Громко ругаясь и подтрунивая друг над другом, рабочие рубят последние три чинары.

Вздвогнув, Фархад соскакивает с велосипеда, который с грохотом падает на землю, швыряет рюкзак в сторону и с кулаками кидается на ближайшего мужчину с пилой.

* * *

Что-то остро ноет внутри, то ли от ударов, то ли это иная боль. Фархад прикладывает ладонь к груди, боль не отпускает. Он поднимается, шатаясь идет к ближайшей чинаре, прислоняется к ней, запрокидывает голову. Над лиственной кроной медом ползет темное небо. «Молодая еще, – Фархад гладит чинару, – пожить бы ей еще лет пятьсот...» Прихрамывая, он добирается до велосипеда, разматывает стальную цепь замка, возвращается к чинаре. У ее основания он обматывает себя цепью и, обняв ствол дерева, пристегивает себя к нему, ключ же прячет во рту.

– Вой, вой! – удивляется мужчина в кепке, приметив привязанного к дереву Фархада. – Э-э-э, мужики! Сюда! Смотрите! – кричит он и машет руками.

Тотчас же вокруг последнего на аллее дерева собирается толпа.

– Чё, пацан, мало тебе было? – смеется кто-то.

– Может, тебе еще врезать? – предлагает другой.

– Ладно, ребят, валим отсюда, поздно уже, – долговязый мужик вытирает рукавом пот, размазывая опилки по лбу. – Что скажете, шеф?

Бригадир кивает.

– Завтра срубим ее, дело левое, и дрова заодно погрузим. А этот, – он кивнул на парня, – пусть хоть всю ночь тут с ней обнимается, придурок!

Они бросают инструменты в железный ящик, камнем вешают на него замок и уходят прочь.

Бригадир с отвисшим галстуком подходит к Фархаду ближе, обходит дерево. Долго молчит, подбирает слова:

– Слушай, сынок, ты на нас-то обиду не держи, работа у нас такая, понимаешь? – голос ласковый, доверительный. Теперь бригадир не кричит, почти шепчет. – Ты лучше вот что скажи мне: зачем тебе все это, а?

Он разглядывает заплывший глаз парня, цокает, протягивает носовой платок. Тот отворачивается.

– Ты же еще сопляк, ну сколько тебе? Двадцать пять? Двадцать семь? Шел бы лучше с девушками гулять, в интернете сидеть, ну или пиво пить, в конце-то концов. Тебе больше всего надо? Отвечай, когда тебя старшие спрашивают! – выходит он из себя.

Фархад молчит, только крепче прижимается к дереву, будто к гробу отца. По щеке течет что-то горячее, густое, то ли слеза, то ли кровь,

в сумерках не разобрать. Фархад вытирает щеку рукавом и снова плотно прижимается к стволу, будто сейчас бригадир отберет его.

– А-а-а, я понял! – начальник улыбается, меняется в лице. – Ты, небось, долю хочешь? Верно, гринпис? Ты только скажи, вопрос-то решаемый.

– Здесь над нами Бог, – произносит Фархад еле слышно.

Бригадир дергается, наклоняется к нему ближе:

– Чего? – переспрашивает.

– Когда Богу становится скучно, он здесь гуляет... гулял среди вот этих вот чинар, – кивает Фархад на землю, где бездыханно лежат тела павших великанов.

Начальник повисает над ним, застывает от изумления, не в силах ответить от него взгляд, потом истошно хохочет.

– Дурак! – хрипит он сквозь удушающий смех, вытирая слезящиеся глаза галстуком, и шагает прочь.

«Дурак! – слышится еще несколько раз в темноте. – Дурак!»

Аллея пустеет, сиротеет. Деревья покойно лежат, как солдаты на поле боя. Не пройти, не проехать. Лишь ночь аккуратно пробирается между ними. Фархад стоит, обняв последнюю чинару. Долго стоит. Дышит тяжело, ноги не держат. Наконец, он достает изо рта ключ, снимает замок. Подходит к ящику с инструментами, ломает его ногой, находит в ящике топор и несет его к дереву. У самого подножья он медленно поднимает его высоко над головой. Свет проезжающей машины мерцает на лезвии. Фархад закрывает глаза, звериный крик вырывается наружу и тяжелый топор вгрызается в ствол.

«Дыкхх!»

Где-то между домами, во дворе, отчаянно вторит эхо, затем глухое шипение: «кххх...»

Дерево дрожит, будто его внезапно облили ледяной водой.

«Дыкхх!» – опускается второй удар с душераздирающим гортанным звуком.

Фархаду мерещатся стоны чинары, но открыть глаза он не решается и от этого сам кричит отчаяннее, злее, безнадежней.

«Дыкхх! Дыкхх! Дыкхх!» – крики заглушают звон топора.

«Дыкхх! Дыкхх!»

Что-то брызжет ему в лицо. Дождь? Слезы? Кровь чинары?

«Дыкхх! Дыкхх!»

Поднимая и опуская топор, Фархад воет как раненый зверь, чье потомство только что истребили охотники.

«Дыкхх!»

Наконец топор замирает. Эхо растворяется... Чинара жалобно скрипит, испуская дух, застывает на мгновение, затем бесшумно ложится на мертвые деревья.

Узнаю в чертах природы нежность...

Галина ДОЛГАЯ

Музыка рока

Дождь зачастил. Переливами звука
Капли сливаются в музыку рока,
Падают до-, ля-, фа-, ми-, соль-бемолями,
Перекликаются с мокрыми кровлями.
Лоно земли наполняется влагою,
Сердце пичуги – безмерной отвагою:
Дерзкий скворец подражает мелодии
Звонкой кантаты «А-ля Непогодия».

Крым

Прозрачные леса на склонах крымских гор
То светом пронзены, то тают в облаках.
Осенний воздух свеж, и слышен рокот волн.
И шелестит вода, запутавшись в песках.

К скалистым берегам несется вал воды.
Взорвалась сотней брызг настырная волна.
Там камень скал рябых хранит ее следы.
Но пеной растеклись ворчливые слова.

Лениво облака сползают в пестрый дол.
В горах то снег, то дождь – не разобрать причуд.
Но радуги рука взметнулась выше гор!
По призрачным мостам к нам ангелы идут...

Галина ДОЛГАЯ. Родилась в 1959 г. в Ташкенте. Окончила ТИНХ (ныне ТГЭУ) по специальности «экономическая кибернетика». Автор романов, повестей, рассказов, стихов, очерков о путешествиях. Победитель Международного конкурса «Open Central Asia Book Forum – 2012» (роман «Боги Срединного мира»). Публикуется в Узбекистане, России, Англии, Германии.

Гроза

Гроза!
Мятежность бури в кронах!
Гром грянул, и поток ворвался в лес,
Лучами мокрыми пронзил листву...
Казалось,
Бес
Все завертел,
Наполнил влагой лоно
Земли,
Так страстно жаждущей небес!

Радуга

Радугой порадовало утро,
Подарило яркий сочный свет,
Блики водяного перламутра
На траве оформились в портрет.

Узнаю в чертах природы нежность,
Свежесть моря, аромат цветов,
Гор высоких снежную безбрежность,
Хрупкость тела радужных мостов.

Брызги разлетаются, играя,
Ловят луч магический, живой...
Каплей краски на портрет спускаясь,
Создают шедевры свет с водой!

Ноябрь

Не все деревья облетели,
Еще не все.
Ноябрь в лиственной постели
Шуршит во сне.
Еще укутана чинара в охристый плед,
А листья прихотью забавы
Летят вослед.
Под шум дождя вороньей стаей
Прочерчен след.
В небесном пухлом покрывале
Дрожит рассвет.

Камень

Камень, камень, старый камень...
Все лежишь, молчишь, задумчив.
Бок покрылся мхом, кустами
Заслонился от той кручи –
По весне она кидает
В тебя камушки игриво,
Только пролетают мимо,
Шутки кручи шаловливой.

Камень... Был скалой когда-то,
Возвышался над холмами.
Ветер залетал, стаккато
Распевал над деревьями,
Что еще совсем молодые –
Ароматной хвоей руки,
Корни выгнуты, как дуги...
Все шептали, что подруги.

Только корни – цепко, хватко! –
Пробрались в тебя и с треском
Разорвали бок и чресла!..
Неустойчивость... Как шатко...
Покатился вниз, под кручу.
Сброшен ветром, смыт дождями.
Деревам не нужен камень –
Старый, старый, древний камень...

Ушелье

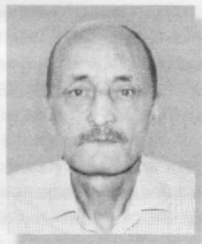
Ушелье. Сотни метров скал!
Река на дне – шумит, грохочет!
Воды бушующей оскал
Воображение шекочет!

Сползает склон ковром из трав.
Арча, корнями извиваясь,
Преграду на пути прорвав,
Застыла, за скалу цепляясь.

Порывом ветер на простор
Летит меж грозными камнями...
Луч солнца, как стрела, как пламень,
Вознесся перед ликом гор...

ПУСТЫНЯ

Рассказ

Геннадий СЕЛИВАНОВ

– Алексей Иваныч, тебя колонный вызывает.

– А что так?

– Наверное, объявит, куда ехать.

Алексей Иваныч вылез из-под «Урала», отряхнулся, вытер руки. Ему 62, самый старый водитель в колонне, да и во всей, пожалуй, транспортной системе «Миннефтегазстрой». Высокого роста, худощавый, седые, зачесанные назад, по-прежнему густые, несмотря на возраст, волосы, всегда бодрый, неунывающий. За 44 года водительского стажа прошёл две войны, целину. И вот теперь предпочел домашнему уюту дорогу, работая в колонне, обслуживающей буровые Кызыл-Кумов и Кара-Кумов. За опытность, доброту и отзывчивость в коллективе его уважали, называли не просто дядей Лёшей, а по имени-отчеству – Алексеем Иванычем.

– Салом, Махмуд. Что вызывал? – спросил Алексей Иваныч, войдя в вагончик колонного.

– Здравствуй, Алексей Иваныч. Ты сегодня на ремонте? – Махмуд вышел из-за стола, пожал руку.

– Да так, мелочовка. Машина на ходу.

– Ехать надо к Пашке, на буровую. Отвезёшь спецодежду, кое-что из запчастей, поработаешь там недельку. А то он соединился с трестом по радию, жалуется, что мы машину не даём.

– Когда выезжать?

– Сегодня. Сейчас на погрузку и вперёд.

– А солярку где брать? Второй день на заправке пусто.

– У ребят возьми, кто на ремонте, чтобы до буровой хватило. А там заправят.

– Это другое дело!

Алексей Иваныч вышел из вагончика. Утренняя прохлада сменилась зноем, и, чем выше поднималось солнце, тем беспощаднее жгли его лучи: середина июля, а по-местному – чилля, когда солнце не греет, а выжигает всё вокруг. «В такую жару только на буровую тащиться. То ли ещё после обеда будет...» – подумал Алексей Иваныч, садясь в свой «Урал». На складе быстро загрузили и оформили документы.

– Ну, счастливо! Сегодня поедешь? – поинтересовался кладовщик.

– После обеда.

– По радио ветер обещали.

Геннадий СЕЛИВАНОВ. Родился в 1958 г. в Магнитогорске (Россия). Работал водителем-дальнобойщиком, строителем. Публиковался в журнале «Молодая гвардия». В «Звезде Востока» публикуется впервые. Живет в Ташкенте.

– Да что нам ветер, и не в таких передрягах бывали!

У себя в вагончике набрал десятилитровую канистру питьевой воды, взял еды на один раз, мыло, бритву, полотенце, потом, залив в гараже с полбака солярки, тронулся в путь. До Пашкиной буровой около семидесяти километров, дорога знакомая, поэтому рассчитывал к ночи быть на месте. Дюны и песок – это не асфальт: скорость здесь не выше двадцати километров в час.

После обеда жара достигла апогея: нещадно палило солнце, пустыня, казалось, вымерла, и лишь одиноко двигающийся «Урал» нарушал это безмолвие. Из-за нагретшегося до девяноста градусов движка в кабине было как у мартеновской печи, но Алексей Иванович, привыкший к жаре, не обращал на это внимания, зная, что ещё час-полтора – и солнце начнёт клониться к западу, жара отступит.

Уже вечерело и «Урал» прошёл три четверти пути, когда на пустыню обрушился «афганец» – самый страшный ветер пустыни. Сразу всё застонало, заскрипело, засвистело. Казалось, кто-то неведомый разбудил спящую пустыню, и она, недовольная этим пробуждением, разгневалась и зашевелилась, подняв к небу тонны песка, скрыв это небо в песчаных тучах. «Этого только не хватало, – подумал Алексей Иванович. – До буровой ещё километров двадцать, а этот негодяй на всю ночь задул...» Колею, и так еле видимую в песках, тут же занесло, и он, старый водитель, угадывал дорогу по только ему заметным признакам. «Еще час – и буду на месте», – прикинул он. Но прошло уже больше часа, а буровая не появлялась. Алексей Иванович остановился. «Неужели промахнулся, – засомневался он. – Нет, она должна быть где-то рядом – по спидометру уже более семидесяти километров прошёл. Да разве в такую пургу песчаную что увидишь?..» Развернув машину, он поехал обратно по собственной колее, но и колея вскоре исчезла. Ветер неистовствовал, занося все следы, обдавая машину песком, больно стегая по лицу. Алексей Иванович проехал километров пять назад, но буровая так и не показалась. «Ладно, – успокаивал себя он, – придётся заночевать в машине, завтра найду. Ну и ветрише! На моей памяти такой впервые! От стариков слышал, но чтоб самому попасть в переделку... Не поймёшь, откуда дует и куда, будто на месте кружит». Закрыв стёкла, чтобы песок не попадал в кабину, он развернул свёрток с едой и принялся есть. Ветер, словно желая достать человека, яростно бился в машину, раскачивая и засыпая её песком, но в герметичной кабине он был не страшен. Будто понимая это, ветер с новой силой налетал на машину, и она, качаясь под его ударами, скорбно поскрипывала, будто жалуясь на судьбу.

– Вот чёртов «афганец», – проговорил вслух Алексей Иванович. – Хорошо, хоть догадался термос с чаем взять...

Пожинав, он со спокойной душой уснул, убаюканный раскачиванием машины.

«Афганец» прекратился под утро так же быстро и неожиданно, как и начался. И, едва на горизонте появилось солнце, Алексей Иванович встал, вышел из кабины, размялся, умылся. Стояло тихое прохладное утро, трудно было поверить, что час назад всё бушевало и тонны песка поднимались к небу. «Урал» оказался занесённым почти наполовину.

– Зря старался, ветер, – обратился Алексей Иванович, к «афганцу», – всё равно мы отсюда вылезем!

Он огляделся: повсюду бесконечные пески, буровой не видно.

– Старый дурак, – выругал себя Алексей Иванович, – дёрнул чёрт поехать в пургу! Не зря старики говорили: налетел «афганец» – замотайся с головой и становись на привал. Хотел обмануть ветер, ан не вышло! Теперь в колонне засмеют – заблудился старый хрыч!

Сев в кабину и наскоро позавтракав, он завёл машину, глянул на датчик топлива – чуть меньше четверти бака.

– Ну что ж, надо искать буровую, Бог даст, солярки хватит...

Выехав из заноса, тронулся в путь.

«Так, – размышлял он, глядя на дорогу, вернее, на пески – дороги никакой не было, – я ехал всё время на северо-восток, потом дорога сворачивает на север, солнце светило в левый бок. Километрах в пятнадцати от буровой от основной дороги отходит старая, куда, вероятно, я и свернул. Только вот куда отходит, не помню, кажется, влево... Да, влево! Значит, буровая сейчас на востоке, искать старую дорогу нет смысла – песком занесло. Поеду на восток, если даже и промахнусь, то всё равно пройду недалеко от буровой, буровики уже наверняка наследили, по следам найду». Однако, чем дальше Алексей Иванович двигался на восток, в пустыню, тем более безжизненной она становилась. «Неужели я ошибся? Не может быть! Ещё немного – и будет буровая», – успокаивал он себя, но на душе спокойнее не становилось.

Небольшой ветерок перекачивал песчинки, и те текли песчаными ручейками, засыпая след «Урала». Километров через тридцать Алексей Иванович остановился, забрался на кабину и, приложив ко лбу ладонь козырьком, огляделся. Кругом простиралась пустыня. Даже по самым грубым подсчётам он сейчас должен был бы находиться рядом с буровой ...если только старая дорога отходила влево... А ну как вправо?.. Эту мысль Алексей Иванович отгонял, но она навязчиво возвращалась.

– Ну что, милоч, будем делать? – обратился он к «Уралу». – Горючки у нас осталось от силы на тридцать вёрст. А потом что? Меня шакалы с варанами по косточкам растаскают, а тебя песок похоронит. Буровая где-то здесь, наверное, мы её севером прошли. Что ж, поедем на юг, глядишь, кого-нибудь встретим – не буровиков, так чабанов, – и Алексей Иванович, повернув на юг, снова двинулся по пескам.

Солнце в зените, в тени под пятьдесят, но здесь не было тени. Лишь редкие кусты саксаула жались друг к другу в противостоянии жару, пескам и ветру. Легкий ветерок не освежал, а сушил и обжигал, помогая солнцу испепелять всё живое. Дюны стали выше и, проезжая меж ними, Алексей Иванович уже не видел горизонта, пока не выезжал на простор, вновь съезжая затем в коридор из песка. Вокруг Пашкиной буровой нет дюн – там сплошная пустынная степь, и он понимал, что теперь окончательно заблудился. Но какая-то неведомая сила вела его вперёд, в надежде найти людей на этой забытой Богом выжженной земле. И вот, заехав в очередной коридор между дюнами, «Урал», не преодолев небольшого подъёма на выходе, резко встал.

– Ну что, старина, приехали? – вновь обратился Алексей Иванович к «Уралу». – Я знаю, ты не виноват, ты сделал всё, чтобы вытащить меня отсюда. Как говорится, «дело было не в бабине, раздолбай сидел в кабине»...

Алексей Иванович положил руки и голову на руль. Минут через пять откинулся на спинку сиденья и огляделся: справа и слева поднимались барханы. «Урал» оказался в котловине, образованной барханами, полностью скрывающими его. Даже с соседнего бархана невозможно было его увидеть!

– Да, попали мы в переделку... – растерянно произнес Алексей Иванович и, выйдя из кабины, поднялся на бархан. Солнце уже клонилось к западу, легкий ветерок, дувший с утра, затих, и теперь над пустыней стояло ярко-жёлтое безмолвие. Спустившись с бархана, Алексей Иванович вновь сел в кабину, достал сигареты и, закулив, начал размышлять: «Так, меня начнут искать дня через два – не раньше. Махмуд уверен, что я добрался до буровой и связываться

с Пашкой по рации не станет. А Пашка подождёт два дня и свяжется с трестом, а не с колонной. Пока разберутся, что к чему, ещё день пройдёт. Искать дня два-три будут, если ещё вертолёт дадут, да и место у меня хуже не придумаешь – замаскировался что надо. Будем рассчитывать на неделю... Надо подсчитать продукты и воду, умыться теперь песком придётся».

Достав продукты, Алексей Иванович разложил их на пассажирском сиденье. Небогато: грамм триста копчёной колбасы, грамм двести сала, три яйца, несколько яблок, початая буханка хлеба да в бардачке несколько старых сухарей и банка консервированной ставриды. В канистре литров шесть воды, она в пустыне самая главная, но на неделю хватить должно. Он аккуратно сложил всё и спрятал за спинку сиденья. После сигареты захотелось пить: открыв канистру, сделал глоток, плотно закрыл и поставил на место. «Надо поменьше курить, – подумал. – Сушит».

Вечерело, солнце повисло над горизонтом, большое и красное, похожее на огромный пышущий жаром металлический шар. Над пустыней быстро рассветает и так же быстро смеркается, солнце вскоре скрылось за барханами, а вместе с ним – и жара. Откуда-то набежал ветерок, приятно обдувающий, охлаждающий раскалённый песок. Но вскоре он исчез так же внезапно, как и появился. Тишину пустыни нарушили ожившиеся вдруг птицы, перелетающие, о чём-то пересвистываясь, с одного куста саксаула на другой. Из песка то тут, то там показывались маленькие ящерки, но, завидев ужасное «чудовище» – «Урал», быстро исчезали.

«Ожила, – подумал Алексей Иванович о пустыне. – Не мешало бы поужинать, весь день без еды». Он отрезал по маленькому кусочку сала и хлеба, достал яблоко, остальное же, аккуратно завернув, спрятал. Ел медленно, тщательно пережёвывая, так, ему казалось, он лучше насытится. Яблоко немного утолило жажду, и он пока отказался от воды. Закурив сигарету, решил, что на сегодня это последняя.

Уже стемнело, лишь на западе оставалась светлая полоска минувшего дня. «Вот положеньище, – думал он, – даже почитать нечего. Завтра, чтобы убить время, займусь компрессором, в колонне-то всё недосуг было. Пашка, наверное, завтра после обеда свяжется с трестом, а послезавтра, надеюсь, меня начнут искать». С такими мыслями Алексей Иванович вышел из кабины, решив немного прогуляться перед сном.

Ночная пустыня казалась чёрной, лишь небо светилось мириадами звёзд над огромным, казалось, безжизненным пространством. Стало прохладно, но попадающий в сандалии песок своим теплом приятно ласкал ноги. Обойдя машину, Алексей Иванович, постелив в кабине, лёг. Однако, как ни старался заснуть, сон не приходил, а мысли возвращали его к ситуации, в которой он оказался. Затем почему-то вспомнилось детство: отец, пасека в горах... Он хорошо помнил то время – двадцатые годы. Мать умерла от воспаления лёгких, и они остались вчетвером: отец, он и две младшие сестрёнки. Сколько ему тогда было... лет десять? А работал вместе с отцом за взрослого... Из грамоты только буквы знал, и то не все. Вроде не голодали – пасека спасала, но и сыто не жили. А потом басмачи – человек тридцать, он это никогда не забудет. Отец стоял на коленях, что-то говорил по-узбекски, а они тыкали плетью, показывая на дом. Слава Богу, не тронули, ушли, но забрали мёд, сено и единственную лошадь. Жеребец был, Буланный, кажется, звали. Отец после этого надолго замолчал, улы же таскали по горам на себе, до крови растирая плечи...

В тридцать втором продали пасеку, дом и перебрались в Ташкент. Отец устроился где-то сторожем, он пошел работать в железнодорожное депо, а по вечерам учился. В городе было, вроде, легче и интереснее. Юность выпала на тридцатые годы, нелегко было, но все равно это самые лучшие годы. Работа,

школа, первые книги, первая любовь. В тридцать восьмом послали учиться на шофёра. «Шофёр» в тридцатые звучало почти так же, как сейчас «лётчик». Гордился ужасно, особенно когда в депо отремонтировал старенький АМО и с достоинством разъезжал на нём по городу. В тридцать девятом призвали в армию. Тогда молодые люди с гордостью служили и с гордостью носили звание красноармейца. Хорошее было время, хотя и трудное... «А когда было легко? – риторическим вопросом ответил сам себе Алексей Иваныч и хотел было закурить, но, передумав, повернулся к окнам и принялся смотреть на звёзды. – Надо уснуть, ночи без сна вымотают больше, чем дни без воды». Принявшись считать звёзды, он вскоре сбился со счёта и не заметил, как уснул.

На рассвете Алексей Иваныч проснулся как по будильнику – старая привычка. Хотел было умыться, но, вспомнив, что надо экономить воду, отложил канистру. Вновь поднялся на бархан, однако глазам предстала та же картина, что и вчера. Решил по прохладце начать работу: надел комбинезон, взял из ящика ключи и поднял капот.

– Ну что, старина, – обратился к машине, – приступим? Подлечимся немного, чтобы время даром не терять.

Вскоре Алексей Иваныч сидел с компрессором под машиной в тени и, разложив его на тряпке, менял на поршнях кольца.

– Сточили колечки, – разговаривал он сам с собой.

Руки машинально делали знакомую работу. «Так, – думал он за работой, – уже третий день пошёл. Пашка, конечно, не выдержал и сейчас связывается с трестом, клянёт Махмуда на чём свет стоит. Трест свяжется с колонной, вот тут-то всё и выяснится. Махмуд скажет, что он послал машину ещё позавчера, а Пашка, горлопан, будет орать, что он машину в глаза не видел. Махмуд, конечно, засуетится, подумает, что меня по дороге инфаркт хватил, а я-то, старый пень, заблудился в дороге, по которой третий месяц катаюсь. Тыфу, стыд и срам! Сегодня же начнут искать – сначала по дороге, а потом... Я ведь сам не знаю, куда заехал. Дня три ещё понадобится – это точно. Что ж, терпи, Алексей Иваныч, сам виноват».

К десяти утра компрессор был готов и стоял на месте.

– Эх, проверить бы тебя, да нечем.

Алексей Иваныч вытер руки тряпкой, взял канистру, решив заварить зеленый чай: он и жажду утолит, и есть не так охота будет. Вынул из ящика паяльную лампу, разжёл. Через десять минут, расположившись под машиной, он обедал одним яйцом, кусочком хлеба и яблоком, затем, прислонившись к колесу, с наслаждением пил горячий чай – уже четвёртые сутки пошли, как он не пил и не ел ничего горячего. Захотелось курить. «Нет, курить не буду, – решил. – Вечером, когда стемнеет и прохладнее станет. Чем бы ещё заняться? – прикинул. – Генератор, что ли, снять, разобрать и почистить? Заодно и щётки поменяю...»

Минут через десять он вновь сидел под машиной, разбирая генератор. Время перевалило за полдень, солнце нещадно палило. Но под машиной, в тени, можно было терпеть, если привычен к жаре, и Алексей Иваныч, не обращая внимания на пекло, работал. Он работал так тщательно и аккуратно, как никогда бы не работал, будь это в гараже. И как бы ему ни хотелось растянуть эту работу, уже к закату готовый генератор блестел, будто только что с конвейера.

– Садится солнышко, вот и ещё денёк прошёл, – проговорил Алексей Иваныч, ставя генератор на место. – Придётся нам, старина, ещё одну ночь здесь коротать.

Опустив капот, он заглянул в чайник: оставалось чуть меньше половины. «Что-то сегодня много я выпил, – подумалось ему. – Этак и на неделю не хватит. Ну ничего,

это с непривычки. Глядишь, потихоньку стану как верблюд. Надо поужинать: ноги еле держат, – Алексей Иванович не торопясь разжег паяльную лампу. – Так, осталось два яйца, сегодня их надо съесть – какой уж день как сварены». Солнце уже опустилось к горизонту, когда Алексей Иванович подогрел чай и приступил к ужину.

– Погоди, – сказал он вдруг сам себе, – а ведь у меня в бардачке где-то сахар заваялся! – он выложил из бардачка все содержимое: три серых от пыли кусочка нашлись в самом углу. – Вот хорошо, – радовался он, – сахар – это углеводы и калории, сегодня у меня царский ужин! – взяв один кусочек, два остальных, завернув, он положил обратно в бардачок со словами: – Это на завтра, – затем, горестно вздохнув, добавил: – Эх, знала бы кобыла, что ногу подвернёт, не пошла бы той дорогой...

Почти стемнело, когда Алексей Иванович закончил ужинать. Сделав несколько глотков чаю, он закурил, лёжа на спине и глядя в окно на звёзды. Уже не думалось о сложном положении, в котором оказался, хотелось просто вспоминать. И он вспомнил начало войны.

Служил он в автороте в Забайкалье. Летом сорок первого их погрузили в эшелон и повезли на запад. О том, что началась война, узнали уже в дороге. Эшелон проходил через Ташкент, где они остановились на несколько дней на доукомплектацию, и ему удалось отпроситься домой. Тогда он не знал, что отца видит в последний раз, не знал и не верил, что война затянется на долгих пять лет.

Первые воронки от бомб увидели, подъезжая к Смоленску. Сначала считали, потом со счёту сбились и недоумевали, почему немцы бомбят эти далёкие от границы места. Ближе к вечеру неожиданно налетели самолёты. Он услышал взрывы, поезд резко остановился, раздались крики: «Воздух! Подальше от вагонов! В поле!» Схватив винтовку и вещмешок, он выпрыгнул из вагона и впервые так близко от себя увидел взрывы и замертво падающих людей. Нет, тогда не было страшно – скорее, любопытно; не верилось, что взрывы настоящие, те, что несут смерть и разрушения. Кто-то его толкнул, кажется, взводный, и крикнул: «Что стоишь! Ложись! Убьёт же!» Он упал под какой-то куст, а вокруг всё смешалось: крики людей, стрельба, взрывы и этот противный вой пикирующих самолётов. Он повернулся в сторону эшелона: несколько вагонов горело. Больше всего он беспокоился за свою машину, но ЗиС пока стоял цел и невредим. Затем снова взрыв, от которого чуть не лопнули ушные перепонки, и удар в левое плечо. Казалось, кто-то с размаху ударил его тяжёлой палкой и осушил руку. «Неужели убило?... – мелькнуло в голове, и секундой позже подумалось: – Если через пять минут буду слышать и видеть, значит, жив».

Через пять минут он видел и слышал, только вот рукой пошевелить не мог. Осколок задел плечо, сломав ключицу, и, оторвав кусок кожи, ушёл в землю совсем рядом – под кустом виднелась дыра. Отклонись осколок немного – и он уже ничего бы не видел и не слышал.

До передовой он тогда не доехал – попал в госпиталь. Уже там узнал, что среди погибших в той бомбёжке оказались и его товарищи, с которыми прослужил почти три года. Ключица срасталась медленно. Вышел из госпиталя только ранней зимой, но его послали не на фронт, а отправили обслуживать дальнюю авиацию бомбардировщиков – возить бомбы, людей, запчасти, снаряжение. Немцев уже разбили под Москвой, весна уже наступила – а здесь тихо, лишь рёв многомоторных бомбардировщиков нарушал тишину, напоминая, что где-то идёт война.

Вот и лето наступило, немцы наступали на Кавказ и Волгу, а он всё возил бомбы вдали от фронта. И, хотя в душе он понимал, что бомбы, которые возит, убивают фашистов, он не находил себе места, думая, что вроде как отсиживается в тылу, а значит – трус и... как будет смотреть в глаза отцу и сёстрам

после войны... Война, в его понимании, – на передовой, а не в размеренной жизни военного аэродрома. Когда немцы ворвались в Сталинград, он не выдержал и пошёл к командиру. Доказывал, требовал, твердил, что его место на фронте и что он должен воевать, а не просиживать задницу в тылу. Но командир был неумолим, и он продолжал возить бомбы.

Настал сорок третий, немцев окружили под Сталинградом и попёрли на запад, а он писал рапорт за рапортом и продолжал возить бомбы. В мае его, наконец, забрали в артиллерию, но тот артполк стоял в тылу, и на этот раз он возил не бомбы, а снаряды на полигон, где артиллеристы учились стрелять из новых пушек. Ребята в полку были в основном молодые, необстрелянные, и ему было стыдно признаться, что на войне он с лета сорок первого, а войну практически не видел.

Пришло и его время. И вот Курская дуга и первый бой, который запомнился на всю жизнь до мельчайших подробностей, будто это произошло вчера, и первая его медаль «За отвагу». Тогда-то для него и началась война с её стрельбой и взрывами, с её горькими потерями и адски трудными вёрстами. Первую «Славу» получил за Днепр, когда, раненный в правую ногу, возил снаряды. А после взрыва, опрокинувшего машину (хорошо, что не сдетонировали снаряды!), он, наполовину контуженный, собирал рассыпанные снаряды и таскал к ближайшей пушке за несколько десятков метров, пока не потерял сознание. Вторую «Славу» получил в сорок пятом под Секешфехерваром, когда проскочил мимо прорвавшихся «тигров» со снарядами к батарее и тем самым спас её положение. До третьей «Славы» не дотянул – война кончилась. День Победы встретил в Австрии. И, как в начале войны трудно было поверить, что бомбежки настоящие, так и в День Победы не верилось, что бомбежек не будет, что не надо смотреть в небо и петлять по дороге, объезжая воронки. Тогда он впервые, положив голову на баранку, заплакал. Оттого, наверное, что всё, казавшееся бесконечным, кончилось, что жив, что видит солнце и на земле мир. После Австрии их перевели на прежнее место службы – в Забайкалье. А потом была Японская и демобилизация в сорок шестом. Восемь долгих лет длилась его служба...

Алексей Иванович глянул на часы – без пяти три ночи, закурил. «Пора спать, да сон не идёт, – подумал он. – Чем бы заняться завтра? Смажу машину, наверное, масляные фильтры поменяю, воздушный почистить надо...»

Ранним утром Алексей Иванович принялся за смазку своего «Урала». Он его смазывал всего неделю назад, но теперь делал это более тщательно. Затем принялся менять фильтры. Делал всё медленно и аккуратно – торопиться некуда, время от времени выходил на бархан в надежде увидеть людей, но пески оставались пустынными, а солнце по-прежнему безжалостно палило. Перед обедом Алексей Иванович почувствовал, что перегрелся на солнце. Не желая испытывать судьбу, он быстро поставил воздушный фильтр и залез под машину пить чай. В теле появилась слабость, начался озноб, затошнило, ноги стали ватными. «Надо бы голову водой смочить», – думал Алексей Иванович, но воды было мало, и он не решился её тратить. Состояние все больше ухудшалось, в голове пульсировала единственная мысль: когда же, наконец, сядет солнце! Но оно, казалось, намеренно садилось медленно, словно задавшись целью убить своего пленника.

В какой-то момент ему показалось, что он не выдержит, получит тепловой удар под машиной – и тогда смерть. Медленно потянулся к чайнику, аккуратно, экономя каждую каплю, смочил тряпку и обмотал ею голову. Вылил из канистры в чайник остатки воды – набралось чуть больше половины.

– Ну вот и всё, старина, водичка кончилась, – медленно размышлял он вслух. – Хотя, впрочем, в радиаторе тридцать литров в системе будет. Вот только можно ли её пить – с весны не менял?.. Ладно, прокипятим, отстоится... Хорошо, что тосол¹ не залил...

С тряпкой стало легче, а тут ещё ветерок подул, солнце, наконец, коснулось горизонта, и Алексей Иванович, отпив из чайника воды, неуклюже перебрался из-под машины в кабину. Есть не хотелось, единственным желанием было лежать и ждать либо помощи, либо скорой смерти. Ночью снилось, будто какие-то уродцы хватают его, ломают руки, ноги, несут к раскалённой печи. Несколько раз просыпался в холодном поту: тело ломало, болела голова и ужасно хотелось пить. Он брал с пола чайник, делал глоток и вновь забывался тревожным сном.

Утром подняться уже не смог. «Заболел, кажется», – подумал он.

Дотянулся до аптечки позади водительского сиденья, открыл: «Всё от поноса, – досадовал он, перебирая пакетики с таблетками. – А это от чего? И сам не знаю... Ага, камфорный спирт, – Алексей Иванович отложил его в сторону. – А это, кажется, цитрамон – название стёрлось, но он один коричневый... Жаль, валидола нет, что-то сердечко пошаливает». Приняв таблетку цитрамона, натёр суставы камфорой. Хотел чай поставить, да не хватило сил, и он продолжил лежать, лишь изредка выглядывая в окно.

С утра поднялся ветер, взметая песок к небу, швыряя в машину, засыпая её. «Если к вечеру не прекратится, то машину засыплет полностью, да и кто в такой ветер искать будет?» – на удивление безразлично подумал он, поймав себя на мысли, что на самом деле ему уже все равно, найдут его или нет. Он лежал, смотрел в потолок и, казалось, уже смирился со своей участью. Ничего не хотелось: ни спасать себя, ни думать о помощи, а просто лежать и ждать, когда все кончится.

К вечеру ветер стих и Алексею Ивановичу стало легче. Приподнявшись, он сел. На бархане, прямо перед машиной, стоял огромный – метра два длиной – варан, застыв, будто изваяние, и немигающе глядя на машину.

– Уже пришёл? – грустно спросил Алексей Иванович. – Почуял падаль? Тебе хорошо – ты у себя дома, а мне, твоему непрошеному гостю, каково? Помру, так вы все косточки мои по пескам расташите. Ишь, как встал. Ну что смотришь? Не дождёшься! А ну пошёл отсюда! – Алексей Иванович открыл дверь и, как ему показалось, громко повторил: – Уходи, рано ещё!

Варан неторопливо развернулся и медленно скрылся в барханах, этого человека он не боялся.

– Ага, испугался! – Алексей Иванович приподнялся и сел. – Я что-то совсем захирел, надо встать. Помирать дома будем – при свечах да при батюшке, который грехи мои, даст Бог, отпустит.

Заставив себя встать, он взял чайник и медленно вышел из машины. «Урал» занесло песком до самой подножки, и теперь не надо было спускаться или подниматься. Кое-как нащупав краник от радиатора, повернул его: в чайник полилась жёлтая, временами коричневая от ржавчины вода. Набрав воду, он тщательно закрыл краник и принялся разжигать паяльную лампу. «Ничего, вскипятим, отстоится, ржавчина на дно осядет», – успокаивал себя он.

Уже стемнело, когда ему впервые за сутки захотелось есть. Из продуктов остались лишь маленький кусочек сала, банка ставриды, ломтик хлеба, завернутый в целлофан, да несколько сухарей. Сало Алексей Иванович поделил на две части, одну съел с остатками хлеба, другую вместе с сухарями и консервной банкой отложил:

¹ Охлаждающая жидкость из воды, антифриза, специальных присадок, предохраняющих систему охлаждения двигателя.

«Съем, когда совсем умирать с голоду буду». Поужинав, он почувствовал себя лучше. «Ну вот, старый хрыч, отошёл вроде, а то уже и помирать собрался, – с облегчением подумал он и даже закурил, но возникшая от сигареты тошнота заставила её выкинуть. – Курение отменяется. Так, сколько суток прошло? Что-то сбился со счёту. Шестые сегодня, кажется... Они там что, забыли про меня? Нет, ищут, конечно, да вот что-то долго. Воды теперь хватит, а как быть с продуктами? Хотя без еды, говорят, месяц продержаться можно. Надо спать побольше да шевелиться поменьше... но так же с ума можно сойти!.. – укладываясь, Алексей Иванович решил: – Завтра займусь протяжкой, не годится лежать».

Вновь стали одолевать грустные мысли. Он отгонял их, пытался думать о другом – не получалось. Опять вспомнилась война, первый его бой. Почему именно война, объяснить он не мог. Может, потому, что и война, и нынешний случай в пустыне – всё связано со стрессом? А может, надо было чем-то занять голову, а войну он прекрасно помнил и вряд ли мог когда-либо забыть?

Память унесла его в далёкий сорок третий год – первый день Курской битвы. Тогда после адской бомбёжки он находился в резерве при штабе артполка. Стреляли пушки, наступали «тигры», и казалось, ничто их не остановит: они раздавят и уничтожат пушки и КП полка. Тогда-то он и вызвался отвезти снаряды замолкнувшей батарее, которая находилась на острие атаки «тигров». Гружённый под завязку снарядами, он поехал, преодолевая появившийся вдруг страх. Не давала покоя мысль, что при близком взрыве от него ничего не останется. А потом внезапно исчезло всё: и страх, и трезвое восприятие реальности происходящего: он просто объезжал воронки, глядя вперёд, с единственной мыслью в голове: надо доехать.

До первой батареи добрался нормально, танки его не заметили. А вот к последней пришлось изрядно попетлять. Запрятав машину за пригорок, побежал к пушке, около которой неподвижно лежали артиллеристы. Что делать, Алексей Иванович не знал, здравый смысл подсказывал: возвращайся, этой пушке никто уже не поможет. Но он тормозил артиллеристов в надежде, что те очнутся, однако... снаряд «тигра» сделал своё дело. Спотыкаясь о пустые гильзы, он встал и посмотрел вперёд: «Тигры» были совсем близко, на эту пушку они шли не стреляя. «Что стоишь, придурок?! – вдруг услышал он. – Убьют же! Таши снаряды!» Это был Андрей, командир орудия, единственный, с кем он подружился на полигоне, когда возил снаряды, и единственный, кто тоже воевал с сорок первого. Андрей подбежал к нему, попытался его поднять. «Уйди, Лёха! – крикнул тот зло. – Я сам! Таши снаряды!»

Он побежал к машине, затем таскал снаряды, заряжал орудие, а Андрей что-то кричал ему, матерился, но в этом грохоте апокалипсиса ничего не было слышно. Подбивал Андрей танки или нет, Алексей Иванович не видел, он, как автомат, отключившись от реальности, только спешил принести снаряд: машина – снаряд, принёс – зарядил, машина – снаряд, принёс – зарядил... Лишь после близкого взрыва, когда его опрокинуло взрывной волной и слегка оглушило, он подумал почему-то о машине. А потом совсем рядом появились танки... Первый он заметил слева, второй шел прямо на них. Крик Андрея, свист пуль – фить-фить, – и то ли стрельба, то ли цокот подкованного сапога о металл... опять фить-фить – и рикошет от щита пушки с визгом, а потом ещё один. Он машинально сел: может быть, сработал инстинкт самосохранения, а может, просто чувство безысходности накрыло... И вот новый крик Андрея: «Готов, твою мать! Готов!» И ползуший танк загорелся – сначала вспышка, потом факел и почему-то крутящаяся башня. Воодушевившись плодами их совместной с Андреем работы, он с новой силой принялся таскать снаряды.

В тот день танки всё-таки раздавили его ЗиС, но сам он остался жив: подошли резервы, откопали его, оглушённого и дезориентированного. А Андрей остался там, под пушкой, когда их накрыл снаряд «тигра»... Это был первый бой Алексея Иваныча, за который его наградили медалью «За отвагу».

Утром следующего дня Алексей Иваныч взял ключи и принялся протягивать машину. Но сил не было, он лишь касался ключами гаек, скорее, имитируя, чем выполняя работу. К обеду послышался приближающийся гул, и он понял, что это вертолёт. Бросив ключи, поднялся на бархан. Увидел его около самого горизонта и побежал навстречу, крича и размахивая руками. Падая, поднимался, снова бежал... но вертолёт скрылся, так и не заметив его. Алексей Иваныч упал и долго не мог подняться, потом все же медленно на четвереньках пополз к машине.

Сколько полз – не помнил, только в какой-то момент скатился с бархана и оказался рядом с «Уралом». Долго лежал не двигаясь, ни о чём не думая. Наконец, поднялся, взял ключи и принялся за работу. Руки не слушались, ключ срывался, разбивая пальцы в кровь, но он начинал всё сначала, пока не открутил запаску, которую после небольшой передышки, преодолевая себя, начал выкатывать на бархан, но, преодолев полпути, обессиленный, скатывался с запаской обратно к машине. Поняв, что не сможет выкатить колесо, принялся разбортовывать его. Кольца казались невероятно упругими, а кувалда неподъёмной. Когда же, наконец, он высвободил шину, в висках стучало, перед глазами плавали красные круги, и он просто упал рядом с колесом, пытаясь собраться с силами. Тело будто онемело, ватные ноги не слушались, руки стали чугунными. Но он встал и начал выкатывать баллон на бархан. Сколько раз падал и всё начинал сначала – сбился со счёта. Село солнце и опустилась ночь, когда баллон все-таки оказался на бархане. Алексей Иваныч долго лежал около него, глядя в бездонное чёрное небо с мириадами звёзд. В какой-то момент ощутил невесомость, будто он – в бескрайнем океане звёзд. Что это? Душа, покинувшая его брэнное тело, улетала от него? Так легко и прекрасно, что не хочется возвращаться... Но вдруг он очнулся, вернувшись в реальность, усилием воли поднялся, дошел до машины и, взяв канистру с бензином и спички, принёс к баллону.

Ночью его снова преследовали кошмары, болела голова, руки, ноги, спина.

Утром он уже не выходил из машины и лишь, открыв дверь, лежал, прислушиваясь к пустыне. Он ждал вертолёт, и тот появился, но вновь летал где-то вдалеке. Алексей Иваныч ползком добрался до баллона, облил его бензином и поджёг. Баллон разгорался медленно, а звук винтов становился всё глуше – вертолёт удалялся. Наконец, баллон разгорелся, к небу поднялся чёрный дым, и чем сильнее разгорался баллон, тем гуще и чернее становился дым, всё выше улетая в небо. Алексей Иваныч отполз от горящего баллона и лёг на песок. «Если не заметят, – подумал он, – колесо снять не смогу. Да и какая уже будет разница, в третий раз они в этот квадрат не прилетят».

Он не слышал, как подлетел вертолёт, лишь сквозь какой-то туман увидел Махмуда, Пашку, услышал, как Махмуд всё время твердил:

– Жив, Алексей Иваныч, жив! Как же так? Как ты оказался за семьдесят километров к югу от буровой?

– Надо забрать машину, – проговорил Алексей Иваныч и потерял сознание.

Через неделю Алексей Иваныч вышел на работу, хотя ему еще не закрыли больничный. Ребята пригнали и помыли его «Урал», и он стоял готовый к рейсу. Единственное, чего на нём не хватало, – это запаски.

ЧИМБАЙЛИК

Очерк

Умида КАРИМОВА

Вы слышали о Чимбайлике?

Нет?! Ну конечно... Откуда вы можете знать об одном из многочисленных живописных кишлаков в предгорьях Чимгана?

Не спешите недоумевающе пожимать плечами. Я вам расскажу об этом достопримечательном месте и его весьма достойных жителях.

По жизненным обстоятельствам я застряла в этом небольшом селении, которое расположилось на склоне Каранкульских гор, окруженное с одной стороны плотиной водохранилища, с другой – Газалкентом.

Это место – настоящая природная аэродинамическая труба. Здесь постоянно дуют ветры, летом освежающие, а зимой пронизывающие, чуть ли не штормовой силы... воюющие, как шакалы, которых здесь водится неисчислимое множество.

Такое ощущение, что вся погода, вернее, непогода в Ташкенте зарождается именно здесь. Шквалистый ветер воет так, что от этого звука сносит голову, и, сидя в крепком уютном доме, начинаешь вздрагивать от ударов оторвавшихся оцинкованных листов на крыше.

Итак, я застряла в кишлаке Чимбайлик, терпеливо ожидая опаздывающего водителя. Я не удивлялась, что его нет, ведь в Чимбайлике всё по-другому. С некоторых пор кишлак стал местом курортным и, следовательно, праздным, и этот факт наложил свой отпечаток на жизнь местных жителей.

Мужчины здесь валяжны, неторопливы и все поголовно занимаются извозом. Любимая трасса – от Чимбайлика до Газалкента – всего-то километров пять. В центре кишлака на так называемом пятачке собирается разношерстная кавалькада автомобилей полувековой изношенности... в основном это Жигули... битые-перебитые, выкрашенные во все цвета радуги. Они набирают по четыре пассажира и отвозят в Газалкент и обратно.

Ожидание следующего рейса может длиться часами, но никто из водителей не суетится, не торопится... они лениво переговариваются... курят, спорят

Умида КАРИМОВА. Окончила химвфак и аспирантуру ТашГУ (ныне НУУЗ). Пишет стихи, занимается переводами. Активно сотрудничает с клубом-музеем «Мангалочий дворик Анны Ахматовой». Публиковалась в альманахе «Под крылом Пегаса», журнале «Звезда Востока».

о футболе, ремонте машин, обсуждают цены на базаре в столице. Многие уходят отдыхать домой... этакая сиеста. Ну чем не Испания!..

Автомобили – это вообще отдельная тема! Как-то приехал по вызову молоденький старательный водила... мальчишка совсем. Услышала машину ещё раньше, чем она подъехала ко мне: лязг, звон, треск, свист, скрежет, – казалось, она вот-вот распадётся... во всяком случае, разнообразные звуки она издавала, в основном трагические, как при последнем издыхании. Подъехав, паренёк с предупредительной поспешностью выбежал из автомобиля и распахнул передо мной дверь. «Надо же, какой галантный», – подумала я. Когда доехали до базарчика, хотела выйти, но паренёк остановил меня: «Опа, посидите, я сам открою!» «Какое прекрасное воспитание!» – едва успела подумать я, как от рывка дверца автомобиля каким-то образом оказалась в руках «воспитанного мальчика». Так вот в чём причина его джентельменской предупредительности!

Кишлак, как уже было сказано, расположен в предгорье Чимгана. Здесь живут люди разных национальностей и вероисповеданий. Этаким маленьким Вавилон, расположившийся на Великом шёлковом пути.

Особо хочу отметить красоту женщин-таджичек. Жгучие брюнетки, белолицые, статные, независимо от возраста. Так и хочется вспомнить наследие греков... наверняка войско Александра Македонского в своё время прошло по обширной территории, часть которой ныне занимает Узбекистан.

Кроме таджиков и узбеков, много уйгуров, казахов, киргизов, русских, татар. Татары вообще самый фантастический народ: их выживаемость и приспособляемость к любым условиям жизни удивительна. Известная поговорка «поскреби русского – найдёшь татарина», приписываемая и Пушкину, и Карамзину, и Тургеневу, и даже французам, верна однозначно. А русских в Чимбайлике немало. Впрочем, узбеков больше. Интересно общение их между собой: они свободно переходят с одного языка на другой, смешивая их даже в рамках одного предложения.

Я попала в Чимбайлик именно в послеобеденный перерыв. Чтобы сократить время, прошла к маленькому мавзолею. Одни называют его Икромата, другие – Усмон-ота. Хранителем этого мавзолея ныне является Усмон-али-ака, называющий себя предком святого, который захоронен здесь. Это он извлёк из небытия древнюю легенду о святом, а ведь все легенды зачастую граничат с жизненной реальностью. Надо только верить. Ведь в своё время именно так Генрих Шлиман открыл клад царя Приама при раскопках Трои.

Смотритель и внешне отличался от жителей Чимбайлика. Худошавый, голубоглазый, с прекрасным чувством юмора и, конечно, великолепный рассказчик. Правда, росточком не дотянул до своего предка: все святые по поверьям, дошедшим до нас, были под три метра.

Когда-то в юности Усмон-ака оказался в больнице. Находясь в состоянии между жизнью и смертью, он увидел, как к нему сошёл дух святого и призвал восстановить мечеть. «Почему я? – удивился будущий смотритель. – Ведь есть родственники более достойные!» Но пока он не пришёл к этому святому месту, не было ему покоя. И вот уже десятилетия у старой

грунтовой дороги среди холмов он верно служит памяти своего предка. Его семья переехала сюда же... среди деревьев и цветов бегают его внуки – рыжие и русые с голубыми глазами. Там, где сейчас находится усыпальница с надгробием святого, ныне стоит мечеть, построенная им самим, а напротив – маленький караван-сарай, дабы было где отдохнуть случайному путнику.

А легенда гласит, опять же со слов Усмона-аки, что в давние-давние времена по еле заметной тропе вдоль холмов с небольшим караваном шёл путник из далёкой Аравии. Сначала добирался по морю на груженном товарами корабле и чуть было не погиб, но во время шторма уверовал в Аллаха единого и милосердного... Затем принял ислам.

На этом пути он потерял родственника, друга и сподвижника. Похоронил его на высоком холме среди одиноких могил, воткнув в мягкую землю свой посох с клочком материи на конце, дабы могила не затерялась. Слёз не было, была только шемящая боль одиночества и неумное желание идти и идти по бесконечной дороге жизни...

Вскоре караван вступил в долину, свежий ветер донёс запах пахучих трав и дым костра... рядом шумела стремительная река. Показался караван-сарай со скопищем верблюдов... слышны были понукающие крики, визг и смех.

«Благословенные места!» – подумал араб. У него было ощущение, что он нашёл своё, родное, что пришёл именно туда, куда ему и было предназначено. И он остался здесь. Здесь закончилась его дорога и началась его новая жизнь.

С помощью своих единомышленников Икрим, а именно так звали аравийца, построил мечеть, разбил сад и нёс слово истины, а ведь истина превыше нас самих... Своим примером он множил ряды верующих. Но были у него и враги – идолопоклонники, которые пытались его убить. Икрим встречал их с улыбкой на лице и с поднятой вверх рукой с открытой ладонью, обезоруживая своей добротой.

Однако подлость и предательство многолики в своём проявлении. Однажды, лстиво улыбаясь, под масками друзей враги вывели у святого, как можно его убить, ведь он такой сильный. Икрим никогда не обманывал и, как всегда, указал правду, что убить его можно во время молитвы, когда он совершает поклоны Аллаху.

Враги пришли в мечеть во время его молитвы и отрубили аравийцу голову мечом. Но случилось чудо! Святой взял голову в руки и пошёл в гору. За ним пошли все верующие... следом побежали враги. На самой вершине была площадка, откуда непрерывным потоком вода срывалась вниз. Вот там-то и произошло сражение, в котором были повержены все идолопоклонники.

До сих пор сохранились могильные холмики... к ним протоптаны тропинки... любопытствующие приходят к водопаду... но подъём очень опасен.

Тело святого принесли в мечеть, но голову его так и не нашли.

Прошло много веков... В годы, когда разрушали мечети и церкви, мечеть в Чимбайлике тоже не миновала печальная участь. Новая власть приказала

разрушить мечеть, но могилу тронуть побоялись. Горе и болезни пришли в семьи к тем, кто разрушил мечеть. Один утонул на мелководье, запутавшись в стременах, у другого рождались дети-уроды, третий ослеп, да как-то страшно: вместо глаз у него были гнойные раны. В кишлаке говорили о каре небесной, постигшей осквернителей святого места.

Прошли годы. Постепенно люди восстановили макбара (место захоронения), зашумели карагачи вдоль дороги, а власть предержавшие старались не вмешиваться... ещё свежа была память о случившемся.

* * *

Но его уже не было... Он ушёл. Это чувствовалось по потемневшему небу, притихшему ветру, исчезнувшему роднику. Ещё год назад Он был здесь, в развевающейся белой одежде, излучающий доброту. С мягкой улыбкой Он смотрел на людей, которые пришли к его гробнице и просили о помощи... читали молитвы или просто сидели на глиняной супе под кроной раскинувшейся над их головами урючины и думали о чём-то своём. Он ходил среди них, гладил по голове и плечам, и люди чувствовали тепло и успокоение. Солнце светило сквозь кроны деревьев, журчал и вздыхал арык с чистой водой, благоухали розы, летали разноцветные бабочки, и ветерок овеивал лица людей, как будто сам святой, дотрагиваясь до них, шептал: «Успокойтесь! Всё будет в этом мире: и любовь, и мир, и здоровье, и дети, и нежность».

Но вновь пришли люди со стороны и сказали, что за посещение мечети надо платить налог... закатали в бетон заросшую травой тропу, по которой так мягко было идти босыми ногами... поставили забор из шлакоблоков, который закрыл горизонт... притих родник... куда-то девались птицы, которые порхали и пели на солнышке... и всё вокруг стало серым.

Я закрываю глаза... за мной молчание, пустота. В гробнице лежит прах, но дух святого покинул её. Равнодушие людей уничтожило святость места... горсть глины осталась от супы, над которой шептались деревья... высох арык, воду которого пили в летний зной и люди, и птицы.

В ослепительном потоке знойного марева уходит вдаль размашистым лёгким шагом высокая фигура в белой развевающейся одежде. Время от времени она оборачивается, прикладывая руку козырьком к прищуренным глазам, будто стараясь лучше видеть.

«Люди! Может, вы одумаетесь?! Не сейте зло, не разжигайте вражды, избегайте несправедливости!» А в ответ лишь молчание. И только иногда в надежде на исцеление возносится молитва одинокого путника во славу Аллаха...

Здравствуй, это я...

Бах АХМЕДОВ

* * *

Зачем ты мне снилась тревожно и нежно?
И так безнадежно, и так неизбежно...
Зачем эти речи, пустые до боли?
Давно уже нечем...
Давно уже роли...

Зачем мне запомнилось каждое слово?
Ведь все уже в прошлом, и все-таки снова...
И сон, где так близко, так тихо и горько.
Зачем ты реальна настолько, настолько?..

Зачем ты мне снишься? Оставь меня, слышишь?..
Твой образ все дальше, твой голос все тише.
Я в это и сам начинал уже верить.
Но разве возможно закрыть эти двери?

Зачем эти глупые споры с судьбою?
Слова осыпаются пылью и болью.
Мне грустно, что сон этот долго продлится.
И страшно, что ты перестанешь мне сниться.

Бах АХМЕДОВ. Родился в 1967 г. в Ташкенте. Окончил МГУ. Кандидат физико-математических наук. Член СП Узбекистана. Публикуется в литературных журналах и альманахах Узбекистана, России, Великобритании, Израиля, Казахстана, Эстонии. Участник международных конкурсов, форумов и конференций. Автор нескольких сборников стихотворений.

* * *

Пленники речи и пленники сцены...
Мечемся вечно меж «верю» — «не верю».
Ищем любовь, попадаем в измены
и обретаем прозренье потери.

И в темноте, в опустевшем пространстве
зрителя ищем, как будто спасенья.
Грустные пленники непостоянства
и речевого несовпадения.

В зрительном зале старик одинокий
видит во сне продолжение драмы.
Гаснут софиты, кончаются строки,
и зарастают забвением раны...

Может быть, кто-то нам все же поверит...
Может, старик сумасшедший проснется.
Трудно ломиться в открытые двери.
Больно смотреть на погасшее солнце.

* * *

Время, безусловно, знает все наши лица.
И одно из них, как правило, птица.
Не ищите логических связей.
Не ищите многообразий.
Потому что в каждом зеркале
прячется разбитое зеркало.

И в каждом человеке — осколки человека.
Хоть сто раз опускайте веко —
все равно не уйти от века.
И рубежи безжалостны.
И границы мертвы.
И не стоит писать «Прости, пожалуйста...»
на пепле сгоревшей листвы.

Потому что все давно уже пройдено.
Найдено, описано, выпито, снято.
И только язык остается родиной...
Язык, на молчании нашем распятый.

Бессонница

Мне спать мешают веки
и ужас потолка.
Все высохшие реки,
все прошлые века.

И чей-то страх, и крики,
и чей-то горький плач.
Мне спать мешают книги
с безумием задач.

И тысяча вопросов,
уставших быть со мной.
И ледяные звезды
в пустыне мировой.

Мне спать мешают тени
от срубленных чинар.
Их вечное движение
похоже на кошмар.

Их бесконечный шепот
над городом ночным.
Их обожженный опыт,
и все, что рядом с ним.

Мне спать мешают звуки,
и краски, и слова.
Все встречи и разлуки,
вся палая листва.

И все, что тает в дыме...
И все, что не споет.
Мне спать мешает имя
хрустальное твое.

И голос одинокий,
и уходящий свет.
И боль, и эти строки,
в которых смысла нет.

Дождливый джаз

Устало зеркало
отражать дождь,
который празднует
безмянность прошлого...
И день снова
на себя похож,
и мир возникает
какой-то непрощеный...

Или, точнее, недорассказанный.
Простая повесть без последней страницы.
Но разум устал
сюжеты связывать,
один из которых рискует сбыться.

И вот потоки зеркал сливаются
с этим дождем и с другим дождем.
Каждый из нас в другом отражается...
Каждый пытается выжить в другом.

* * *

Закрой меня, как книгу.
Положи
на полку и забудь на пять столетий.
Подальше от любой печальной лжи,
от всех ее бесчисленных соцветий.

Закрой меня и сделай легкий шаг
в еще непобедимое пространство.
Цена сюжету – ломаный пятак.
И постоянно лишь непостоянство.

Цена надеждам – краткая строка,
оборванная временем внезапно.
А завтра нас рассудят облака...
Осталась ерунда: дожить до завтра.

Вечерний джаз

В этой кофейне
все как раньше,
только меньше
смысла,
и дождь уже
совсем далеко...

И, кажется, так легко
сесть за тот же столик,
словно за тот же нолик,
нарисовать крестик
там, где мы были вместе,
и на простой рифме
уплыть в никуда.
Но иллюзия распадается
слишком быстро...
И кто-то уже бежит на выстрел
судьбы.
– С вами все нормально?
Вы живы?

Возможно, возможно...
Будущее покажет.

* * *

Не дети наше продолжение,
мы – продолжение детей.
Мы – их творенье и сомнение,
мы их попытка стать точней.

Нас нет, мы только тени зыбкие,
что воплощение обретут,
когда с печальною улыбкою
нас наши дети создадут.

* * *

...Но однажды встанет у порога
экзистенциальная тревога.
Тихо скажет: «Здравствуй, это я,
Экзистенциальная твоя...»

Легкий холодок скользнет по коже.
«Может, ты пойдешь других тревожить?
Может, просто ты ошиблась дверью?
Трудно в пустоту свою поверить...»

Как она красива и печальна!
Экзистенциальная реальность...
Смотрит, улыбается, молчит...
И в руке – от вечности ключи.

Дверь открыть... закрыть... забыть... напиться...
Все равно она в тебе случится.
Все равно вернется за тобой.
Тихо скажет: «Здравствуй, милый мой...»

* * *

Любая ненаписанная строчка
ста тысяч строк написанных точней.
Любая непоставленная точка
спасает то, что следует за ней.

Любая жизнь важнее всех книг на свете,
и глубже, и трагичнее во сто крат.
И, может, дверь, ведущая в бессмертье,
есть та же дверь, что в твой выходит сад...

Страницы прошлых лет листая...

ДИЛОРОМ АБДУРАХМОН

* * *

Здравствуйте, деревья, я пришла к вам снова,
Петь мои вам песни вновь душа готова.
Знаю, осень мрачная в роше наступила,
Но мелодий прежних сердце не забыло.

Грозно ветер воет и листы срывает,
Злых бессонниц тайны надо мной витают.
Что же я так поздно, как Лейли, очнулась?
Сердце обгорело, сердце обманулось...

Не считала дней я, радостей минутных
И в увядшей роше не нашла приюта.
Не сужу, любимый, я твою измену,
Клятвам и улыбкам твоим знаю цену...

Шепчутся в Коране суры и сюжеты,
И в увядших листьях блекнут самоцветы,
Дождь грехи смывает с веток опечаленных,
Листопад кружится с шорохом отчаянным.

Мир тебе, поблекшая роша золотая!
Я к тебе вернулась, радость обретая,
Сердце, в пальцах сжатое, снова отпускаю
И мирские радости я опять вкушаю.

Дилором АБДУРАХМОН. Родилась в 1963 г. в Самарканде. Окончила Ташкентский политехнический институт (ныне ТПУ). Автор поэтических сборников «Кўнгил шафақлари», «Таҳайл тонги», «Ишқ ёмғири» («Дождь любви»), нескольких научно-популярных книг, пособий и переводов произведений К. Паустовского, А. Куприна, И. Франко.

* * *

Вернутся ль журавли из дальней дали,
Подобно снам из бирюзовой выси?
Соскучусь я по запаху миндаля,
Додумаю доверчивые мысли.

И капельки печальные желаний
Моей слезою теплый дождь присолят.
Несбывшиеся тайные мечтанья,
Любовь и боль пусть журавли запомнят.

Клин журавлей растаял в дали синей,
Унесся белой дымкой в небеса...
Какой же я была тогда счастливой
В своих далеких журавлиных снах!

Назойливые, горькие вопросы
Покинуть мои мысли не хотят.
А журавлей уже позвали вёсны,
А журавли вернулись все назад.

* * *

Неужто я так проклята безвинно?
Неужто перекрыты все пути?
К любви я долго шла тропою длинной,
Но до нее я не смогла дойти.

В осенних пышных красках листопадных
Плодов любви я зрелых не вкусила...
О небо! Мне так мало было надо –
Одной любви всего лишь я просила.

Уже прошли дожди над Самаркандом,
И небо хмурится, заплакавшись дождем, –
Лились Меджнуна слезы, видно, рядом...
О ком он горько плакал так, о чем?..

Не отдавай меня без боя, небо,
Тому, кто жизнь мою листает, словно небывь
Ведь тот, кто шаг свой сделать не решился,
Лишил меня любви – и сам любви лишился.

А мне хотелось вместе с журавлями
Лететь вослед за дымкой голубой,
Чтоб прикоснуться бережно руками
К любви твоей, дарованной судьбой.

Беседа

Милый,
Ты пришел меня провести?
По воде закатный луч бежит,
А в саду, где ты так долго не был,
На ветвях последний лист дрожит.

Мой родной
Предстал перед очами.
Небеса безумны, как Меджнун.
Отступает мир наш вместе с нами,
И душа полна заветных дум.

Дорогой,
Я вновь воспряла духом,
Потому что вновь ко мне пришел,
Как улада для очей и слуха,
О тебе, любимый, дивный сон.

Дорогой,
На жизненных вопросах
Слезы проливают облака.
Запоздали, милый, все вопросы,
Одинока жизнь и нелегка.

Сквозь грехи, что в мир не поместились,
Прорастает чистая душа.
Жизнь от бремени еще не разрешилась
Мы следим за нею вместе чуть дыша.

Дорогой,
Ты приходи почаще,
Чтоб воспряла духом хоть во сне,
Чтоб былые дни и счастье наше
Помогли мне выжить на земле

Художник

Мира тайную картину
Что ж ты ярко так раскрасил?
Боль сокрытую расцветил
Ты на тысячи ладов,
Затемнил все сожаленья
И грехи мои украсил,
Пробудил мою любовь.

Что ж, нарисуй бесконечным
Мое небо души,
Нарисуй, как тоска была вечной,
А ресницы влажны,
Разрисуй все цвета сожалений,
Передай цвет борьбы,
Нарисуй цвет любви и томленья
И коварство судьбы.

Ты зачем-то раскрасил грехи мои
Желтым цветом луны,
Чтобы тайные страсти
Были светом полны,
Чтобы грех мой взлетел
И добрался нагим до небес,
Чтоб любовь ожила –
Ее свет никуда не исчез.

Что поделать, художник,
Мы чужие с тобой в этом мире.
Ты держись, не сгорай
Под прищельным огнем!
Я ведь тоже держусь,
К чужой не привыкшая лире.
Не печалься, художник,
В этом мире чужом мы – вдвоем!

Роша

* * *

Спят ночные деревья
Под покровом темной ночи
Вы проснитесь, деревья,
Пробудись скорее, роша!

Над тобой нависли тучи:
Слышишь птицы голос громкий?
Ветер листья рвет могучий
И ломает ветви тонкие.

Все вечерние туманы
Черной тучей в небе слились.
Ночь им космы расчесала –
И дождем они пролились.

Небо молнии пронзает,
Гром гремит и оглушает –
А над рошей соловьиной
Робкий луч зари сияет.

Из глаз твоих слеза излилась, будто сон.
Воспоминанья обожгли, как горький стон.
Любовь ушла – она испита, как вино...
– Неужто ты забыл меня давно?

Погасли звезды долгих ожиданий,
Минули дни, но не забыть свиданий,
Как сопричастны были нам цветы...
– Неужто наши ты забыл мечты?

А я страницы прошлых лет листаю,
Во снах свиданья наши проживаю,
И лишь один вопрос волнует кровь:
– Ты помнишь обо мне, моя любовь?

И то ты боль моя, то ты отрада,
То я смиренна, то надежде рада...
Наградой твой вопрос, любовь моя:
– Ты тоже помнишь все, любимая моя?

Молитва

Тишина горько плачет дождем.
Тишина истекает по капле.
В небе мысль изломалась, о чем
Тишиной полна каждая капля.
А луна в небесах цвета свинца,
А луна в кольце, льется дождь без конца.
Там внизу, далеко на земле,
Человек ищет душу во мгле.
Человек глух и нем, он молчит,
А душа его Богу кричит:
– Всевышний мой! Я так тебя люблю!
За все, за все тебя благодарю.
Любовь твою другим я не раздам.
За все тебе смирением воздам!
Коль на меня не обратишь ты взор,
Ты не услышишь от меня укор.
Согласен в святости свечой сгореть,
Позволь очиститься, в грехе не умереть
...А луна в небесах в кольце цвета свинца
Без начала кольцо, без конца...

* * *

Любимый, как несовершенен мир,
Опутанный любовью, как сетями!
Неволей проклят неразумный мир,
И жизнь, как день, уходит вместе с нами.

А мне вдали нет без тебя судьбы.
Неужто мало врозь хлебнули мы беды?
Пусть я сама тогда отвергла дни твои,
Как жить во снах, мой милый, без любви?

Да, все пройдет, не рухнут небеса.
Даны судьбой от Евы чудеса:
В крови живут напевов страстных тайны,
Улыбки ангелов и небосвод бескрайний.

Мир неразумен, милый, все проходит,
А дни мои, как ты, назад уходят...

* * *

В опустевшей роше занялась заря.
Ты не плачься, роша, не печалься зря!
Мы с тобой надели осени наряд –
Весны отзвенели, дни летят, летят...

Закатилось солнце, и звезда не блещет,
Голыми ветвями осень сердце хлещет,
Караулит, злыдня, усмирить желает
И слезой моею жажду утоляет.

Голые деревья клонятся, высокие,
Холодно им, бедным, в жизни одинокой,
Воеет грозный ветер и мечты пугает,
Он моей судьбою, как листком, играет.

Сокрушила осень тысячи надежд,
Сорвала с деревьев тысячу одежд.
Затихает ветер, умолкает ночь...
Молнии, сверкните! Можете помочь?

Перевод с узбекского Ларисы ЮСУПОВОЙ.

Лариса ЮСУПОВА. Окончила режиссерское отделение Ташкентского института культуры. Автор нескольких детских книг, переводчик.

Гафур ПУЛАТОВ

СТОН ГЕРИРУДА

Роман

В основу произведения положены реальные события. Герои романа – бойцы 101-го Гератского гвардейского мотострелкового полка, в котором сам автор служил в качестве младшего сержанта в составе советских войск в Афганистане. Читателю журнала предлагается журнальный вариант романа в переводе автора с узбекского оригинала.

* * *

Раздалась команда:

– Батарея, стройся, равнение направо!

Мы, бывшие курсанты Ашхабадского учебного полка, быстро выстроились на асфальтированной площадке, где проводились строевые занятия и смотры. На нас новая парадная форма с погонами младших сержантов, а на головах фуражки с кокардой, на плечах вешмешки с сухим пайком, к ним прикреплены серая шерстяная шинель и черные ботинки со шнурками. Запахло спиртом. Видимо, офицеры немного промочили горло, как всегда, перед смотром армейского пополнения отметили очередной выпуск учебного полка. После тщательного осмотра вперед вышел полковник-танкист славянской внешности с веснушчатым лицом. Загорелый, полный, коренастый, он взволнованно сообщил, что нас ждут серьезные испытания, возложенные правительством: будем выполнять доблестный долг воинов-интернационалистов, настоящих патриотов великой страны.

– В дружественной нам стране мы должны быть беспощадными к врагам Апрельской революции, прислужникам империалистов и предателей собственного народа. Тех, кто окажется трусом, кому не хватит смелости и мужества в этой необъявленной войне, ждет позор и презрение родины и родных. Все ясно вам, воины мои? Тогда желаю, чтобы вы все вернулись домой целыми и невредимыми. А пока покурите в тени деревьев. Скоро по машинам. Вольно! Разойдись!

От слов полковника на сердце стало неспокойно. К горлу подкатил комок, кое у кого задрожали плечи. Боже мой, что ждет нас?! Слово «Афган» звучало мрачно. Вскоре один за другим стали прибывать грузовики цвета хаки «Урал-375», машины-гиганты с огромными колесами, большими фарами и брезентовыми кузовами. Судя по словам танкиста-полковника, мы едем на явную смерть и нам уже все по барабану. Но водители автомашин не равнодушны,

Гафур ПУЛАТОВ. Родился в 1960 г. в Ферганской области. Окончил Ташкентский сельскохозяйственный институт (ныне Ташкентский аграрный университет). Автор двух романов «Херируд фарёди» (2005) и «Пуштунлар хазинаси» (2018).

особенно вон тот, явный кавказец с погонами рядового, со сверкающими белыми зубами под густыми черными усами. На его губах играет насмешливая улыбка, как бы со злым намеком: «Доброго пути вам в ад, салаги!» Я злобно сплюнул. Курить не хочется, и я тушу бычок своим кирзовым сапогом. Громким, чуть хриловатым голосом командир дивизиона орет:

– По машинам!

Мы рассыпаемся, как бильярдные шары, как муравьи, цепляясь за деревянные борта грузовиков. Едем хорошо знакомыми дорогами Ашхабада. Улицы города напоминают родную Фергану, прямые и чистые. Но Фергана – город в тени чинар, а Ашхабад, черт побери, будто солнечный котел, редкие деревья и убогие четырехэтажные строения... Все притихли, погрузились в грустные размышления. Наверняка многие думают о доме, о родных и близких, о любимых девушках, смазливых и нежных. Возможно, и о том, что в последний раз им суждено видеть мирное небо, такое прозрачное и голубое.

Водитель гонит машину так, будто везет не людей, а бревна. На перекрестках и поворотах делает такие крутые виражи и так резко нажимает на тормоза, что упаси Бог! Один рыжеволосый чуть не вылетел за борт. Нас бросает в кузове из стороны в сторону, как арбузы. Но никто не бурчит и не жалуется. Все грустные и унылые. Не дают покоя мрачные мысли. Все мы молоды, большинство холостяки, многим нет и девятнадцати. Возможно, многим не суждено вернуться домой. Или вернуться калеками. А за рекой – кровавая мельница, где человеческая жизнь ничего не стоит.

В Ашхабадском аэропорту после проверки и осмотра личного состава мы быстро поднялись по трапу гражданского лайнера ИЛ-62 и заняли свои места. Мне досталось место у иллюминатора. После короткого разгона самолет оторвался от земли и взмыл в небо. Вскоре холмистые степи Туркменистана исчезли за густыми облаками. Одолевает дремота... Проснулся от того, что меня трясли за плечо. Оказалось, что наш самолет идет на посадку. Внизу я увидел совсем незнакомую картину: осла, запряженного в телегу с дровами и бидонами для воды, людей в чалмах, балахонах, лохмотьях, жалкие дома с полуразваленными куполами, кривые пыльные улицы, оборванных детей, чутко прислушивающихся к шуму громадной птицы и приветливо машущих своими худыми ручонками. Сразу почувствовалась невыносимая духота. Был полдень, в лицо дул горячий ветер с песком. Не успели спуститься с трапа, как песок закрипел на зубах, стал забиваться за шиворот, невыносимо зачесалась шея.

При выходе из аэропорта стояли две палатки с красными крестами, и двое фельдшеров, грубых парней в форме, ругаясь матом, проводили вакцинацию новеньких против инфекционных болезней. Говорят, что желтуха и малярия в этих местах, как черви на гниющем трупе.

Нас окружили старослужащие солдаты, растрепанные, лохматые, многие усыатые, в грязном обмундировании. Судя по их внешнему виду, о бане здесь можно было только мечтать. Они, посмеиваясь, шушукались, громко обзывая нас чижиками, и, пристально глядя на нас, задавали нелепые, порой бестолковые вопросы. Их интересовало, что находится в полевых рюкзаках. Есть ли там водка? Нет? Они морщились, махая руками. Что за придурки эти зеленые, только из Союза – и без водки! Пошли они к черту, эти чижики гребанные! Некоторые с любопытством начали измерять пальцами наши ботинки, привязанные к рюкзакам, на что офицеры отреагировали бранью и стали отгонять их ударами стальных шомполов. Наглая куча от бичевания дрогнула, несколько попятилась, чуть примолкла и снова стала приближаться, как дикири, впервые увидевшие чужаков. Их беззастенчивость

коробила. Ох и много же солдат в этих знойных окрестностях! Разбредись, как тараканы среди крошек хлеба. Всегда интересно этим тараканам посмотреть на духов и обшарить их торбы, этих зевак трудно обуздать. Нас волновала не только эта толпа, с виду совершенно разбойничья, в любой момент готовая обшарить рюкзаки, но и местность, где будет проходить наша дальнейшая солдатская служба, которая, как мы с первого дня почувствовали, будет не из легких.

После мы узнали, что место, куда мы прибыли, называется Шинданта – небольшой городок в Афганистане, где расквартирована 5-я дивизия 40-й армии. Нам приказали встать в одну шеренгу и стали нас делить. Я попал в мотострелковый (пехотный) полк, который находился в Герате. Рослый офицер подсчитал всех гератских и приказал грузиться в БТР-60. Около БТРа стоял здоровяк монголоидной внешности и, равнодушно зевая, оглядывался по сторонам. Я подошел к нему и тихо спросил:

– Ну, и как служится в Герате?

В его угрюмых, злых узких глазах заиграла насмешка:

– Герат – это смерть и ужас!

Я сглотнул. Значит, Герат – то место, которое не приснится даже в самом страшном сне...

БТР-60 тронулся. Примерно через полтора часа в этом огромном железном ящике, где только слышен мерный гул мотора, я поинтересовался, по какой дороге нас везут и какво афганское небо? Любопытство подмывало, хотелось осмотреть все вокруг. Высовываю голову из люка. Сопровождающий сержант, злобно посмотрев на меня, сказал, что выглядывать нельзя – опасно, и добавил:

– Еще насмотришься!

Узколобый пулеметчик БТРа с любопытством разглядывал нас, особенно пристально – меня. «Кто он? Казах, киргиз, бурят или якут? Ведь страна наша многонациональная. Почему он так рассматривает нас, думает, наверное, кто же из нас вернется домой?» – подумал я. Для него мы несчастные чижики, которым предстоит полная служба, армейские тяготы, пот и кровь. Шум БТРа начал стихать, и вдруг «железный ящик» резко затормозил. Остановились. В чем дело? Так быстро приехали, что ли?

– А ну выпрыгивайте из БТРа быстро, чижики поганые! – прозвучал громкий наглый голос. – Будем проводить показ мод.

Спустившись на землю, я стал осматривать окрестности. С одной стороны – серые горы, с другой – желтая равнина и разделяющая их бетонная дорога. Тут кто-то резко свалил меня на обочину и стал стаскивать сапоги. Я опешил, наглемом оказался тот пулеметчик-монголоид, который пристально смотрел на меня. Какой же подлый! Не зря так пристально разглядывал! Все ясно!

– Ты что делаешь?! – закричал я, сопротивляясь.

– Не дури, – на чисто русском языке оборвал он. – Я демобилизуюсь скоро. Понимаешь, домой надо ехать, а у меня нет этой чертовой парадки!

– Мне-то что с того, что у тебя нет?

– Заткнись и снимай форму быстро! Не снимешь – пеняй на себя, я разобью тебе морду, – замахал он здоровенным кулаком прямо перед моим носом.

Он поднял мою валяющуюся на земле фуражку и примерил. Она оказалась ему большой.

– Забирай свою дурацкую фуражку, – фыркнул он. – А парадную... раздеваясь и гони сюда!

– Ладно обмундирование... я понимаю, а сапоги?.. Не ходить же мне босиком!.. – сказал я нервно.

– Зачем босиком? Я дам тебе свои, вместо твоих кирзовых. Они хромовые. Ты! Чурбан! Что, хочешь со мной базар устроить?

– Они же поношенные, старые твои хромовые... – обиженно говорю я, стараясь смягчить его намерение.

– А ты что, в ЗАГС собрался в них? Балбес! Тебе надо в горы лезть, по кишлакам бегать, а не наряжаться. Вот ты даешь! Что я с тобой слюни пускаю, ну-ка, снимай шинель... и брюки тоже. Давай быстрее, времени мало. Отдам свой бушлат. Чуть грязноватый, зато теплый...

Тут я разозлился. Прикусил губы, от злости сжал кулаки. Сердце в груди стучало, как барабан. Увидев мою недовольную рожу, какой-то рыжий парень, стоящий рядом, схватил меня за шиворот и прошипел:

– Ты что, оглох?

– Не-е-т.

– Значит, совсем оборзел? В учебке вас, видать, ничему не научили... – тряс он меня за плечи. – Доживешь до дембеля – все поймешь.

Он нарочно дунул сигаретным дымом прямо мне в лицо, продемонстрировав свое полное неуважение к чижикам. Открытая наглость и бесцеремонность привели нас в уныние, а явная беспомощность парализовала волю. Зря один из моих сослуживцев пожаловался тому рослому офицеру, бессовестному зрителю этих сцен «показа мод». Тот только безучастно пожал плечами, ничего не желая знать. Весело стало ему, прищутив глаза, он начал тихо напевать песенку про моряка. Скрывая свою досаду, я пробурчал:

– Откуда родом, дружище?

– Шоганар, Тува, – ответил он и, чувствуя, что я плохо понял, повторил: – Шо-га-нар. Город на берегу Енисея, в Туве, вот ты тупой баран!

Резко зазвучал скрип подошв новых ботинок. Перед нами появился рослый капитан и дерзко сказал:

– Эй вы, чижики, если голодные – поешьте что есть, а мои соколы пока покурят. Ясно?

– Я-сно, – вяло ответили мы хором.

Капитан по знакам отличия был артиллеристом. Действительно, мы, чижики отверженные, изрядно проголодались. Человек – раб своего желудка... Развязав рюкзаки, мы открыли банки мясной тушенки, разломали буханки хлеба и с аппетитом начали есть. На время исчезла досада из-за отобранных вещей и личная обида, а наши попутчики насмешливо наблюдали за трапезой. «Соколы» дружно курили на обочине, непрерывно смачно сплевывая на бетонку.

После перекуса снова тронулись в путь. Из открытого люка БТРа было видно лишь небо. Когда мы прибыли в часть, уже смеркалось. Выйдя из БТРа, быстро построились. В грязной чужой фуфайке я чувствовал себя неловко, в опустевшем рюкзаке нетронутыми остались лишь солдатские ботинки из-за большого размера, да, слава богу, фуражка с кокардой. Подошли офицеры: майор-артиллерист и подполковник с электрическими фонариками. Стали расспрашивать, по какой специальности мы обучались в учебке.

– Кто ты? – спросил майор грубо.

– Младший сержант артиллерии.

– Вижу, что ты младший сержант артиллерии. Я имею виду национальность.

– Узбек.

– Думаешь, что министр обороны отменил устав?

– Не-е-т.

- Тогда отвечай как положено, товариш младший сержант!
- Есть, товариш майор! Виноват! Исправлюсь! Больше не повторится!
- Любимая девушка есть?
- Я человек женатый, товариш майор.
- Ух ты, женатый, значит... а соседу ты доверяешь?
- Извините, товариш майор, я вас не понял.

– Твою мать, кому ты мозги пудришь? Ты сначала в учебке служил, сейчас в Афгане по кишлакам будешь шляться, по горам лазить, а твоя женушка одна будет в постели?

- Я ей доверяю, товариш майор. Она меня будет ждать.
- Ну да, будет ждать, если вернешься. Есть вопросы?
- Никак нет, товариш майор.
- Тогда катись в строй.

Узкоплечий, с карими глазами молодой русский лейтенант невнятно приказал:

- Кто в ПТВ – ко мне! Быстро!

Я и трое моих друзей по учебке почти бегом кинулись к нему. Он сверился со списком, потом, почесав острый нос указательным пальцем, головой показал: «За мной!» Мы добросовестно последовали за ним, как слепцы или дети, идущие за нянькой. Он повел нас по гравийным дорожкам. Когда подошли к модулю, увидели целый лагерь, состоявший из бесчисленных полевых палаток. В темноте кто-то стянул мою фуражку. Бранью не поможешь. Видимо, мое дело привыкать... Бесцеремонный грабеж в полку – явление обычное.

Вслед за лейтенантом вошли в одну из палаток. Внутри было темно. В нос ударил жуткий запах грязных носков и пота.

- Есть кто-нибудь, вашу мать?! – выругался лейтенант.

Заскрипела кровать, послышался голос:

– Тихо, товариш лейтенант, ребята только что с караула, что случилось? Небо свалилось на землю? Лампочка перегорела? Где же эта чертова лампа?

Наконец он зажег керосинку.

- Кто это? Салаги? – спросил он, зевая.

Лампа осветила палатку, и мы увидели низкорослого, смуглого и курносого человека. Как все казахи, он имел реденькую бородку и жидкие усы. Тот разбойник, узкоглазый и курносый, был тувинским казахом, а этот поговору – среднеазиатским... Все-таки земляк, мусульманин, почувствовал я некоторое облегчение.

– Прими их, – вяло приказал лейтенант, – а я вернусь в модуль. Пусть отдохнут с дороги. Устали, бедняги. Кстати, во взводе все?

– Куда они денутся, товариш лейтенант. Два дня стояли в карауле, поэтому легли рано. А этим сейчас нет кроватей и постели, завтра принесем с каптерки, пусть пока лягут на полу, подстелив бушлаты и шинели.

- Давай, не на крыше же им спать. Пол, так пол.

Лейтенант ушел, вслед за ним послышалось:

- Лейтуха – ЧМО.

Видно, как уважительно относятся здесь к своему командиру... Действительно, мы устали до смерти, хоть на полу, слава богу, есть возможность наконец-то поспать.

– Какой отдых?! – будто читая наши мысли, спустился с кровати какой-то субъект, верзила с орлиным носом, злобным взглядом, лохматыми волосами и зелеными глазами. Мы с тревогой смотрим на него: кто этот вояка?

– Ночи стали прохладными, – сказал он низким голосом и пронзительно посмотрел на каждого из нас. Потом нахмурился. Во взгляде читались фальшивая гордость и злобное недовольство. – По очереди все четверо будете топить печку. Угля нет, но есть дрова. Не дай бог, хоть чуть-чуть замерзну – высушу всех, как рыбку на ниточке, или... – он погрозил пальцем. – Поняли, чижики?

* * *

На рассвете раздались звуки полкового оркестра. Он играл гимн, после небольшой паузы зазвучали «Алые розы». Мы повскакивали с постелей, как привыкли в учебном полку: как только заиграет медный аэрофон, звук которого резал уши и тревожил сонные души, словно пораженные электрическим током мы вскакивали с кроватей и выбегали на кросс, как глухие бараны, которых выгоняет хозяин из загона. А тут, как ни странно, все спали как дома. Здешние порядки показались непривычными. Немного позже в палатку зашел взводный – лейтуха-ЧМО – и закричал:

– Взвод, подъем! Встать, спящие лягушки!

Закувыркались лежащие лягушки, выражая свое недовольство, но лейтенант был непреклонен: шатал и пинал кровати, при этом кричал:

– Встать, я сказал, собаки рваные!

Появился горбоносый, протянул мне котелок и хрипло приказал:

– Воды... Быстро!

Я оглядываюсь вокруг в поисках воды.

– Воды, говорю, глухой или слепой, что ли?... – вытарашил горбоносый глаза.

А откуда мне знать, где вода? Будто читая мои мысли, он злобно указал глазами на бак, стоящий в углу палатки. Протягивая котелок с водой, я стал разглядывать его физиономию. Очень смуглый, с лицом в пятнах, уса́тый, с густыми бровями, неуклюже висящей нижней челюстью, он походил на цыгана. «Наверное, чеченец», – подумал я. Он протянул руки и стал с наслаждением умываться, долго полоская рот и сморкаясь. Меня затошнило, я сморщился.

– Не нравится поливать?

– Нет, отчего же? – ответил я неопределенно.

– Это будет твоей повседневной обязанностью. Понял?

Я промолчал.

– Не слышу! – он наклонился, подставив свое волосатое ухо.

Я отошел, а он нервно прокричал:

– Полотенце мне!

Я будто не слышал его, хоть и знал, что скоро поплачусь. Кому нравится непослушный чижи́к. Ну и он... холопа нашел, что ли? Ошибается. Пошел к черту!

Во время построения я заметил, что наш взвод совсем небольшой, человек тринадцать. После доклада взводного стало ясно, что еще трое находятся в санчасти с желтухой, куда их отправили с их постелью, так как из-за большого количества больных не хватает свободных мест в санитарной части. После построения, взяв посуду, мы пошли завтракать. Кухней было большое здание с куполообразной крышей, покрытой оцинкованными листами. Завтрак состоял из перловой каши, черного хлеба со сливочным маслом и кружки низкосортного кофе. После завтрака верзила, указав на меня пальцем, сказал:

– Посуду моешь ты.

Я кивнул головой и пошел мыть посуду, после чего в палатку. Все были заняты своими делами. Казах, взяв моих товарищей, ушел за кроватями и постельными принадлежностями.

От безделья я подошел к окну палатки, заметив висевшее там фото, с которого на меня счастливо и беззаботно смотрели молодой офицер и его жена с жизнерадостно улыбающимся сынишкой.

– Кто это? – спросил я сидящего рядом веснушчатого парня, приводившего в порядок свой альбом.

Он поднял голову, посмотрел на фото, потом на меня и печально покачал головой:

– Наш взводный. Ох, какой был мужик! К несчастью, в тяжелом бою в Фарахе был серьезно ранен и по возвращению в часть скончался.

– А где находится Фарах?

– Фарах – местечко в районе Кандагара. Там такая пылица и жарыша! Не дай бог увидеть те места. Возможно, вы не попадете туда. Мы однажды попали в засаду к душманам. На наше счастье, подкрепление пришло вовремя, а так никто бы не вернулся живым. Я на своих руках нес взводного. Бедняга бредил, просил воды и все время произносил имена жены и сына. Вот так, дружище, нет на свете места хорошим людям. Он был настоящим командиром, другом солдат, справедливым во всех отношениях, правда, с резковатым характером. Быстро закипал, но быстро отходил. После очередного «кипения» подходил и говорил: «Не обижайся, солдат, такой уж у меня характер». Видя приближающегося взводного, мы вскакивали с мест. Классный был чувак, быть бы ему генералом. Но жаль! Наградили посмертно. «Красную звезду» жене вручили. Вроде почетно... сын будет гордиться отцом... Но какой толк?.. Зачем награда, когда тебя самого нет?.. Жена-красавица овдовела. Конечно, со временем она утешится, встретит другого. Такова логика жизни. Посмотри на полк – не полк, а бардак.

С фотографии на меня смотрели живые люди. Мысли о смерти душили и тревожили. Да, ужасно умереть молодым. Погибнуть в расцвете лет. Еще где... в чужих краях! Неужели в этом и заключается доблесть советского офицера, честь мундира?..

– Послушай, а кто тот усатый? – внезапно вспомнив, спросил я, указав на носатого.

– Он один из ваших.

– Узбек? Из Узбекистана?

– Нет. Из Таджикистана. Таджики, вроде из Душанбе. Иногда его используют в качестве переводчика. А в остальное время он отлеживает бока и почесывает свои яйца. Его излюбленное дело – «баловать зеленых». Когда он был духом, то ли мордава, то ли татары гоняли его, как паршивую собаку. Вот теперь он сам стал собакой.

– Сколько он прослужил?

– Черпак он.

Черпак! Все ясно. Это значит, что он прослужил больше года. Прослуживших полтора года называют дедами, а потом дембелями. Нас называли зелеными или чижиками. Вновь призванных – духами. Все планы и мечты дедов и дембелей были о возвращении домой. Такие перспективы молодым воякам еще не светят. Самыми агрессивными были черпаки: всю ежедневную бытовшину и тяготы армейской жизни вместо них должны были нести чижики поганые. Для этого черпаку надо было зуб показать, дурной характер проявить. Пускай дрожат они, как зайцы перед волком. Вот почему верзила хочет нас поломать. Этот веснушчатый парень, дембель, привел в порядок свой фотоальбом, затем занялся медными пуговицами парадной формы, латунной пряжкой ремня со звездочкой. Через некоторое время пришел лейтенант и приказал:

– Взвод! Стройся!

Строем мы пошли на главную площадь, где собрался весь полк. Что это было за зрелище, что за вид! Не воинская часть, а толпа, балаган. Кто во что горазд. Бойцы были одеты в бушлаты, шинели, при этом не у всех были головные уборы. Форма одежды разная – кто в чем. По прибытии в Афган мы были легко одеты, так как было тепло, сейчас же почему-то похолодало.

Возвращаясь с площади, я повздорил с верзилой. В палатке он схватил меня за шиворот и сказал, что вырвет мой длинный язык, потом сунул мне в руки грабли и приказал разровнять щебень вокруг палатки. По окончании работы он появился вновь. Осмотревшись, объявил, что не доволен. Тут так, а тут не так, короче, фуфло все, а у меня куриные мозги, я неполноценный солдат. И не только выполненной работой, но и моим мытьем посуды недоволен. Не блещут, как крылья самолетов, котлы. Я шланг и фуфлошник. Таких, как я, надо хорошенько...

Я не выдержал:

– Что ты пристал ко мне как банный лист. Ведь мы почти земляки!

– Не понял, что ты бормочешь, гадина, на своем? – ответил он и ни с того ни с сего залепил мне такую оплеуху, что в глазах потемнело. Удар был внезапным, но я тоже не лыком шит, и в ответ треснул его несколько раз граблями. Первым чувством была радость, оттого что этот самодовольный верзила лежал у моих ног и корчился, подлец, как скорпион в агонии. Посмотри, на что я способен! Немножко остыв, я осознал последствия своей выходки. Охвативший меня ужас и инстинкт самосохранения заставили бежать. Я бежал мимо палаток, окопов и блиндажей и очутился у прачечной. Я понял это по развешанным полотенцам, простыням и пододеяльникам. Немножко придя в себя, я услышал звук работающей стиральной машины и с любопытством стал разглядывать эту махину. Есть поговорка: «Любопытство убило кошку, а не кота». Значит, я могу полюбопытствовать этим заведением. Машина, на вид хоть очень старенькая, шумела здорово. Тут раздался голос:

– Что, не видел такой техники? Моя машинка хоть и старушка, но заслуженная, сколько она перестирала белья, – сказал парень среднеазиатской внешности. – Привет, тебя как зовут? Откуда ты? О, из Узбекистана, из Ферганской долины! Какая удачная встреча! Ну тогда ассалому алейкум! – радостно воскликнул мой новый знакомый.

Соглашусь, что встретить здесь земляка, еще и односельчанина – это, конечно, радость. Ведь на армейской службе у солдата нет рядом родных и близких, их заменяют земляки. Я рассказал ему о том, что случилось в роте. Услышав, он успокоил меня:

– Не обращай внимания, здесь, если дашь кому-то спуск, тебе на голову залезут. Правильно поступил, показав характер, а то... – Он задумался, а затем продолжил: – Полтора года здесь прослужил. А вот последнее время все вспоминаю мать, родные места, становится как-то страшно. Многих, с кем я приехал сюда, уже нет в живых. Уехали домой в цинковых ящиках. Многие в инвалидных колясках. Если я не вернусь, мать не переживет этого. У нее больное сердце.

* * *

Думаю, что в учебном полку было лучше, чем здесь. Или, как говорил тот разбойник на дороге, мы служили в учебке борзо, не утруждая себя, и нам все представлялось в розовом цвете. Куда там? Вранье! Там с первого дня я тоже не поладил с сержантом Насе, заместителем командира взвода. В

учебке сержанты были королями, а курсанты помойными рабами, холопами бесправными. С первого дня началась муштра. После дневных занятий проводились ночные занятия: после команды «Батарейя, отбой!» все курсанты укладывались спать, а через некоторое время, когда еще и скрип железных кроватей не успевал стихнуть, звучала команда «Батарейя, подъем!». И так до полуночи. Сержанты, негодаяи, пьют, кайфуют, жрут сухофрукты, конфеты, а мы обучаемся строевой подготовке. Я бы назвал иначе, «обезьяньим играм». Короче говоря, не выдержав, в очередной раз по команде «Батарейя, подъем!» я не встал. Насе, мерзкий человек, заметив меня лежащим, подбежал к кровати и злобно заорал:

– Ни фига себе, не понял, кто ты такой, маменькин сынок? А ну-ка встать! Я тебе покажу, как шлангом прикидываться. Ух ты, сука!

Он потащил меня в красный уголок, чтоб проучить, как зайца схватив за уши. Сержанты окружили меня и начали совещаться, как со мной поступить, чтобы наказать как следует. Потому что такие поступки заразны для чижииков. Иша поддержки и защиты у своих сослуживцев, я с мольбой в глазах оглядывался по сторонам. Но где там... все отводили глаза. Кому нужна лишняя головная боль, у каждого своя хата с краю...

Возвратившись в казарму, я увидел, что мои сослуживцы беззаботно спят. Спят как убитые, хоть глотки перерезай! На службе сон дороже жизни. Им разрешили отдохнуть, побив меня как следует. Я бросился на свою кровать с горькой досадой и влажными от слез глазами. Вскоре зазвучал медный горн...

На следующий день опять гоняли без передышки: то физические, то строевые занятия. А вечером по милости Насе мы дежурили в посудомойке. Я и трое моих земляков трудились в поте лица, чистили посуду. От усталости временами засыпали стоя. Уже заканчивали, когда появился Насе, на его щеках играли ямочки, серые глаза мрачно горели. Решил проверить нашу работу, на самом же деле после вчерашнего инцидента пришел показать, кто он, а кто мы. Проверив тарелку пальцем, пинком свалил сложенную посуду в помой и, сморщив нос, заорал:

– Ну что, духи, экономим порошок? Я что, из этой посуды буду есть? Что, хотите заболеть желтухой? Порожняки! Мойте заново! Что встали, как дохлые, а ну за работу! Быстро...

Он был похож на бешеного шакала. Мы с досадой смотрим друг на друга. Справедливость, самолюбие, гордость, унижение, бесправие – все смешалось в одну кашу. Ну что поделаться, мыть, так мыть! Насе – настоящая мразь! Постояв, тихо ушел с ехидной усмешкой на губах. Какая же ты сволочь, товарищ сержант! Сдох бы ты лучше... Еле стоим на ногах, спать хочется, даже звери спят, а Насе прибавил нам работы. Ругаясь про себя матом, вновь приступаем к работе. После окончания кое-как добрались до казармы и легли спать. Насе спал возле дежурного, широко открыв рот, раздвинув ноги на кровати. Даже спящий он казался чудовищем.

Спустя три часа раздался звук горна. Не дай бог не вскочить с кровати и не побежать на построение – опять бока будут намяты. Куда жаловаться, только самому Господу Богу, но на его месте сержанты. Подонки, даже по нужде не дадут сходить! Приказ бежать два километра по пересеченной местности. После кросса утренняя зарядка, потом еще что-нибудь придумают... Слава Богу, наконец-то хоть в туалет разрешили, а там, как осиное гнездо, едва успеваем пуговицы брюк расстегивать. Затем уборка территории: нужно привести в порядок взводную площадку, хоть она и чистая: убрать бычки, ветки и прочий мусор. Выгляdim мы как уроды. Нас одели и обули в одежду больших размеров. Обмундирование висело на плечах, как

на вешалках. Брюки мешковатые. Панамы спускаются на глаза, если вовремя не поправишь – ничего не увидишь. Ботинки шлепают. Представьте, как трудно и неудобно в таком обмундировании проводить строевые и физические занятия! Мы как чучела с кукурузного поля, а не курсанты доблестной армии. Следующий пункт в распорядке дня – смотр внешнего вида личного состава. Не дай бог, если неправильно пришит или недостаточно чист воротничок или обувь, по выражению сержантов, не блестит, как яйца кота! Пеняй на себя, товарищ курсант, робот без прав! Точно останешься без завтрака, а это значит, что на голодный желудок пройдут и сладкие уроки строевой и военной подготовки. Случайно или специально сержант Филя остановился напротив меня, схватил за шиворот и вытащил из строя:

– Воротничок неправильно пришит! Перешить! – заорал он.

Жаль, я остался без завтрака, а в комке (полковой магазин) продуктов навалом, но вот денежек у меня шиш, или, как говорят хохлы, нема. В первый же день сержанты ободрали всех как липку, даже под мышками и между ягодицами обшарили. Если не находили ничего, нахмурив брови, язвительно шептали: «Ну, смотри, салага, если бабки проглотил в целлофане, пеняй на себя, поставлю в туалете караул, и будешь в своем дерьме сам копать, проверять пальцами! Понял, чурбан?»

* * *

У сытого солдата и служба ладно идет. Я с жадностью набросился на хлеб с маслом, принесенный моим новым знакомым. Хорошо, что он земляк, а то что было бы со мной?! И откуда он взял еду или тоже у кого-то отнял?..

– Какой ты смешной, старина! Ведь полковой казан общий, в нем есть и моя доля.

В сущности, солдат-бездельник – суший дармоед. Но это дармоедство может стоить ему жизни. Любопытство взяло вверх, и я спросил о еде у земляка, на что тот ответил:

– Не волнуйся, есть знакомые на кухне, голодным не останешься. В конце концов у них тоже белье бывает грязным.

– Слушай, друг, а можно я день-другой у тебя поночую? Или меня будут искать? – спросил я.

– Тут живых не ищут. Говорят, живой сам придет.

После завтрака я начал помогать ему, ведь за работой время летит незаметно, а возвращаться мне не хотелось, потому что ждал меня верзила – кровосос проклятый. И опять мыслями я возвращаюсь в Ашхабад. Опять Филя и Насе. Скучный плач. Вокруг казармы с серыми окнами. Песчаные площадки с турниками... Утренний кросс... Строевые занятия, унижения и оскорбления. В тот день у нас не было разговора в красном уголке. Они отыгрались по-другому, поставили меня дневальным. А это значит, что ночной сон не положен. Как говорится, солдат спит, а дневальный бдит. Так проходила наша служба: с утра кросс, туалетная пробка, уборка территории и осмотр одежды...

В полку много слабохарактерных ребят. Почти подростки эти восемнадцатилетние солдатики. Не зря у узбеков народная поговорка гласит: «Чтобы джигиту созреть, нужно сорок лет». Как-то раз после бесконечных и унижительных «подъем-отбой» я услышал всхлипывания своего соседа по кровати Ивана. Он такой хилый, робкий... Материнское молоко еще не высохло на губах.

– Что случилось? У тебя что-то болит? – спросил я.

– Нет. Я по дому соскучился. По своим близким, – ответил он, – так медленно время идет...

- Не плачь, бедняга, придет время, и ты будешь гонять молодых.
- Я не буду таким, как они. Не люди они, а звери.
- Время покажет... Тогда и поговорим...
- Наши дороги вряд ли пересекутся.

* * *

Звук аэрофона оповестил о завтраке. Тут появился горбоносый верзила, решивший проучить меня. Он схватил за руку и начал сжимать мои пальцы. Но не тут-то было. Я вонзил пальцы другой руки в его бицепс. От неожиданности, вместо того чтобы ударить меня, он резво свалил. После завтрака построились на плацу. Командир части ознакомил нас с обстановкой, положением в городе. По его словам, в Герате и его окрестностях участились нападения на военные колонны и опорные точки, а в нашей части бардак, нет никакой дисциплины, порядка. В конце своей речи он приказал офицерам соблюдать дисциплину и безжалостно наказывать нарушителей. Сзади раздался хриплый шепот горбоносого:

– Видишь, и командир части говорит об этом!

– Он имеет право на это – он командир. А ты кто? Простой солдат! – ответил я.

Верзила посмотрел на меня уничтожающим взглядом. Если у этого гада в руках небо, пусть опустит его на мою голову – все равно не склонюсь и не стану перед ним на колени.

– Полк, разойдись! Все по местам!

Это означало, что мы должны вернуться в палатки, к своим угнетателям. Ноги не шли туда. «А может, свернуть к прачечной?.. Нет, сначала загляну в палатку», – решил я. Подойдя к порогу, я почувствовал терпкий запах конопли. Заглянув внутрь, увидел, что деды и черпаки, собравшись в круг, пустили по кругу папиросу. Тут вышел веснушчатый парень, расстегнул гимнастерку, глаза у него были мутные. Это был тот дембель, который рассказал мне о своем погибшем командире.

Вспомнив о том, что нужно написать письмо родным, я вошел в палатку. Тут передо мной «нарисовался» мой враг. Смотрю, челюсть у него безобразно отвисла, глаза лезут из орбит. Я понял, что он обкурился.

От сильного пинка я отлетел в угол, где было сложено оружие взвода. Трясущимися руками схватил АК-74, снял с предохранителя и взвел затвор. Не осознавая, что делаю, нажал на курок. Прогремели выстрелы... Тебе конец, верзила проклятый! Твое место в аду! Все окаменели. В глазах у меня потемнело. Лоб покрылся холодным потом. Вдруг сзади раздался громовой голос:

– Опусти оружие, младший сержант!

Только после этого я осознал свои действия. Бросив автомат, закрыл лицо руками, пряча слезы, которые брызнули из глаз. Что же я наделал?! Неужели я мог убить человека?! До такой степени дошел, да?!

В штабе собрались все штабисты, включая заместителя командира полка, комбата и начштаба. Наш лейтуха-чмошник получил по первое число. И не только выговор... Так ему и надо – не разрубил гордиев узел, пустил все на самотек! Меня перевели в другой батальон. Дежурный офицер отвел меня на новое место, познакомил с новыми сослуживцами и поспешил добавить:

– Осторожней с ним – он псих, чуть-чуть ненормальный... Может пристрелить! Не прикалывайтесь над ним.

В учебной части служили солдаты многих национальностей. Но среди них выделялись чеченцы. Их считали гордым и непокорным горным народом. Чтобы их заразное влияние не распространялось в части, ставили их не на строевую, а на хозяйственную работу. Строевые муки не для них. Их никто не трогал, а если трогали, то они никому не давали спуска, в то время когда нас называли ишаками безмозглыми, чурками и баранами, а мы не реагировали и улыбались. Что делать, воспитание у нас такое. Деда учили нас быть послушными и обходительными. Мы не воинственный народ. Мы народ терпеливый, привыкший к унижениям.

Как-то раз нас заставили преодолевать полосу препятствий, состоящую из всевозможных испытаний. Повторялось это много раз, мы выбились из сил, а сержанты сидели в тени и набивали животы лакомствами из посылки, которую прислали кому-то родители. Они ели сладости, а мы слюнки глотали. Такой мы деликатный народ. Хотя бы немножко отдохнуть дали. Строевые приказы ужесточались: «Пол-оборота на-ле-во! Короче шаг! Раз-два. На пле-чо! На-пра-во! Впе-ред! Стой! Правое плечо вперед! Лечь! Встать! Заправиться! Батарея! Слушай мою команду! Сомкнись!»

В конце концов один мой земляк по кличке Палван не вытерпел и сел в тени дерева. Это был крепкий, широкоплечий парень. Заметив любителя тени, один из сержантов подбежал к нему и с криком начал лупить. Палван в долгу не остался. Одним ударом вырубил сержанта. На помощь сержанту поспешил другой, но и он оказался на траве вверх ногами. А хитрец Насе, почувяв неладное, исчез. Немного погодя он привел старшего офицера. Офицер скрутил руки Палвану, ругаясь и пиная, потащил его прочь. Сержанты были маховиками в полковом механизме, и офицеры не хотели, чтобы они ходили в лопухах. После этого случая у моих земляков открылись глаза. Оказывается, можно постоять за себя! А как быть с офицерами?.. Они могут шею сломать. С чеченцами же они куда вежливее!..

Через три дня появился наш герой. Мы встретили его с распростертыми объятиями, стали расспрашивать, где был, какое наказание получил. По его словам, его держали в подвале столовой под замком и три дня заставляли чистить картошку и лук, держали только на хлебе и воде. Потом проводили очищение мозгов и советовали быть тише воды, ниже травы, в противном случае пообещали, что будет мыть плац носовым платком от зари до зари. Ясно, товарищи курсанты? Увидев Палвана, Насе пробурчал:

– Басмач.

Я предполагал, что это нам с рук не спустят. Так и оказалось. По прошествии двух дней меня и еще троих «черных» отправили на полигон, расположенный в трех-четырех километрах от части. Не полигон, а настоящее пекло, ад. Наш начальник – вечно пьяный прапорщик, не выходящий из будки. Слегка протрезвев, он вспоминал о нас и начинал нами заниматься:

– А ну таскайте ящики туда-сюда, проклятые курсанты.

Чижик в армии хуже крота. Дела прапора на мази. Каждый день есть «ле-вак», чтоб выпить. Приезжают туркмены и у прапорщика скупают хлопушки. На свадьбах у них принято стрелять хлопушками, пускать салюты.

Ранее служившие мои знакомые рассказывали, как их встречали школьники цветами, люди – хлебом-солью. Когда солдатики проходили по улицам, де-вушки-славянки глазки строили. Мы прямо заслушивались. А здесь все было не так. Зачем надо было лгать и лапшу на уши вешать. Наверное, есть такие

места, где солдат-освободитель был в почете. Возможно, там было мало военных частей и солдаты были в диковинку. В жарком Ашхабаде солдатики на каждом шагу, собакам – и то лень смотреть на них.

Проработав неделю на складе, наладили отношения с прапорщиком Виталием Орловичем. Клиенты приходят и уходят – наш прапор не просыхает. Мы тоже не остаемся, как говорят, в накладе. Иногда прапор расшедрится – и нам кое-что перепадает, а когда он отключается, мы сами себя балуем спиртным, и время проходит веселей.

Однажды прапорщик привез на склад высокую рыжую женщину. Оба были под кайфом. Приказав нам заниматься своим делом, он взял матрац и потащил свою знакомую в соседнее строение. Мы, поглядывая друг на друга, хихикали, потом через какое-то время потихоньку залезли на крышу сарая, чтобы подсмотреть утеху пьяных. Бесы гудели у нас внутри. Любопытство разбирало. Сквозь шель в шифере увидели вполне ожидаемую картину. Рыжая сука проводила курс искусства наездника. Боже упаси! Нужен ли такой распутник и алкоголик в штабе? Ведь он превратил склад боеприпасов полка в свой личный лазарет, бар и бордель. Возможно, денежками подогревает и руки командирам, потому и сохраняется за ним место на полигоне! Офицер всегда на мели. Лишние деньжата никогда не мешают.

Через какое-то время мы вернулись в часть. Офицеры проводили строевые, а точнее, карательные занятия. Притом сами были под большой «мухой». Мы теперь знали, откуда водочка. Это фокусы Виталия Орловича.

* * *

Кто-то дернул меня за ногу. Я вскочил с кровати. Оказывается, задремал. Смотрю – передо мной стоит мой новый сослуживец и земляк в тельняшке:

– Пора на ужин!

Ужин состоял из куриного бульона и картофельного жаркого. В новом ПТВ ребята веселые, немного поговорили о том о сем, не обошлось без анекдотов, потом разошлись. Я пошел проведать своего друга из прачечной и рассказал о происшествии в палатке. Мой друг порадовался что я проучил верзилу.

– Какой вы молодец! Я в восторге. Так ему и надо, – сказал он. – Мы тоже люди, и у нас есть характер! Если вы не постоите за себя, вас с потрохами сожрут. Правильно поступили. Кстати, в вашем взводе есть парень из Самарканда, он скоро демобилизуется, а его место освободится. Нужно поговорить, чтобы вы заняли это место.

Самаркандским парнем оказался тот в тельняшке, с которым я ужинал, с овальным лицом, бегающими черными глазками и подбородком с ямочкой. Услышав мою просьбу, он задумался, а потом повел на склад горюче-смазочных материалов. Там он познакомил меня с невысоким армянином. Немного поговорив, мы перешли к нашей проблеме: как устроить меня в сопровождение. Договорились, что армянин поможет в этом вопросе, я же в свою очередь должен буду за время службы сбывать его ворованное горючее.

* * *

На складе ГСМ я увидел сидящих за столом Ару и его начальника, офицера с погонами майора. На столе стояли продукты, которых не видели простые смертные. Неплохо живет хозяйственник! Увидев меня, Ара, показывая на майора, произнес:

– Мой шеф. Начальник тыла.

Потом мы с Арой покинули часть и отправились к месту, где был установлен блокпост со шлагбаумом. Солдаты в грязном, почерневшем от дыма обмундировании проверяли афганские автомашины. Вокруг стояли разболтанные БТР-60, валялись старые шины и горы мусора. Недалеко от шинных свалок жалко торчал полевой туалет, с трех сторон обернутый грязной бязью. Жуткая картина! У обочины дороги расположилось несколько палаток. Ара подошел к одной, оставив меня ждать. Несколько минут спустя вышел какой-то солдат, судя по морде иговору – киргиз. Он толкнул меня в палатку. Я с тревогой огляделся. В палатке сидели Ара и старший лейтенант, с виду татарин, а также еще один солдат с козлиной бородкой, скорее всего, дед. Они травили похабные анекдоты, которые всегда были медом на службе. Особенно «деликатный» был язык у солдата с бородой. Старший лейтенант обернулся ко мне и стал задавать общие вопросы: откуда я родом, кем был на гражданке, какую учебу окончил, понимаю ли в технике и т. д. Я коротко и ясно отвечал, а он автоматически переспрашивал. Мне показалось, что он был обкуренным.

Когда вышли из палатки, Ара повел меня к боевой машине и познакомил с молдаванином. Тот оказался человеком небольшого роста, с карими глазами, прямым носом и лицом, покрытым веснушками. Одежда и руки были грязными. Ара еще раз напомнил мои обязанности: наблюдать в бинокль за дорогой и округой во время сопровождения и стрелять по душманам из пулемета. Главное, в дороге я должен был продать горючее из двух бочек, так как устроил меня сюда не просто так: его услугу я должен отработать. Ну что... лед тронулся, река пошла. Я кивнул головой в знак согласия. А что я мог сделать, не мог же передумать и подвести друга?! Кроме того, я сам напросился сюда. Если не я, другой нашелся бы. Молдаванин, криво усмехаясь, намекнул, что покажет мое рабочее место. Мы спустились в БТР.

– Слушай, а ты попадал в перестрелку?

– Конечно, но Бог миловал. Всегда взрывалось впереди или сзади. Еще ни один камень не попал в мою машину. Удачливая моя арба.

* * *

Учебных занятий стало меньше, так как в части ожидали новое пополнение. Ждали также приказ о присвоении нам звания младших сержантов. Ходили слухи, что нас, прибывших из Средней Азии, отправят в Германию на постоянную службу, а европейцев – в Туркестанский военный округ. Но мы не верили слухам, про Афган никто не заикался.

Вчетвером с сослуживцами мы работали на лимонадном заводе. Работа была нудная и тяжелая: мы складывали ящики, бутылки, выполняли всю подсобную работу. За работу каждый день нам выдавали по 3 литра чистого первача, который называли «чертом». Этим «чертом» мы расплачивались со своими командирами. Шел октябрь, но в Ашхабаде было жарко. Только ближе к ночи наступала прохлада. У одного сослуживца сегодня день рождения – хороший повод отметить (было бы чем, а повод найдется!). После того как мы отдали долю нашему Длинному (так обзывали мы капитана), он предупредил нас о прибытии пополнения и добавил:

– Если что-то случится, смотрите у меня!.. – и показал кулак. – Поняли? Хорошо отдохните, а утром опять на работу.

По прибытии в полк, мы увидели, что здесь полно «зеленых», стеснительных новобранцев с бегающими глазами. Мы прошли прямо в столовую, за ужином неплохо приняли на грудь... Пока дошли до склада боеприпасов, уже едва на ногах

стояли: не учили крепости напитка. Нам было легко и весело, даже песню запели. Но когда пришли в полк, настроение поменялось: рассудок совсем помутился, началась перепалка. Стали драться с встретившимися нам в пути сержантами. В ход пошли не только руки, ноги, но и ремни – все, что попадало под руки.

– Братья! Бейте их, переломайте кости этим тварям! Вставай, униженный народ!

От своего глупого воодушевления мы стали искать ненавистных нам сержантов – Насе и Филю. Где же эти сволочи? Увы. Они будто испарились. Как крысы, сквозь землю провалились. Не повезло нам! Попались бы они в руки, прокляли бы свою родную мать за то, что их родила.

В состоянии аффекта мы кричали, матерились, брызгали слюной. Эта мрачная вакханалия была похожа на дурной сон. Внезапно, будто чтоб положить конец этому бесчинству, подул сильный ветер и в части погас свет. Кто-то донес дежурному офицеру, и вскоре послышался шум мотора, показались горящие фары приближающейся машины. Подъехал старый УАЗ-69А, из него вылез дежурный офицер. Кто-то заташил меня в палатку. Офицер приказал всем построиться, но этот приказ был невыполним из-за усиливающегося ветра и пыльной бури. Приказали разойтись. Я лежу в чужой палатке и в сонный дремоте слышу разговор дежурного офицера с Филей.

– Выяснил, кто это начал? – спрашивает офицер металлическим голосом.

– Конечно, товарищ дежурный по части, – ответил Филя. – Зачинщики те, которые работали на лимонадном заводе. Они пьяные в стельку.

– Ослы, что они о себе возомнили, они у меня кровью харкают будут!

Остального я не слышал: заснул крепким сном! Утром проснулся с тяжелой головой, с чувством жажды и нехорошими предчувствиями. Что же случилось вечером? Едва передвигая ноги, добрал до полевой кухни, наполнил кружку холодной водой и жадно приник к ней губами. Вода действительно имеет магическую силу. От нескольких глотков у меня открылись глаза. Тут появился Филя и вяло сказал:

– Тебя ищут. Бегом к дежурному офицеру!

Волей-неволей я отправился к дежурному офицеру, который еще и сам не отошел от вчерашнего хмеля. Это был офицер, который беседовал со мной про армию в самом начале моего пребывания здесь. Он хмуро посмотрел на меня. В его глазах на миг мелькнуло любопытство, но он меня не узнал. Среднеазиатских рож так много в полку, как муравьев в муравейнике. Мои вчерашние друзья стояли тут же, опустив головы. Я понимаю, ненависть сержантов – это одно, ломать ребра сержанту Казимиру – другое. Разбили морду младшему сержанту Сытникову, свернули челюсть курсанту Груше... Зачем? При этом пальцем не тронули сержанта Филю и Насе...

После завтрака было построение всей части. Перед частью выступил лейтенант – полковой комсорг. Лающим голосом он говорил о том, что мы позорим честь и достоинство курсанта артиллерии, что таким, как мы, не место в рядах членов ленинского комсомола. Решением общего собрания нас четверых исключили из комсомола, отправили в распоряжение полка и заперли на хозяйственном складе, где воняло гниющим луком и картофелем так, что все внутренности выворачивало.

На третий день нашего заключения дверь сарая открылась. Душа в пятки ушла от мысли, что нас сейчас отправят на губу или в дисбат. Но сквозь яркий свет проступил силуэт молодого лейтенанта, который отвел нас к командиру полка. Наверняка бедняга простудился, потому что постоянно шмыгал носом.

Командир полка был человеком среднего роста, коренастым, с глазами как у тигра. Он подошел к нам и стал в упор рассматривать каждого. От его пытливого взгляда мы опускали глаза. Наконец он с сожалением произнес:

– Эх вы, парни, какие же вы долбаны! Опозорили не только себя, но и всю учебную часть. Я хотел отправить вас в Германию. Посмотрели бы мир, европейскую цивилизацию, но после вашей выходки не видать вам мира. Не оправдали вы оказанное вам доверие, я вам дам шанс загладить вину – отправлю в Афганистан. Если вернетесь живыми, будете дальше жить, а нет – останетесь там навсегда. Горько будут оплакивать вас ваши матери до конца своих дней.

Несмотря на страшные слова командира, мы воспряли духом. Что нам цивилизация, если дают возможность смыть свой позор. Мы ждали дисбата, а тут пришло спасение – едем воевать в Афганистан. Хоть на край света, хоть в ад – только не дисбат. Это позор не только для нас, но и для наших родных. Мы готовы были опуститься на колени перед командиром и целовать его руки. Какие они заботливые, наши командиры! Золотые люди...

Потом началась наша обыденная жизнь. Мои горе-сослуживцы стали пропадать, их куда-то отправляли. Учебная часть была полна слухов, мы и не догадывались, куда их отправляют. Я стал слоняться по части и встретил своего однополчанина туркмена Сафарбека. Он был здешним, из Ашхабада. Мы постигали азы военной службы, а он был писарем в штабе полка. Мы так и не видели ни разу, чтобы он ночевал в части. Да и что за служба в родном городе... Не испытал он на себе тягот армейской службы. Всегда чистый, опрятный...

Однажды я видел его даже в спортивной одежде. Поговаривали, что его отец большая шишка в республике. Видимо, полковая администрация, да и гарнизонная, не прочь иметь хорошие отношения с местным чиновничеством.

– Ты что, до сих пор в полку? – спросил он удивленно.

– А куда я денусь? Не улететь же мне на небо, – ответил я. – Знаешь, я из числа штрафных. Жду своей участи.

– Знаю. Ваше счастье, что дело замяли, – ответил он.

– И как это они проявили жалость к нам?

– Куда там? Какая жалость! «Черт», который вы приносили, спас вас. Неуставная хозяйственная деятельность – вот что насторожило офицеров. Погоня полетели бы даже у командира части. А иначе они ни за что не пощадили бы вас «черных».

– Меня отправят в Афган, чтоб искупить свою вину и умереть там с честью.

Он засмеялся и ответил:

– Ну и дуб же ты. Ты что, мечтал о другом месте? Из этой учебной части отправляют только в Афган. Остальное все – чепуха. Ясно?

* * *

Я на складе горюче-смазочных материалов заполняю две бочки топливом. Утренний ветерок разносит запахи и капли бензина и солярки. От этого тошнит, глаза шиплет, они слезятся.

Мысли майора – начальника тыла ГСМ – о бутылке. Ару волнуют бабки, которые мы выручим от продажи топлива. Не только мы, таких, как мы, десятки. Ара не промах. Он отдает часть выручки майору, чтобы тому хватало на кутежи, в которых и сам участвует, а остальные денежки оседают в его кармане. Не зря шутят: «армянину дай Бог не жену, а жирное местечко». Ара вернется домой с «Волгой», а его шеф с полотенцем и бельем в старом чемодане. А денежек ему – шиш.

Неприятная работа. Особенно в такую погоду. Попросил молдаванина помочь, а он сквозь дрему ответил:

– Твоя проблема – вот и решай.

Вот уже десять дней как я перешел в сопровождение. За это время я дважды был в Герате – этой жемчужине Востока. Здесь жили такие великие мужи, как Джамшид, Навои, Бегзад. А теперь некогда процветающий город лежит в руинах. Война – такая грязь, которую не отмоешь ничем.

БТР резко остановился. Что случилось? Я с опаской смотрю на молдаванина.

– Открой люк, – приказывает он.

Я открыл люк, и к нам спустился усатый остроносый солдат среднеазиатской наружности. Я знаю его, это парень с душой нараспашку, бойкий и веселый. Он стоит на охране моста через Герируд. Кивком головы он поздоровался со мной и сел рядом с молдаванином.

– Видать дела идут как надо? – спросил молдаванин с усмешкой.

– Неплохо, жаловаться грех, – ответил тот.

– Ну так не забывай варить пули перед продажей, – учит умный молдаванин.

– Не беспокойся, дружище, я мастер своего дела. Дважды с одним и тем же лицом дел не имею. Знаю, какие они мстительные. А что делать, если пули без счета? Опасное занятие. Поэтому в основном стараюсь продавать одеяла, кровати, шинели, одежду и утварь, которую ребята ташут из полка. А вареные пули я толкаю, когда нечего продать. Моему командиру хоть танк продай, но водку достань.

За разговором подъехали к дуكانу клиента, небольшому магазинчику с примыкающим домом. Из него с притворной кротостью выскочил знакомый косоглазый лавочник. Подлое существо этот афганец. Хорошо говорит на русском языке, правда, с акцентом. Зовут его Мухаммед Саид Ахмед. Тут у местных почти у всех по два имени, при этом каждого второго зовут Мухаммедом. Ну, черт с ними, надо заняться бизнесом. Разгрузив полные бочки, загружаем пустые. Руки так и чешутся при мысли о наваре.

Да, действительно, некогда славный город Востока сегодня в руинах. Руины, убогие строения и лачуги перемежаются с пестрыми лавками, в которых есть все, что душе угодно. Выехали к центральному рынку. Повесив автоматы на плечо, отправились туда. Голова идет кругом от множества лавок и людей в чалмах. Кажется, в мгновение ока мы оказались в средневековье. У входа на рынок здание, которое в сравнении с другими было в более приличном состоянии. Мы вошли туда, афганец с вафельным полотенцем на плече дружелюбно встретил, полил нам на руки и пригласил пройти в небольшой зал с деревянными нарами, на которых стояли удобные столики на низких ножках. Мы прошли к свободным нарам. Рядом с нами с гордым и величественным видом сидел седой старик, перебирая четки. Я невольно поздоровался с ним, приложив руку к груди в знак уважения. Он ответил кивком головы. Встретивший нас любезный афганец принес еды, при виде которой молдаванин посмотрел на афганца и шелкнул пальцами по горлу. Афганец многозначительно улыбнулся, давая знать, что понял. Немного погодя он принес нам «утеху души – мусалмас» – красное вино с мутным осадком. Оно оказалось весьма крепким. После вина курили чилим, миниатюрный, чудной. При втягивании дыма он издавал смешные квакающие звуки. Мне стало тревожно. Мы сидим здесь, расслабились, смеемся, а наши враги только и ждут этого. Вдруг это мышеловка?! Вот вам пироги с котлетами. И нас захватят в плен, отрежут уши и носы. Я невольно прижал к себе автомат. Взгляд упал на седого афганца, сидящего рядом. Старик внимательно наблюдал за нами. Что значит этот недобрый взгляд, это излучающее

ненависть лицо? Возможно, нас поджидают боевики, чтобы расправиться с нами. Лучше погибнуть в перестрелке, чем стать уродом без носа и ушей. Пора заканчивать трапезу. Я уже хотел это предложить, как вдруг старик встал и направился в нашу сторону. От испуга меня охватила дрожь. О Боже, сохрани нас! Неужели наша жизнь на волоске? Старик, присев рядом, приветствовал:

– Аллах всемогущ и милосерден. Пусть будет рай всем праведным и усопшим». Мы, опешив от неожиданности, с опаской смотрели на старика. Неужели этот покойный человек может быть нашим палачом? Он же, посмотрев на меня, спросил:

– Ты узбек?

Неожиданный вопрос! Кто он, как узнал, что я узбек? Старческая интуиция или догадка. Ведь мы разговаривали по-русски. Возможно, когда мы входили, я поздоровался с ним по-узбекски. Кивком головы я подтвердил его предположение. Тревога не покидала меня. Я любезно пригласил его присесть, он согласился и сел рядом со мной.

– Отец, когда закончится эта война? – спросил я прямо.

– Пока вы здесь, она не кончится, – ответил он. – Скажи, какой народ любит захватчиков?

– Но мы не захватчики. Мы пришли сюда по просьбе вашего правительства. Пришли, чтобы исполнить свой интернациональный долг. Вы наши соседи, помочь вам в беде – наш долг.

– Э, что ты говоришь, сынок! Правительство? Это не наше правительство, а ваше. Бабрак¹ – ваша марионетка. Россия захватила Туркестан, а теперь хочет захватить и Афганистан. Но этому не бывать. Мы с Англией воевали сто лет, и нас не сломили. Афганцы – воинственный народ. А теперь, по воле Аллаха, мы освободим исконно афганские земли – Памир, Самарканд и Бухару.

Боже, какую чепуху он несет! Горящий, разрушенный Афганистан может противоборствовать могучему государству? Какие земли он хочет освободить? Слегка горячусь, спорю, позабыв о своем беспокойстве. Старик тоже оказался упрямым и все твердил, что мои слова – следствие советской пропаганды.

Наступила тишина. После паузы старик продолжил:

– Солнце померкло над Афганистаном давно, когда был убит падишах Хабибулла, пусть благословит его душу Аллах! Я был молодым и самодовольным парнем, учился в Иране. Наши правители погрязли в распри. Раздор в правящей верхушке разъедает, как червь, афганское общество еще со времен Достмухаммедхана, эмира-основателя нынешнего афганского государства. Сын Хабибуллы Амануллахан спас свою шкуру бегством и остаток своей жизни провел за границей. Алчный эмир бежал не с пустыми руками, он увез все золото из афганского банка. Бунтовщик и религиозный фанатик Бачаи Сакао наслаждался властью лишь несколько месяцев. Его убил Надиршах, самого Надиршаха тоже ждала смерть. Долголетним было правление Захиршаха, сына Надиршаха. Сорок лет правил он страной, и его правление было «золотой эрой» в афганской истории, но под золото текли илестые ручьи, которые мало-помалу замутили всю реку. Образованным человеком был Захиршах, знал много языков, писал стихи, был патриотом своей родины. Увы! Его низложил принц Дауд. Между ними давно зрел конфликт, и Захиршах вынужден был бежать на чужбину, потому что над его головой завис острый меч Дауда. Шах не имел ни цента в иностранных банках, как другие правители. Он хорошо понимал, какой бедный у него народ, и довольствовался тем содержанием,

¹ Бабрак Кармаль – руководитель партии и правительства ДРА в 1979–1985 г. Жил и умер в эмиграции в России (1985–1991 г.). Похоронен на родине.

которое выделялось для правительства, когда был у власти. Ныне шах проживает на пособие чужого государства. Дауд мстил за старые обиды бывшему шаху, лишил его гражданства, конфисковал имущество, опозорил его имя, перечеркнул заслуги. Думаете, это делалось во благо народа? Нет, в самом деле в основе всего лежали самолюбие, корыстные цели чиновников и амбиции групп шкурников. От этих интриг страдал кто? Простой афганский народ. Конфликты и предательство процветают и ныне. Неблагодарного Дауда сверг Тараки, закопал его бесследно. Самого Тараки по приказу Амина палач задушил. Амин впоследствии тоже погиб. Погиб от ваших рук. Что ждет вашего ставленника Бабрака – известно лишь Господу Богу! Короче говоря, над афганской землей солнце померкло, страна в невежестве, к глубокому сожалению, такова прискорбная участь Афганистана!

Слова старика пронзили меня, как ночной холодок. Действительно, он оказался очень образованным и небезразличным человеком. Его патриотизм вызывал уважение. Он встал, вслед за ним мы тоже вышли, будто провожая его. Позади нас торопливо суетился обходительный афганец, хозяин заведения, видимо, опасаясь, что мы не расплатимся.

Таджик остался на мосту.

– Спасибо за угощение, даже пророки любили хлеб-соль дающих, – я похлопал его по плечу, и мы продолжили путь.

БТР, как железный конь, мчался по дороге, равномерный гул мотора убаюкивал.

Приехали в часть. Ара ожидал нас с нетерпением, рассчитались с ним сполна. Вечером зажгли большой костер. Жарили целую тушу барана, и жир капал на раскаленные поленья. Запах мяса вызывал аппетит. Утром, загрузив бочки, опять отправились в путь.

* * *

Сегодня в полку траур. Гордо реюший алый флаг приспущен. На плацу оркестр целый день играет похоронный марш. Туго придется молдаванам, потому что полковой оркестр состоял из них, и командир полка проявляя к ним личную неприязнь, обзывал их цыганами. Они носили полную парадную форму одежды и зимой, и летом – в любую погоду. Сегодня развлекательные мероприятия отменены, все должны ходить, демонстрируя свою скорбь. Ведь вчера умер всем нам дорогой Леонид Ильич. Этот инициатор афганской войны руководил страной 18 лет и являлся лидером международного коммунистического движения. Обнадеживают мысли, что теперь, возможно, закончится афганская война. Куда там, кремлевские старики в один голос утверждают, что курс бывшего вождя останется прежним, в том числе и международная политика. Так что, товарищи воины-интернационалисты, держите крепче приклад автомата, ваша жизнь ничего не стоит. Под кайфом старлей в палатке мозги сушит:

– Когда умер Ленин, весь народ плакал, когда умер Сталин – тоже... Когда и как умер Хрушев – никто не знал. Помер Брежнев – плачет все Политбюро, помрет следующий Генсек, будет плакать только его семья. Увы, всенародная любовь к вождям постепенно угасает. Тише, придурки. Я не говорил, и вы не слышали. Поняли? Сегодня из Кушки привезли водки на поминки. Будем жрать водку, наконец-то, за казенный счет. Помянем дедушку Генсека.

Он вышел из палатки, все облегченно вздохнули. Кто-то вслед ему тихо прошептал:

– Да пошел ты... товарищ старший лейтенант.

Все испуганно посмотрели на него. Не дай бог, старлей услышит! С завтрашнего дня мне караулить у шлагбаума, потому что молдаванин ставит БТР на ремонт. Слава Богу, наконец хоть немножко отдохнем, с этим подлым афганцем Мухаммедом Саидом Режабом устал общаться... кроме того, что постоянно опасаясь за жизнь. Карман тоже будет теперь пустым, ну что делаешь, такова афганская жизнь!

* * *

Посмотрите теперь на этого ремонтера, неопрятного молдаванина, кочегар из котельной чище его. Слышу жесткий лязг гусениц. К шлагбауму подъехал грузовик ГАЗ-53 в сопровождении танка Т-54. Из танкового люка вышли русоволосый, широколобый солидный полковник, очень симпатичная девушка – молоденькая лейтенантша славянской наружности – и смуглый усатый афганец в форме сарандоя¹.

Полковник повернулся лицом ко мне и властным голосом приказал:

– А ну-ка, эй ты, позови начальника сюда. Быстро!

Мчусь как стрела к старлею, а тот лежит, растянувшись в своей кровати, никакой от водки и травки.

– Какой ты олух! Слепой, что ли? Не видишь, в каком я состоянии, – нервно вопит он, – скажи, что ты заменяешь командира в его отсутствие. Иди отвечай. Ну и кретин же ты с высшем образованием!

Докладываю полковнику, что старшего нет, и я могу заменить его. Сейчас начальник пункта находится в дороге к Шинданту.

– Послушай, младший сержант, – продолжал он, резко понизив голос. – В этом грузовике лежат два трупа, предположительно, они из вашего полка. Их нашел этот афганский товарищ из сарандоя. Я один из советников в Герате. Нужно опознать трупы и выяснить причину въезда этих солдат в город. Оба – рядовые, видимо, совсем нехорошо у вас с дисциплиной! Раз ты здесь за старшего, слушай меня! Твоя задача – немедленно связаться со штабом полка и отвести трупы в полковой морг.

К грузовику подошел молдаванин и опознал трупы, это были его земляки, дембеля. Ребята пошли за шмотками в город. Молдаванин заплакал, а я смотрел на девушку-лейтенантшу. Полковник назвал ее Оленькой. О, она настоящая русская красавица! Томные глаза как синее небо. Такие глаза только любовь дарят. Волосы пшеничного цвета раскинулись по плечам, как водопад, а на изяшной головке красиво пристроилась пилотка. Одним словом, природа не поскупилась на красоту. Понимаю, война и трупы – вещь мерзкая, но и они не могут омрачить настоящую прелесть. Я мысленно летал в облаках с красоткой. Какое блаженство! Жаль, что такие мгновения быстро проходят.

Как бревно, еду в грузовике ГАЗ-53 и даже не слышу шума мотора. Мрачные мысли и страшный груз буквально парализовали меня. Добравшись до штаба, я слегка пришел в себя и рассказал дежурному офицеру о цели своего приезда, от привезенных трупов исходил холодный запах войны. Внимательно выслушав меня, дежурный офицер сказал:

– Хорошо, доложу об этом командиру, а ты отвези трупы в санчасть и возвращайся на место службы.

Вернулся назад. Проходя мимо плаца, увидел толпы солдат-счастливчиков, демобилизованных накануне. На груди у них звенят ордена и медали, сапоги,

¹ Сарандоя – афганская полиция.

пуговицы, пряжки ремней блестят на солнце. Они улыбаются, крепко обнимаются на прощание с остающимися. Мысленно им желаю добраться домой живыми и здоровыми. Как жаль, что среди них никогда не будет тех парней, которых я отвез в санчасть.

Ближе к полудню сдал дежурство и, лежа в палатке, слушал транзистор, непонятную мне мелодию, а что делать, как-то время надо убивать. Кто-то дернул меня. Смотрю, передо мной стоит старлей, потирая лоб, будто у него голова болит. Что случилось, неужели он нуждается в напарнике, чтоб выпить или покурить? Со мной этот номер не пройдет, потому что я плохой собутыльник и сотрапезник. Мои сомнения оказались напрасными. Он зашел сюда с заданием.

– По радиации передали, – сказал он, – на мосту одного солдата пристрелили духи. Кроме тебя, все заняты. Садись на КамАЗ и вези труп в санчасть. Ясно? Шевелись!

По его тону чувствую: милость офицера, как осенний листопад, лист едва держится на ветке. очередной труп! Кто этот несчастный? Нет дня здесь без печали. Подчинившись приказу, я сел в КамАЗ азербайджанца с кудрявыми волосами и шустро бегающими глазами. Он быстро завел машину, и мы помчались в сторону реки Герируд. Опускаю окно машины, чтобы выставить дуло автомата. Красиво мерцают хвойные деревья на обочине, и этот ландшафт, немного успокаивает меня, но на душе все же тревожно, чем дальше едем, тем сильнее скребут кошки на душе. Почему – непонятно. Воздух очень прохладный, почва черно-серая, солнце с утра прячется. Полумрак сочетается с мраком на душе. Приехали к мосту, где нас ожидали двое хмурых солдат, молча мрачно куривших. Загружаем в кузов машины труп солдата в новеньких сапогах, завернутый в белую простыню. Краем глаза узнаю убитого по его подбородку. У-у-у-х, аж мороз по коже! Это тот солдат-весельчак, который нас угощал на Гератском рынке. При очередной сделке обманутый клиент грохнул его из винтовки. Пуля попала прямо в лоб и обезобразила труп: верхней части головы почти не было. Таджик поплатился кровью за свою лихую торговлю. Тоскливо на душе, гляжу на мутное небо, потом вниз, где течет река Герируд, беззаботно и тихо, будто и нет никаких трагедий.

* * *

Наконец БТР наш отремонтировали. Как говорит молдаванин, мотор работает, как командирские часы. За это время почти лопнуло терпение Ары, он ругал молдаванина, обзывал «черепашкой в мусорной яме».

В наших карманах ветер свистит. Известно, что обжора умирает в праздник, а солдат – от постоянной нужды. Психология нужды у солдат и заключенных одинакова. Они не могут позволить себе «хочу это, а это не хочу». Они, как куры в курятнике: что ест хозяин, тем и довольствуются, а парней в сопровождении не касается «закон курятника», но и у них все зависит от нала в кармане.

Сопровождая очередную колонну через Герат, мы остановились в опорном пункте № 1 в пяти или шести километрах от города в сторону населенного пункта Турагунди. В опорном пункте нас ждала автоколонна со стройматериалами, и наша задача была, как обычно, сопровождать ее через Герат до нашего пункта, а там шиндантские взводы сопровождение и безопасность автобатов возьмут на себя.

Водители стройбата – настоящие военные челноки. Все торгуют водкой, самые удачливые водили те, кто пересекает границу и бывает в Союзе, где

можно запастись водкой, что и используют лихачи для личного обогащения. Водка в Афганистане – самый ходовой товар, в десятки раз дороже, чем в Союзе. Дороговизна ее обусловлена большим спросом, этому способствует негласный запрет на спиртное в стране. А на наркотики, наоборот, запрета нет, торговля ими идет полным ходом. В свою очередь, в Союзе спрос на шмотки и наркотические вещества. Водилы-молодчики обзавелись жилыми домами или семьями в Кушке, там их ждут с нетерпением. Сюда водка – наркота в Союз. С вводом советских войск пить научились и афганские военные, и сарандойцы. Без водки мельница военной администрации и командования полка не крутится. Не дай бог, случится опоздание этих авточелноков, офицеры выходят на дорогу в ожидании автоколонн и водки.

Слава Богу, сегодня впервые получил письмо из дома! Не могу читать без волнения строки матери, полные тревоги и озабоченности. Почти в каждой строчке: «Сыночек, береги себя, береги». Матушка дорогая! По воле судьбы попал я на эту скверную войну, где нас не ждали и не хотели. Если улыбнется фортуна, я обязательно вернусь. Не волнуйся, дорогая, сам Аллах хранитель, и злой рок не будет моим попутчиком.

Пронзительный ветер заставляет ежиться. С утра, укутавшись в фуфайку, стою на обочине. В пункт привезли афганских боевиков с черными повязками на глазах. Говорят, служба безопасности поймала их в центре Калау-Нау¹, там в тайнике найдено большое количество огнестрельного оружия китайского производства: автоматы, гранатометы, минометы советского образца. В последнее время в этом городе крайне неблагоприятная обстановка. Это тревожило и наш Гератский полк, потому что Калау-Нау совсем рядом с Гератом. Один из боевиков со связанными сзади руками был укутан в солдатское одеяло, на другом – офицерская шинель. Посмотрите на местных и увидите на них наши военные бушлаты, шинели, светло-серые шапки-ушанки без звездочек. Не любят бородатые наши красные звездочки. У них своя символика – меч и полумесяц. В полку ныне холодные дни, солдатики ходят с красными от мороза ушами без шапок, в рваных бушлатах и шинелях. В Гератских дуканах есть все вещи шурави – рыбные консервы, матрасы, простыни, кровати. Это результат ловкачества армейских предпринимателей. Казенное имущество не жалко. На ногах одного из пленных галоши без носков, руки заскорузлые – признак сурового быта... Что тебе, дружище, до сурового быта местных и их внешности, лучше бы написал письмо матушке!..

С наступлением сумерек опять собрались земляки. Приятно встречаться и вести душевные беседы на родном языке, много новостей узнаешь.

* * *

Очень морозно. С хребта Паропамиз дует холодный пронзительный ветер. Дует непрерывно. Сопровождаем автоколонну в Турагунди. Вчера вечером пришлось ночевать в каменном бараке на опорном пункте. Всю ночь не смог глаз сомкнуть, не потому что холодно, а потому что на душе неспокойно. Солдаты-истопники печки не топят, спят, завернувшись в шинели или бушлаты. Часовые тоже спят, на улице жуткий холод. В опорном пункте страшная темнота, хоть глаз выколи. Беспечность охранников и глухая темень внушали тревогу. Бородачам удобно в такое время зарезать нас всех, как овец. С тревогой встречаю рассвет. Сажу на кухню, больше похожей на коровник, и ем остывший

¹ Калау-Нау – афганский город в Багдиским вилайете.

суп. Подошел молдаванин и головой дал знак – «пошли». Слава Богу, уезжаем отсюда. Влезаю через люк в БТР, нога задевает что-то мягкое, спустившись, оглядываюсь по сторонам. Выясняется, что я слегка задел нос товарища старлей, оставив на его лице грязный след своего сапога. Извините, товарищ старлей, я не нарочно. Откуда мне знать, что он сидит там, я думал, внутри никого нет! Колонна с шумом двинулась. Я чуть не забыл, что старлей был в этот раз нашим попутчиком. Он хотел в Герате приобрести шмотки для женушки. Говорят, его жена – сварливая особа, и не пустит в дом муженька с пустыми руками, а старлею скоро в отпуск. Он сильно скучает по жене, тоскует в ожидании встречи и постоянно курит. А потом и анашу начал закладывать в «Беломор». БТР наполнился острым запахом гашиша. Молдаванин тоже им баловался. Тревожно было на сердце. Чтобы успокоить волнение, я пристально осматриваю в бинокль окрестности. Мы едем по дороге, по обеим сторонам которой горбатые горы. Встречаются страшные овраги и крутые повороты, дорога ухабистая, много ям. Одним словом, местность пересеченная. На этих дорогах водилы должны вести машину умело, как обезьяны. А этот недоумок обкурился и едет с мутными глазами. Не натворил бы чего! Мои мысли и тревоги мгновенно улетучились, когда БТР резко тормознул и пошатнулся вбок. Был слышен глухой треск, сердце тревожно встрепенулось. Неужели мы попали в душманскую засаду?... Старлей вопросительно посмотрел на молдаванина:

– Что случилось?

Молдаванин пожал плечами и скривил губы. Быстро покидаем БТР. У меня на плече АК-74. Картина удручающая. Барыга молдаванин под кайфом сбил легковушку «Тойота». Машина сильно помята, на заднем сиденье двое афганцев корчатся в агонии, лица в крови, у одного шея сломана. Удар пришелся как раз на их сторону. Дверь водителя распахнута настежь. Недалеко от машины пытается встать на ноги другой афганец, видимо, водила. Чудом он остался жив. Позади нас с шумом тормозит колонна. Движением руки старлей подзывал таксиста к себе. Едва шагая, тот подошел к офицеру и показал истрепанный документ, написанный по-арабски. Он хромал, сгибался, от слов старлея испуганно тарашил глаза. Я снял с плеча автомат и направил его прямо на таксиста. На всякий случай, черт знает, что у них в голове. Непредсказуемые они. В этот момент повернувшийся ко мне старлей резко приказал:

– Застрели его! Быстро!

– Но, товарищ старший лейтенант... – хочу возразить ему. При этом чувствую, как пересохло горло.

– Это приказ! Выполняй!

Что?! Неужели это приказ?! Не верю своим ушам! От осознания необходимости исполнить его у меня заоченели руки. Нет, не могу стрелять по безоружному и невинному человеку. На поле брани – понятно, если не я, то он меня грохнет. А здесь – не-е-е-т, не могу! Двоих уже отправили на тот свет... Зачем бедняга вышел на дорогу? Чтобы умереть?

В сильном гневе, под кайфом старлей отнял у меня автомат и повернулся к афганцу. Почувствовав свой конец, афганец встал на колени и умоляюще поднял руки. В его глазах был неописуемый ужас. Впервые так близко вижу лицо человека, осознающего последние секунды своей жизни. Какой ужас!

Очередью из автомата старлей застрелил афганца в упор. Тот забился в конвульсиях, изо рта заструилась темно-алая кровь, глаза его медленно закрылись, он что-то бормотал на своем языке, наверное, проклял нас, потом,

глубоко вздохнув, испустил дух. Мгновение – и нет человека. Для старлея нет человека – нет проблемы, А для этого бедняги нет жизни – нет мира! Абсурдная философия.

Они подняли мертвое тело таксиста и сунули в разбитую машину. Потом с помощью БТРа столкнули ее в пропасть. О боже, что они делают! Я, остолбенев, наблюдал за происходящим. Вот так убирают лишних свидетелей. Как глупо! Ведь пулевая рана таксиста явно покажет, что он погиб не из-за дорожно-транспортного происшествия. Под кайфом не сработала голова старлея. Надо было кончить таксиста без выстрела, например, прикладом автомата. Тогда бы удалось ловко замести следы и убрать живого свидетеля. Сейчас движения почти нет, не видно ни одного местного. Озираюсь с опаской, черные скалы выглядят хмуро. И чего я умничаю, мысленно одобряя это убийство? Нет, дело совсем в другом, я не жалею обкуренного офицера, а скорее всего тревожусь о других. Нужно ли нам пробуждать в них лишнюю ненависть, ее и без того немало? Не заметил, как автоколонна начала движение. Эти засранцы оставляют меня на дороге. Еле успеваю в кабину последней машины.

* * *

Прибыв в окрестности Герата, постучал в дверь знакомого клиента. Афганец с больной рукой и хмурым лицом открыл дверь и объявил, что ему сегодня не надо горячего. Понимаю, чего хочет эта гнида, в его голове одно намерение – сбить цену или получить в долг, который потом не взыщешь.

Зло объясняю ему, что товар привез, потому что об этом договорились. Он пожал плечами и закрыл дверь прямо перед моим носом. Я тоже не льком шит, догнал его и схватил за шиворот, на всякий случай левой рукой держа автомат наготове.

– Какой ты негодяй! Нарушил договор... не буду с тобой дела иметь, отведу горячее в другое место, проклятый!

Он что-то бормочет на своем, инстинктивно чувствую, что кроет меня матом, нашкодивший пес. Кто-то пнул меня сзади, резко повернувшись, я столбенею. Передо мной слепой подросток с глазами без зрачков, будто их выкололи и засунули туда вату. Конечно, дело не в подростке, а в его необычной слепоте. Скрипя зубами, пожелтевшими от табака, он посылает нас ко всем чертям. Раньше я не видел этого чудовища, откуда он взялся, с неба свалился, что ли? Диву даюсь! Повесив автомат за плечо, я вышел. Жаль, что торговля не получилась. Теперь надо ехать в центр города. Молдаванин, как обычно, спит за рулем. Положи на его голову камень, он все равно уснет. Бужу, он заводит мотор, но тут кто-то стучит в дверь БТРа, смотрю, стоит афганец с больной рукой.

– Разгружай бочки, беру, – говорит.

Ну... куда же ты денешься, мать твою! Страшные морозы на носу. В стране недостаточно не только угля, но и дров. Как в феодальные времена живут здесь люди. Молдаванин берет папиросу, желая заправить чарса. Я выхватил ее и выбросил. Какой ты негодяй, только что трех человек погубил! Тебе это не стало уроком?

Продолжение следует...

Вероника ШУППЕ

Я верю в тебя

Ворон

Тебя не манит мудрость перелетных,
Когда они щебечут о весне
В далеких странах?
Высота полетов
Над бездной моря
В веренице дней
Твой дух не распаляет?
Что тебе в дождливой осени
Застывшего Востока?
Что так прельщает твой пыливый взгляд?
Неужто ждешь печально исхода?..
Ни шагу жизнь не сделает назад.

И все же здесь. И так тебе легко!
Летаешь... так и я с тобой глазами
По поднебесью, стянутом узлами
Набухших туч. Как бездна высоко!
И вместе с тем не падает едва ли
Всем недосказанным в открытое окно,
Смушая лист нетронутый стихами
О том, чего вовек не суждено.

Вероника ШУППЕ. Родилась в 1999 г. в Ташкенте. Студентка факультета иностранных языков (русский язык и литература) ТГПУ им. Низами. Публиковалась в журнале «Звезда Востока», сборниках «Молодая филология Узбекистана», «Инновации мировой филологии в молодежной науке XXI века».

* * *

Когда наступит точка невозврата
И крикнет море городу: «Беги!»,
Плотины рухнут –
Все, чем жил когда-то,
Затопит мной.
Выныривай!
Плыви!

Доколе силы страсти не иссякнут,
Нам кажется, что вечно пламя волн...
А вон и суша.
Узнаешь?
Недавно
На этой пустоши стоял твой дом.

* * *

Я умею любить до конца,
До последней морщинки лица,
До прощения всех твоих «но»
На краю милосердия снов.
Я умею любить до греха.
Безрассудна и страшно легка,
Как в купель пред тобой вплоть до глаз;
Как в молитве Иисуса за нас.

Не умею дышать за двоих,
Не умею выдумывать стих,
Не умею любить вопреки
Равнодушию вплоть до тоски.

* * *

В нетоптаном крае огромного мира
Царит тишина.
Гроза утомила и хочется мая,
Допившего слезы до дна!
Корабль скрипящий
Кренится и рвется к моим берегам,
А ветер смеется,
Бушуя все чаще
Назло парусам!
В сомнениях кормчий,
О борт опираясь, навстречу шагнуть
Не спешит.
Как я ни стараюсь, не верит удаче –
Мираж искушенной души.
Боишься разбиться,
Остаться не хочет,
Летать не умеет!
А я...
Темнеет,
Нарочно не прячусь от валов.
Я верю в тебя!

* * *

* * *

Ты знаешь цену предрассудкам,
Так рассуди:
За долгожданную минуту
На казнь молвы,
На смех и гнев
Пойду,
Не пряча глаз.
Не испугаюсь маски палача,
Клеймо изгнанницы
Стерплю, не плача.

Найди же мужество
В последний раз
Не ставить наше счастье
На удачу!

По ночам макушки голых скверов
Обрастают спящим вороньем;
В окна без стыда и от безделья
Недобитым смотрит фонарем
Старый черт;
И солнце на страницах,
Пожелтелых в сырости домов,
Бьет лучами – пойманная птица
В клетке никому не нужных слов...

Если чудо все-таки свершится,
И прозреет слепнувший душой,
Солнце несказанно удивится,
Черт же посмеется над тобой.

* * *

Я из сажи, должно быть, иначе
Как еще объяснить черноту
На двустрочном, едва ли начатом
Полустишии про доброту?

Вроде небо сегодня чистое,
А слова все равно как дождь.
Мысль в чернилах на белом листике
Разливается – не соберешь.

А ему никогда не нравилась
Безнадежность и боль страниц.
Он хотел, чтобы я не маялась
Вне пределов своих границ.

Я бы рада к нему прислушаться,
Но огонь на ветру дрожит,
И кленовый с дубовым кружится –
Разве можно в границах жить?

ВЕРТИНСКИЙ В ТАШКЕНТЕ

Лейла ШАХНАЗАРОВА

«...Моя мама попала на концерт Вертинского в 1946 году, в послевоенном Кисловодске. Когда вся страна пела "Утро красит нежным светом" и "Вместо сердца пламенный мотор", а молодежь донашивала лендлиздовские ботинки, – на сцене был изысканный постаревший Пьеро, образ самой элегантности, звучало чуть утрированно грассирующее "р", пленяли жесты выразительнейших на свете рук... Каждая песня – маленький спектакль о любви, какой не бывает, о женщинах, о которых можно только грезить, о странах, что живут лишь в мечтах...

Потрясение было настолько сильным, что девочка Жанна – будущая консерваторка с абсолютным музыкальным слухом – после того единственного концерта запомнила ВСЕ услышанные в тот вечер песни – от первого до последнего слова, от первой до последней ноты. И я в детстве засыпала под "Пани Ирену" и "Над розовым морем" вместо колыбельных...

Опубликовав этот маленький текст на своей странице в Фейсбуке, я не предполагала, сколько взволнованных откликов он вызовет. Впрочем, это, наверно, неудивительно: слишком манящее, заветное, «бананово-лимонно-сингапу...», – словом, слишком глубоинной нежности имя вспыхнуло здесь.

Вертинский!..

«Моя мама тоже была на его концертах. Вспоминала до конца жизни своего кумира. И его пластинка в желтом конверте-обертке у меня сохранилась, хотя проигрывателя давно нет...»

«И для моих родителей А. Н. Вертинский был кумиром. И я тоже в детстве засыпала под его песни. Это были граммофонные пластинки. Видите, на этой моей детской фотографии – тот самый граммофон?..»

«В 1948 году одна уже очень пожилая приятельница моей бабушки, давняя поклонница его таланта, после концерта купила огромный букет роз и пошла к Вертинскому. Прямо в номер. Он открыл дверь, дама стала напоминать, что они виделись у Ренара (до сих пор не знаю, кто это). Александр Николаевич ответил: "У Ренара было много встреч", – и закрыл дверь. Бедная Клавдия Давыдовна так и осталась с букетом роз...»

Лейла ШАХНАЗАРОВА. Эссеист, публицист, редактор. Работала в журналах «Звезда Востока», «Общественное мнение и права человека» и других. С 2011 года – литературный редактор журнала «Восток Свыше».

Очень эмоциональный, очень личностный диалог, к которому присоединялись все новые и новые участники, – и в конце концов пришла мысль собрать то, что известно о ташкентских гастролях Вертинского. Не мог же он, изъездивший после возвращения в СССР всю необъятную страну, в военные годы выезжавший на фронт, выступавший на заводах и в госпиталях, не боявшийся отправляться зимой в турне по городам Сибири и Дальнего Востока, спускавшийся под землю, чтобы петь для шахтеров, – не мог же он, в самом деле, миновать наш прекрасный Ташкент!

*...А она сердито мнет перчатки
И упреки сыплет то и знай.
Мол, примчался чуть ли не с Камчатки
И опять готов хоть на Дунай!..*

*Дескать, я семьи не уважаю
И теряю к дому интерес,
То на Сахалин я улетаю,
То в Ташкент с концертами «полез»!..*

У Лидии Владимировны Вертинской были основания для упреков: семья видела Александра Николаевича очень мало. Тяжелым трудом и непрерывными разъездами-гастролями по огромной стране обеспечивал он жене и своим обожаемым девочкам безбедное и благополучное существование. Причем находясь уже далеко не в том возрасте, когда мог написать о себе с отчаянной веселостью:

*И легко мне с душою цыганской
Кочевать, никого не любя!..*

...В первый раз Александр Николаевич приехал («полез»!) в Ташкент с концертами в марте 1948 года. О пребывании его здесь, о том, как принимали у нас маэстро, какой предстала ему впервые столица Узбекистана, свидетельствуют письма Вертинского к жене, включенные в книгу его воспоминаний «Дорогой длиною...»:

Ташкент, 17 марта 1948 г.

«Я в отеле. В номере цветы... Шампанское. Яблоки... и чудесные гранаты, которых я никогда даже не видел, и изюм. Это они меня так встречают. Видно, что они старались...»

Ташкент, 20 марта 1948 г.

«Уже спел два концерта. Приняли меня они от души. Номер в гостинице большой и хотя холодный, но с водой. В день приезда на столе были цветы, фрукты и вино, – стараются.

Публика принимает не менее горячо.

Никакой весны нет. Миндаль отцвел месяц назад и потом весь вымерз от внезапных морозов, так что у них будет "миндальный голод". Урюк тоже...

Я делаю вливания йода. Здесь чудный врач – проф. Федорович. У него в госпитале мне делают все.

...Узбекские артисты пришли все на концерт. Помнишь Халиму Насырову? Когда мы приехали, были на ее концерте в зале Чайковского? Вот она и оперные узбеки тоже. Театр тут построили новый, говорят – чудо архитектуры. Но я еще не видел...

На концертах моих все сливки узбекского общества – от председателя Сов. Министров начиная. Обещают угостить пловом где-то в горах. По-узбекски. Сидеть надо на полу...»

Колоритные картинки; подмечающий многое взгляд заинтересованного туриста и бывалого путешественника... Упоминает Александр Николаевич и такую трогательную деталь: в Ташкенте ему дарили много клубероз («Непонятно, где их столько набрали...»).

Случились в тот его приезд, как видим, и примечательные встречи и знакомства на узбекской земле. А потом из Ташкента – дальше, дальше: колесить по региону необъятной страны с «Бразильским крейсером», «Маленькой балериной», «Желтым ангелом», «Лиловым негром», «Попугаем Флобером»... Песенки вопиюще неактуальные для советской действительности, но принимаемые публикой с полным восторгом, – не в пример, между прочим, песне «Он»: написанная как посвящение Сталину, она так и не прижилась в репертуаре Вертинского.

И снова – поездки, гастроли, концерты, несмолкаемые овации и... обиды. Все новые и новые.

«...Странно и неприятно знать, что за границей обо мне пишут, знают и помнят больше, чем на моей родине. До сих пор за границей моих пластинок выпускают около миллиона в год, а здесь из-под полы все еще продают меня на базарах "по блату" вместе с вульгарным кабацким певцом Лешенко...»

«...Обо мне не пишут и не говорят ни слова, как будто меня нет в стране. Газетчики и журналисты говорят "нет сигнала". Вероятно, его и не будет. А между тем я есть! И очень "есть"! Меня любит народ! (Простите мне эту смелость.) 13 лет на меня нельзя достать билета! Все это мучает меня...»

*...Я знаю – даже кораблям
Необходима пристань,
Но не таким, как мы, – не нам,
Бродягам и артистам!..*

...Снова Вертинский навесил Ташкент через восемь лет, осенью 1956 года.

Приехал человек, прошедший испытание замалчиванием, уже хорошо узнавший, помимо горечи эмиграции, и то, как несладка и репатриация, особенно в тоталитарной стране. За рубежом – в Германии, Франции, Англии, Польше – его пластинки выпускались миллионными тиражами, в СССР же при жизни была сделана единственная запись в 1944 году... Концерты его – при огромной их популярности! – в Москве и Ленинграде были редки; на радио его не приглашали.

«Официальная советская пресса к его творчеству относилась со сдержанной враждебностью. Вскоре после окончания войны была развернута кампания против лирических песен, якобы уводящих слушателей от задач социалистического строительства, во время которой напрямую о Вертинском не говорилось, но подразумевалось. Немногие пластинки с его песнями изымались из продажи и вычеркивались из каталогов. Ни одна его песня не звучала в эфире, газеты и журналы о триумфальных концертах Вертинского хранили молчание. Выдающегося певца как бы не существовало...»¹

И все-таки совсем «закрыть» Александра Вертинского как артиста власти не могли – слишком большие доходы приносили его концерты. Поэтому уже очень, очень немолодого человека «выжимали», гоняя по самым отдаленным окраинам империи, где даже теплый нужник был величайшей редкостью.

¹ <http://liricon.ru/biografii-poetov/vertinskij-aleksandr-nikolaevich>

«Пою в нетопленных сельских клубах, публика в зале – в тулупах, пар изо рта, а я на сцене – во фраке...»

«...Что я получаю за свои песенки? Холод номера и холод одиночества. Мне платят "продуктами из рефрижератора" – и свежемороженой и потому безвкусной дрянью...»

«...Утверждают, что Вертинский – не искусство. А вот когда вашим внукам через пятьдесят лет за увлечение песенками Вертинского будут продолжать ставить двойки в гимназиях и школах, тогда вы поймете, что Вертинский – это искусство!..»

Он ждал рецензий на свои концерты, но пресса молчала. Из года в год. Не издавались ни его стихи, ни ноты музыкальных сочинений. Готовый к выпуску сериал пластинок отправили под пресс, а уже сделанный набор рукописи книги воспоминаний был рассыпан.

*...Россия, Родина, страна родная!
Ужели мне навеки суждено
В твоих снегах брести, изнемогая,
Бросая в снег ненужное зерно?..*

Весь этот груз накопившихся обид и привез Александр Николаевич в пятьдесят шестом году в теплый восточный город, так щедро и радостно принимавший его несколько лет назад. И, может быть, как раз эта атмосфера дружеского гостеприимства и искреннего почитания его таланта «расковала» великого артиста: именно в Ташкенте он позволил себе высказать откровенно все, что наболело. Об этом можно прочитать в воспоминаниях ташкентского журналиста К. М. Курносенкова. Вот как описывает Константин Мартирьевич в своей книге «Подвижники» ту ташкентскую встречу с Александром Николаевичем Вертинским:

«...Дороги, то короткие, то длинные, то в стужу, то в знойное пекло. Артист разъезжает по стране. Дает двадцать четыре концерта в месяц, а ведь ему уже шел к концу шестой десяток.

Появляются объявления в газете "Правда Востока", извещающие о предстоящих гастролях Вертинского в Ташкенте.

27 сентября, пятьдесят шестой год, четверг, вечер, – первое выступление Вертинского. Переполненный публикой концертный зал имени Свердлова. Люди стоят в проходах, сидят на приступках амфитеатра, теснятся на балконах.

Вертинский сам объявляет вещи, которые исполняет. Поет "В степи молдаванской", "В синем и далеком океане", "Чужие города", "Темнеет дорога приморского сада", "Мадам, уже падают листья", танго "Магнолия", "Над розовым морем вставала луна", "Прощальный ужин", "Доченьки".

Поет два отделения. Зал, словно замороженный, внимал звукам дивных песен...

...Утихли рукоплескания и ликующие возгласы. Разошлись и разъехались зрители, капельдинеры унесли со сцены корзины и букеты цветов. Иду в артистическую комнату, где обычно проводят антракты дирижеры, солисты.

Александр Николаевич уже снял фрак, белоснежная сорочка облегла его изящную фигуру.

Мы обменялись приветствиями.

– Ташкентцы долго ждали вас, ваши концерты не раз переносились.

– Да, так, к сожалению, выходило. Я был занят на съемках фильма, а они не укладывались в намеченные сроки.

Излагаю просьбу Узбекского радио разрешить сделать запись одного из его ближайших концертов.

Александр Николаевич сосредоточенно смотрит на меня. Молчит, потом говорит:

– Меня радует ваше внимание, но почему Московское радио, сказать открыто, не допускает Вертинского к столичному микрофону? Пора подумать правительству о Вертинском!..

Я смущен. Что ответить? Говорю: не могу объяснить действий Московского радио. Мы же вас, почетного гостя нашего города, приглашаем к микрофону нашего республиканского радио...

И я услышал от него все, что накопилось у него за долгие годы. Его обиды имели основания. Ну а запись концерта тогда так и не состоялась...»

В тот свой приезд в столицу Узбекистана Александр Николаевич успел встретиться с некоторыми деятелями культуры, в том числе с композитором Алексеем Федоровичем Козловским и его женой Галиной Лонгиновной, который подарил свою фотографию – ту самую, знаменитую, где он снят с двумя дочерьми-школьницами. На фото – сердечная надпись:

«Галине и Алексею Козловским. Извиняясь за сей "фамильный" портрет (другого нет), я с радостью принимаю Вас в число моих настоящих (подчеркнуто) друзей, столь необходимых нам в этой ситуации. Александр Вертинский. Ташкент, 56 г.»...

Восемь концертов дал Александр Николаевич той осенью в Ташкенте. Последний раз ташкентцы слушали его в воскресенье 7 октября 1956 года.

Ему оставалось жить всего год.

«...Я ничего не скрываю от слушателя, пою так же, как пел бы для Господа Бога, – искренно, глубоко, правдиво...»

«Человеку на закате суждено все разлюбить, чтобы душа его, освобожденная от всех земных привязанностей, предстала чистой, голой и свободной перед престолом Всевышнего...»

«Как только мы добиваемся, наконец, ясности мысли, силы разума и что-то начинаем уметь и знать, знать и понимать, – нас приглашают на кладбище. Нас убирают, как опасных свидетелей, которые слишком много знают...»

Полыню горчащие истины, выстраданные к закату жизни... Но среди них – триумфально, ликующе сбывшееся пророчество:

«Через пятьдесят лет вы поймете, что Вертинский – это искусство!»

Шестьдесят с лишним лет минуло, как великого артиста нет на земле. Но то, что Вертинский – это искусство, – ваши соотечественники, Александр Николаевич, поняли гораздо, гораздо раньше. Как понимаем мы и передадим нашим детям и внукам:

Вертинский – forever.

Вертинский – навсегда.

ЛЮБОВЬ ТИОРА

Амфоры познания

* * *

Золотой песок, что сыплет озаренье.
Молчащие вдруг станут говорить,
И в тот же миг замолкнут
Бормочущие беспрестанно.
Не отрицайте, даже если сомневаетесь:
Сомненье не несет зерна!
Блуждающие по свету,
Отверзни взор, смотрящий на себя.
Любовь найдет пристанище,
А скорбь найдет забвение.
И всё грядущее во тьме,
И всё грядущее во свете
Сольются воедино,
Сольются в монолитный знак –
В Величественный символ!
Глаза, что видящие цвет,
И уши, слышащие звуки.
Начнут сердца стучать и выбивать космические гимны.
Стоящий лицом к лицу,
Увидь стоящего медведя пред собой,
Всмотрись в бегущего оленя,
Остановись со взглядом тигра.
Грядущий миг порывов
Пусть не вспугнет, пусть не страшит.
Среди травы иль на песке
Расчертим круг, в нём знак,
И в нём провиденье.

Любовь ТИОРА. Родилась в 1968 г. в Ташкенте. Окончила Республиканское художественное училище им. Бенькова (ныне РХК им. Бенькова). Член Академии художеств Узбекистана, Международной ассоциации «Искусство народов мира», Международного союза дизайнеров.

* * *

Безмолвный! Сокровенный!
 Приближается и отдаляется.
 Лишь сердца стук изменится.
 С Востока ночь подарит звезду,
 Сияние которой во снах
 Знамение откроет.
 Луна как будто станет тяжелей,
 Притягиваясь к храмам,
 Что возвели когда-то горячие сердца.
 И в будущих веках
 Земля засветит Алтарями.
 Безмолвный! Сокровенный миг!
 Течет во времени
 И, проходя сквозь вас, дарует состояние.
 Открыты небеса,
 Их суть и временность забыты.
 Грядет поток-стихия,
 Глаза и руки в ожиданье чуда,
 Сознание светло и пусто,
 Но в миг Безмолвный! Сокровенный!
 Наполнится познанием Истины.
 Душа ликует,
 И в динамичном состоянии
 Творец создал Алтарь!
 Пространства суть,
 Знак-символ, Знак-структуру,
 Рождение животворящей силы,
 Рождение энергии.
 Заполнено пространство,
 Вы в нем, и в Вас оно.
 Проникновение дарует Импульс жизни.

* * *

Встречай шелестящее небо
 В зените бабьего лета
 Малиновым воском покрытые!
 Светящиеся зарева света!
 Открылись пространства заветов,
 Открылась долина ответов,
 Проснись, человечество это,
 Проснись в озарении света!
 А ты, что проснулся чуть раньше,
 Услышав молитву, что в сердце,
 Открой человечеству дверцу –
 Всем тем, у которых есть сердце!

* * *

В полете время остановим
В великой простоте своей,
Несясь в бескрайность, как в бездонность,
В мир нескончаемых идей.
Несутся кони и вихрем мчатся
Без промедленья в дальний Век
Спешит безоблачное счастье.
И нам остались книги, строки,
В легендах прожитые сны.
Даруй, Вселенская обитель,
И жемчугом осыпь все дно,
Созвездием Творцов рожденных,
Вложь в них истины зерно!
Благословенный ищет встречи,
И звездный делает глоток,
Несутся в небо мысль и ветер,
Несется пламенный поток!
В благом созвездии рождены
Вы, от младенца до отца,
Безвременно остались во Вселенной,
Раз шли Вы по пути Творца.

* * *

Взгляни на утреннее небо!
Заря рождение дня подарит,

И в полдень небосводность
Взглядом обведи,
Где солнце жар подарит сердцу.

Вечернею порой
Закат, прощаясь с жизнью,
Заронит мудрость.

И в ночь глаза
Пусть в небо устремятся,
Где мириады звёзд
Тебе мигают звучно.
Какая глубина и Бесконечность!
И ты, и звёзды эти
Уплывают в Вечность!

* * *

Нет дороги, но ты не стремись упасть.
 Нет любви, но ты стремись полюбить.
 Смысла нет, но ты спеши всё же жить.
 Нет замков, от которых нет ключей,
 Нет дорог, по которым нельзя пройти,
 Нет судьбы, у которой счастья нет,
 Жизни нет, у которой нет Огня.
 Есть мудрец, и родил он стих,
 Есть стихи, что создал поэт,
 Нет стихов, где дыханья нет!
 Есть Душа, что кричит Вам вслед.
 Благодать Душе ты спеши воздать,
 А судьбу свою не спеши понять.
 Горячо тебе по камням ходить,
 В окруженье стаи змей безоружным быть.
 Не позволяй себя для себя хранить,
 И в себе самом безответным быть.
 Возрождай мечту, что светлее всех,
 Разожги огонь там, где Мрак и Тьма.

* * *

Я славлю Души, что чтят святую Истину!
 Спешу сказать благое с Благодарностью
 Отцам и матерям, живущим в здравомыслии,
 Вам возношу с почтеньем слово Божье!
 Пусть откровения, как жизни сок, вливаются,
 Пусть силы в теле бrenном возрождаются,
 Пусть мысль спешит в страну признания,
 И сердце простучит все предсказания.
 Отцы и дети, что откроют Храм Бессмертия,
 Надеждой, Верой, благостным терпением
 Обрежут корни темного невежества,
 Взрастят Любовь свою как обновление!
 Вся жизнь – Урок, мы – на страничках Времени,
 И от рождения ждем своего прощения,
 Лишь устремив в Миры свое прозрение,
 Мы в Боге сами станем откровением!

P. S.

Небесному Отцу...
 Три тысячи восьмой настанет год,
 Я напишу Тебе посланье снова,
 Лишь выучу Души моей заветный код,
 Чтоб Ты узнал меня из миллиардов
 Всех Твоих земных творений.

Идуший по земле не есть идуший в небо.
Идуший по воде проходит сквозь миры!
Встречающий тебя внезапно,
Он есть посланник Бога.
Слова, что скажутся, есть письма от небес.
Всмотришься в пространство, кажущееся всем пустым:
Оно заполнено писаньем,
Оно заполнено знаменьем,
Оно насыщено огнём!
И закрывающие разум,
И закрывающие сердце,
Те не способны будут зримое прочесть.
Всё рядом, все невидимые дали
И все просторы без границ открыты –
Открыты любящим сердцам,
Поюшим и идушим.
Идя на битву, не бери оружия,
Я в руки милостивых Сам вложу мечи:
Мечи моих возмездий,
Мечи моих караний!
И воинов моих небесных шитом я защищу!
Идушие на вас все вражеские стрелы –
Им не достичь нацеленных сердец.
Я им верну в усиленных страданиях
Весь посланнейший гнев на кончиках иглы.
Не смей смутиться, отступить, дрогнуть:
С рождения в вас вложен
Всепроникающий Огонь!
В нём сила всех идей,
В нём сила Божества,
Единого для всех.
Блажен, кто кончил задавать вопросы,
Открытый мне способен будет отвечать,
И понимать, и лицеизреть.
Кто сомневается, тот не получит
Истин-Знаний,
Тот не получит Состояний,
Способных пребывать во мне.

* * *

Когда нет веры в нем,
 Тогда и тело пусто.
 Глаза не видят глубины,
 Душа не ведает блаженства.
 Когда смотрящий будет падать рядом,
 Его мечта не обретет крылатость,
 Любовь не разрешит к себе войти.
 Безумный страх витает возле тела,
 И тело в мягкости своей не ведает предела.
 Срывается покров великих таинств.
 Стремящийся найти, конечно же, найдет.
 Но что? – Что ищет!
 Стремящийся не видеть – не увидит,
 Но для себя считаться будет зрячим.
 Кто слышит все?
 Лишь тот, кто хочет слышать,
 Лишь тот, кто жаждет слышать.
 Тому даны и музы, и стихи,
 И песни, звуки, тексты.
 Замучены во тьме обычных дней,
 Сливаясь вперемежку с общим ликом,
 Напыщенной толпы идейных размышлений...
 Кто им подскажет веру в Небо?
 Лишь тот, кто постоянно в Небо смотрит,
 Не поднимая головы!
 Но в нем глаза души, стремящиеся в вечность,
 В нем сила не для скрученных оков!
 Он болен, тонок, истощен,
 Но он здоров, здоров уже в сознании –
 В сознании духа своего,
 И в осознании Веры,
 Для всех, себя открывших.
 Приходит час, когда Любовь
 Сама пускает корни,
 Она несет опору каждой мышце
 И расслабляет нервы,
 Снимает дрожь, и скуку, и бессилье.
 Она дает дыхание новой жизни
 И утверждение в себе.

* * *

О вдохновение, ниспосланное свыше,
Во тьме соблазнов нам невидимый просвет!
Коснувшись пламени Огня, мы чаще дышим
И поздно вспоминаем про запрет.
Мы согреваем тело душным плодом,
И охлаждаем сердце в тот же миг,
И задаем вопросы тем, кто сведущ,
Кто более, чем мы, уже достиг.
Но нам подсказывает Время сроков сжатье
Опустошеньем мировых столпов,
До разрушенья мира в одночасье,
До разрушенья разума отцов!
Спеши овладевать Сознаньем Мира,
Дабы свершилось чудо вопреки,
Единый взгляд в Единое пространство,
В душе единство мира нареки!

* * *

Здесь скрытые мотивы звука,
Движенье солнечных часов
Определяют восхождение духа.
Луна и Солнце, движимые вечно,
Ведут в пространство Мебиуса – в бесконечность.
Размеренность шагов вам ритм сердечный зададут
И вмиг осадят плазменный батут.
Прыжок за вдохновеньем станет выше!
Смешенье полюсов синхронизирует поток и напряженье.
Задайте концентрации настрой,
Расслабьте мышцу сопротивления:
Вы ежедневно получаете благословенье.

* * *

Голубой песок рассыпан
Средь пыли жёлтой пустыни.
Мысли Ваши рассыпаны так же,
И собрать их надобно воедино,
Создав при этом течение времени,
Подобное песочным часам.

УЗБЕКСКИЙ ТРАНЗИТ

Фрагмент из романа-дилогии
«...И объять свое одиночество»

Вячеслав АХУНОВ

*И увидел я новое небо и новую землю; ибо
прежнее небо и прежняя земля миновали...
Так мир устроен...
Тень на восходе длится с Востока на Запад,
на закате – с Запада на Восток.
Свет не имеет правого и левого, верха и низа,
не признает ни Запада, ни Востока.
Откровения Иоанна Богослова. Гл. 21:1.*

...если б не ЭТО...
...какая-то бессмыслица и глупость... много видов глупости, но этот
какой-то особенный... почему именно мы?..
...не стоило претендовать на многое... только утаенное...
...утаенное?..
...именно...
...а память?..
...полагаешь, что именно память?..
...да-да... цепкий магнит...
...а здравый смысл?..
...так пожелал Аллах...
...не стоит, не стоит... не надо... произнесенное всуе отпугивает, тяготит,
подавляет...
...или создаёт иллюзию близости...
...надо честно признать допущенные ошибки...
...а радости?..

Ради каких это радостей надо было им выносить столько унижений и трудностей? Чтобы почувствовать себя затравленными обстоятельствами чужаками? Не сумев ускользнуть от одиночества и тоски прежде, там, упрямо творя более плачевное одиночество и будничную тоску сейчас, здесь?

Вячеслав АХУНОВ. Родился в 1948 г. в Оше (Киргизия). Художник, поэт, эссеист. Окончил Московский государственный художественный институт им. Сурикова. Участник 2-го, 3-го и 4-го Ташкентского открытого фестиваля поэзии (2002, 2003, 2005). Публиковался в альманахах «Поэзия и Фергана», «Городу и миру», «Агк», «Малый шелковый путь».

Ущемленные? Но кем, чем!? Не в их пользу сложившимися обстоятельствами? Попробуй только намекни им! Даже ничтожное сочувствие унижает их, будто были уличены в чем-то дурном, преступном, недозволенном. Они опять чем-то не угодили здесь, *сейчас*, впрочем, как и там, *тогда*? Обострившаяся чувствительность? Только посмотрите на их взаимные испытующие взгляды с затаенным желанием поскорее избавиться от этого тревожащего, может быть, даже угрожающего, но если б их существование сложилось по-иному? Они ошеломлены. Они взбудоражены. Нервы на пределе и взвинчены так, как это бывает только в минуту серьезной опасности. Их организм нуждается в передышке. Да, им необходима передышка. Разве вы не заметили, как они измучены? Раздраженный голос и наставительный тон. Вслушайтесь...

...попытаться войти в иную суть, словно перейти с одной пустоши на другую...

...но, согласишься, судьба руководит нами как нельзя лучше...

...лучше?.. ты так думаешь?.. или только инстинкт самосохранения?..

...ничтожная вероятность...

...кто-то из нас должен был откинуть заветы здравомыслия...

...ошибка, пусть даже самая незначительная, может серьезно навредить благим намерениям...

Они правы. Всякая поспешность чревата оплошностью. Уже убедились на собственном опыте. Или чувствуют, как исподволь, постепенно, не за один день они наполнились усталостью, тоской, разъединительным страхом и ненапряжными опасениями. Только на первый взгляд выглядят степенными, эдакими счастливицами, волей случая укоренившимися в чужих традициях. Движения размеренные, без спешки, без суетливости. Вполголоса, будто овладела ими боязнь привлечь к своим персонам излишнее внимание, размышляют о еще не случившемся, осторожные, если дело коснется их личных отношений. Плечом к плечу, бок о бок чинно фланируют по дальним аллеям центрального парка, стараясь сдерживать приступы сдавленного кашля в расплаве необычно-жаркого летнего месяца, а к вечеру, приглушив воспоминаниями острое чувство ностальгии, как обычно, заглянут в приглянувшуюся пивнушку пропустить по бокалу-другому так полюбившегося им темного пива, посидят, сбившись воедино с завсегдатаями, отдохнут, посудачат о том о сем, о своей нелегкой доле, и так до наступления ночи, чтобы затем разойтись по своим крохотным мансардным квартиркам, а через неделю вновь появиться здесь, у главного входа в этот роскошный имперский парк. Что в этом плохого? И всё же... В случившемся нет ничего привлекательного. Или они смущены, встревожены, озабочены? Их крохотное, шаткое благополучие... Кто же мог подумать? Но раз так вышло... Разоблачение неуверенности? Или без умения одарить благожелательностью преднамеренный рывок в неопределенность, в собственное смятение? Ничтожный шанс уличить себя в жесткости? Или именно в такие секунды они внезапно обнаружили недоступное для их понимания ЭТО, уже через миг, вдруг на самом деле подступившее вплотную, помимо их воли пробирающееся под одежды, тревожа тело, раздражая шекочущими прикосновениями? В тот момент поневоле пришлось им до боли в ладонях гулко хлопать по штанинам ниже и выше колен, по ляжкам, груди и животу, отмахиваться, отбиваться от назойливого этого, так нагло, так бесцеремонно вторгшегося за недозволенную черту. Нет, они не ошиблись. Никаких сомнений. Бесспорно... Вновь... Тогда чего стоят рассуждения

о любви к ближнему? Например, к родному брату, к матери или к отцу? Только перзрелое ожесточение как стремительный натиск, исключаящий манипулирование чувствами? Нет! Лучше им бережно хранить молчание, не торжествуя, не привередничая, без злорадства, безо всякого умысла, не унижая собственного достоинства, не переступая зыбкий, запретный рубеж, увы, отдавая причитающееся собственной заурядности, убеждая себя, что ничего ужасного, ничего рокового не должно случиться в последующие секунды, минуты, часы, дни. Им следует быть предельно внимательными к мелочам...

...только один Аллах знает, где потеряно начало и где находится конец!..

И все же, всем своим нутром чувствуя неладное, принохиваясь, дрожа всем телом с продыхом, шупают ноздрями июльский воздух, покрываясь взбуhrившимися пупырышками страха. Их непрочные жесты рассекают душный час. Они задыхаются. Чувство ложной свободы не дает полнокровно дышать. Их раздражает, выводит из себя их собственное ничтожное существование не только в сомнительном уюте сумрачной комнаты с чужим кондиционерным стрекотом за соседней кирпичной стеной. Чужой стеной! Комната, комнатка, каморка... Здесь все стены чужие. Для одного человека, метро Aldgate East, 1 зона. J100 в неделю, двухнедельный депозит. Телефон... Нет, им такая роскошь не по плечу, да и к чему подобные траты?! И на Finchley Central за J70 им не надо! Место... Да, место! Место в комнате для непьющего и спокойного парня в районе Waltham Cross, J35 в неделю. Ладно, черт с ними, этими местами, что поближе к центру! 6-ая зона и комната. Пусть в 10 минутах ходьбы от станции метро, но ты один в этой чертовой комнате! А чего только стоят те, знали бы вы, те фривольные позы красоток на приклеенных в углу снятой комнаты выцветших фотографиях из журнала «PARADE», всякие там обнаженные блондинки и брюнетки, юные и аппетитные не в меру. Взять, к примеру, тех самых знаменитых секс-бомб – сестер-близняшек с густыми рыжими копнами распущенных волос над улыбчивыми лицами, слегка выгнувшихся, компонованных фотографом в фас и с тыла на фоне белого синтетического меха или в обществе марокканских заклинателей змей, судя по их смуглым унылым лицам, явно не имеющих интереса к происходящему. А эти, прикрепленные в ряд глянцевые картинки с шокирующими выкрутасами нагих тел чаровниц, скучающих на керамическом бортике бассейна! Каждый по себе, уединившись, разглядывали фотографии, истово грезя о свидании с разными там Sindi, miss Stern, Niki и Mari, мечтая в будущем посетить «так, ради любопытства», говорили они, тот доступный мир, рекламируемый журналом «Sex Clab Classibied». Но вовремя поостыли, поняв, что вряд ли их тощий карман созреет для подобного приятного сюрприза, для несвойственной им свободы и откровенности, и, сожалея об упущенных возможностях, вспоминали о своем сексуальном опыте на просторах покинутой родины в ближайшем предгорье с туристической палаткой, с бьющимся сердцем у пламени костра, с бараньими шашлыками и дешевым портвейном № 53, с зычными гитарными переборами и обязательным – так уж сложилась традиция – гимном – песней о стремящихся к обрыву лихих конях, – в общем, сексуальное желание, которое, обычно, имитировалось под любовь и обходившееся почти без наклада. О подстерегающей акинезии, поражающей в самый неподходящий момент, особенно их, подвластных неудержимой тяге к общению, они старались не вспоминать. Но

их необычайное стремление к бродяжничеству, рассуждения о мнимой свободе, о которой так любят разглагольствовать невольники! Хотя...

Их лица посерели. Они обеспокоены, будто внезапное ЭТО, в которое попали по собственной неосторожности, высосало из их тел оставшуюся влагу: мумии, мумии! Волосы взъерошились, топорщатся над лихорадочным блеском глаз, беседа с трудом удается им. Неразборчивое бормотанье... В удлиняющиеся паузы легко прорывается присвист астматического дыхания. Приглушенный сухой кашель: удушье не позволяет полнокровно дышать. В июльском пекле-то! Они пригибаются от тяжести заживо погребавших их смыслов, словно не произнесенные слова, а разъяренный осиный рой завис между ними. Выглядят неважно, будто враз полиняли: исчезла та известная жизнерадостность и блуждающая добрая улыбка на губах, что бывает у людей воспитанных и терпеливых к шалостям других. Но порой они ведут себя так смело, раскованно, вроде смерть нипочем им. Не стоило бы им преувеличивать свои невзгоды. Они не учли факт ускользания действительности именно в тот момент, когда, перерастая в упрямую уверенность, в собственное разоблачение, реальность невольно обнаружила отсутствие всякого смысла, явно подталкивая на поступки, о которых не подозреваешь, исходя из посылы о невозможности их свершения. Они явно обескуражены, как им кажется, этой бессмысленной, глупой затеей, этой мелочной возней, этой...

...вершась на основе столь же неопределенной, сколь наспигованной нашей же самоуверенностью, прозорливость оказалась с червоточиной...

...разве обязательно присутствие смысла?..

...тсс... осторожно... не обращай внимания... не стоит... прошу тебя!..

Он предупреждает. Он заботлив не в меру. Он печется, взвалив на себя обузу добровольного защитника, будто перед ним на самом деле не чужак, а его младший брат, братишка. Он многое испытал в своей жизни. Чего только стоит мужественное лицо этого потомка рода барласов, ведущего своё родословное древо от самого Тамерлана, этого грозного воителя, хитроумного политика, великого стратега и великого палача. Братишке надо быть благодарным своему другу, наставнику и названому старшему брату. Хотя, нужно честно признаться, «старшего брата» раздражает его несносная привычка поправлять, указывать, поучать, ни с того ни с сего вдаваться в пространные рассуждения о любви и политике, о ненавистной ему поэзии герметиков, о своей неразделенной любви к пока не осчастливленному его присутствием Средиземноморью. В очередной раз, с невозмутимым видом одернув зарвавшегося «братишку» и обретя душевное равновесие, он заставил себя выслушать прерванную им на той неделе историю...

...и тогда мы на минутку, только на минутку, поверь, зашли... довольно уютный кемпинг на скалистом берегу реки в гористой, прохладной местности... внизу непоседливая вода, совсем как там, у нас... и сносные номера... нет, отель не был пуст: туристы, парочка влюбленных и группа совсем молодых людей, судя по их жестикуляции, с Юга, может быть, из Палермо или Мессины, островитяне, одним словом... и она (случайное знакомство, скажу тебе)... капризно теребившая складки просторной русской шелковой шали, небрежно накинутой на нагие плечи, расплывчатая в светлом проеме балконной двери, и ниже, на закатном

небе, в наступающих сумерках уже метались летучие мыши, приглушенно сверкнула золотая серьга на мягкой мочке левого уха под гладким очесом волос в пучок на затылке, как будто не её чужое лицо теперь темнело контражуром, но возможно было различить височную жилку, которая билась в эту минуту чаще, чем обычно бывает... молчала, пока контур лица не слился с вечерней мглой... «Мы ничего не видим, когда пытаемся узреть себя, видеть всё, – норовила сказать тихо, почти неслышно... – Я хочу смотреть, но не видеть», – продолжила, теперь более смутная, отвернув лицо с неясными глазами, вспыхнувшими блеском отраженных уличных фонарей, под которыми поодаль вслед за эхом её приглушенного кашля прочертилась тень ночной птицы, чтобы с потрясающей ясностью скрыть свой стремительный промельк в зияющей кроне широколистного платана, а она уже, напрягши тело, вполоборота, успела проследить полет неуверенным взглядом, вероятно, испытывая сближение с судьбой этой неведомой шальной птицы именно в эту секунду... «Тогда скажи мне, зачем существуют опасения и предосторожности, – испытывая смутное беспокойство, с опаской подумал я в тот момент, – если был возможен путь без сопротивления, в котором вдруг единственный раз можно решиться впасть в безумие, верша неверный шаг, стать строптивым, невыносимым, злым, неуживчивым, мстительным, лишенным покоя, одновременно нежным, до предела наполненным сексуальным влечением, наконец, попытавшимся выяснить саму сущность созидания и распада? – но на самом деле в те минуты, не одобряя, не осуждая, не отвергая, не восхищаясь, только улыбался безвинной, доверчивой улыбкой, не позволив себе говорить о людских злодеяниях, не страдая, зная наперед, что покой и мука, как и всё прочее, лишь призрачная игра бодрствующего сознания, иллюзия, череда рождений никчемных смыслов, вроде вечной цепи, стягивающей игру ума и воображения. – Но если добровольно выйти из предложенной игры, – размышлял я, – будет не за что цепляться, нечем дорожить, нечего таить, скрывать, прятать, тогда исчезнут даже понятия, которые обозначали свободу и рабство вместе с другими лукавыми выдумками о хорошем и плохом, оценках, различиях, спорах, о мнимых обозначениях и именах – все, все мгновенно выгорает, как южная трава в июльскую засуху. Но не совсем. Останутся упрямые корни, чтобы прорасти в подходящее время, будоража, тревожа, и время упрямых сновидений грянет в одну из ночей, многим одарит, подкупит сладкими миражами, одновременно жая кошмарами, таящими в себе шок от внезапности вторжения».

Потом чередующиеся кадры, словно снятые в технике рапидной съемки: промельк фигур незнакомых людей, замешательство и ужас на их лицах, потом их осторожное возвращение к горящим строениям с настороженностью и с предчувствием какой-то другой неизбежной беды и следом – непонятный всеобщий порыв – танцы вокруг горящих руин под пронзительно-зычную варварскую музыку с каким-то дикарским неистовством ритма, который, быть может, уже помимо воли овладел тобой, плавно перетекая из метафизических ощущений в реальность, минуя её белую кожу плеча, зависшее недоумение и нашу накопившуюся обоюдную страсть, которую уже через минуту пытались отвести, отринуть, отвергнуть, затемнить неловкими, вымученными фразами... Вот так!.. Сон длится несколько секунд, чтобы исчезнуть вместе с её запеленатым в сумерки лицом, вместе с боязнью клаустрофобии и непонятной, варварской музыкой... да, сон исчезает, испаряется, чтобы остаться в прошлом, заслужив определенное доверие. Но утром, испытывая неуверенность и головную боль, придется сражаться с нестойкой памятью, насильно выковыривая из забвения

отдельные приснившиеся детали, без которых обычно не имеет смысла общая картина... в общем, жестокие правила...

Вы разве не заметили, как он спохватился, поймав себя на мысли, что, предавшись воспоминаниям, они заплутались и кружат в незнакомой части парка?..

...заблудились?.. невероятно!.. в самом деле заблудились?..

...бывает и не такое... ничто так не отвращает, как избитый привычными приёмами путь... и вот итог... оказавшийся незащищенным, сомневающимся, в результате, все больше и больше путаясь в собственных подозрениях, тоскующий по утраченному, я оказался в совсем незавидном положении, должен был постоянно во всем экономить, заказывать дешёвую еду, каждый раз тщательно подсчитывая оставшуюся мелочь, но официанту чаевые неизменно давал с видом прожженного кутилы, вместе с обильной слюной цедя проклятья, когда излишне оценивающим взглядом исподволь (что там?) рассматривал изысканно сервированный соседний стол, проглатывая круто настоящую горечь разочарования и гнетущую вину за свое, в общем-то никому не нужное, скитальчество, за болезненное душевное состояние, гонимый отсутствием смысла в непреднамеренное одиночество, каждый раз призывая себя к несуществующему ответу... нет, невозможно сбросить с себя ответственность, сославшись на чужую волю, разве что на собственную судьбу или на некие, тебе не подвластные, обстоятельства, утверждая невозможность бегства от самого себя, от собственной тени, подозревая, что спасение именно в одиночестве... Подобное состояние – результат не безудержной прихоти или непонятной болезни, отмеченной вычурной печатью безумия, скорее, в меня вселилось мерзкое бунтарство с наглым присвоением «независимости» в ложной свободе, вместе с магией долгой предыстории, в которой навязчивая идея обретала свой вполне определенный замысел с последующим воплощением в столь опасную и угрожающую действительность... На самом деле не было всех причин – одни лишь благие намерения и затаенное упрямство с мечтой о нереальной, вымышленной, жизни, в которой слабые звуки возбуждают более резкие раскаты грома, в которой можно не опасаться, что сомнению и малодушию удастся свести на нет все приложенные усилия, – ты чувствуешь себя слишком замороженным бесцельностью, наполняешься неиспытанными чувствами, но достаточно увидеть отражение своего лица в зеркале уличной витрины – это испуганное, с печатью самоубийцы в расширенных зрачках не лицо, а искушение, прямая дорога в ад, теперь, когда ты, не в силах пестовать даже собственную гордыню как память о несбыточном, досадуешь, испытывая душевную неурядицу, незатухающую тоску и предчувствие непредугаданной беды, устав стоически сносить неопределенность собственных намерений, безвыходность в гаснувшем стремлении прочно осесть и зажечь полнокровной жизнью, а осев, надрывно мечтать о другом пути, теперь уже не твоём, с чем-то прекрасным и благородным, нетронутым дьявольщиной, безумием и пороками, тем разладом, который прочно и надолго укореняется в сознании вместо собственной полноценности, дарующей жизнь в мерзких угрызениях совести. Каждый раз, когда ты с чувством горького разочарования, с вскипающей ненавистью к самому себе безуспешно пытаешься обследовать тайное царство своей души, а почувствовав безотчетный страх за содеянное и тревожное волнение в сердце, пробраться обратно к истокам собственной болезни, словно не ты, а кто-то иной попытался в твоё отсутствие самовольно вторгнуться в святая святых и вольготно жить

в твоей шкуре, подменив неповторимую чувственность прихотью чужой воли. Но разве можно стать благоразумным под конец жизни?... Нет, не пережито, не почувствовано ещё многое, хотя легко отвязаться в молниеносную долю секунды, — та внезапная западня, в которой поступь смерти чувствуется достовернее, чем казалось в отроческом возрасте, когда к нам благоволила судьба, не предполагавшая малейших трудностей, требуя малого. Теперь только безоговорочное подчинение и существование в оскудевших житейских нормах с величайшей предосторожностью (да, чрезвычайная осмотрительность и мелочная предосторожность!): не смей сопротивляться, ни выдоха, ни вдоха, только лишь пребывание в страданиях и еще — уступчивость, как сытое блаженство в согласии с происходящим...

Пытаются улыбнуться даже в эти тревожные минуты, в самый последний миг, пока ЭТО, о котором они так любят посудачить как о некоем таинственном фантоме, вновь не захватило их внимание, не проникло в их сознание, в конце концов не парализовало их волю, их... их... их... а дальше может быть только одна покорность без желания испытать свои силы, отвергнуть, убрать, стереть, отринуть, отмести, откинуть, смять, уничтожить *внезапно подступившее ЭТО*, если б поначалу не смалодушничали, не отступили, скромно не отошли бы в сторону, в искренности намерений не засомневались бы в последний момент, тогда, может быть, и выкарабкались, выдрались из этого назойливого кошмара.

Нарушив закон, обойдя существующие правила, они втихомолку проникли, прибились по собственной воле, чудом пристроились, прижились, заматерели, огрубели, приспособились к нелегкому житию-бытию в этой, как им раньше казалось, свободной стране, теперь подразумеваемой ими как «комфортная ловушка», как «западня», как «капкан», но с тайной мыслью, что не для таких, как они, сия участь. Они еще молоды, здоровы, у них много сил, они еще способны к сопротивлению, как думали они несколько лет назад, многое не принимая в расчет. Только объединив совместные усилия легализировавшихся единоверцев, полагали, что можно выбраться, выкарабкаться, освободиться, отбояриться от этого позорного, не возвышающего их человеческое достоинство, ловко замаскированного рабства. Да, они готовы отстоять с таким трудом завоеванную толику благополучия, попытаться перейти на более качественную жизненную ступень, не вымышленную, а реальную, терпеливо снося мелкие унижения, множество лишений и неудобств. Но высшая реальность, чувствовали они, оказалась сильнее их воли, без зла, с равнодушием к судьбам этих «маленьких людей», мусульман с особым разрезом глаз и смуглой кожей. А по ночам чаще, чем прежде, всплывают отдельные фрагменты их прежней жизни там, нет, не бред, а реальность прошлого в отстоявшейся теперь, незамутненной и оттого понятной, повседневности, дышавшая двусмысленностью чуждого им мира, как если б на их глазах растаяла далекая земля обетованная, которой они долго и истово мечтали поклониться. Или они, робко выуживая из своей памяти лишь несущественные, мизерные детали, стараются приблизить то, чего они добровольно лишили себя?

...разве мы были знакомы *в той жизни*?.. разве однажды встречались на торжествах, устроенных по случаю юбилея?.. ах, в дни праздника Фервардеджана, связанного с верой в приход к родным местам умерших!..

...ты действительно веришь в подобную чушь?!

Не ответив на заданный вопрос, он вспомнил тусклое мерцание ветхой чиевой циновки под костлявыми коленями, профиль младшего брата в тесном айванном углу, будто не он привычно притесняет отдаление незнакомым языком: «аллахуммас-кина-гайсам мугисам мариан нафиан гаира-даррин ааджилан гаира ааджил»¹ – и вновь сначала повторяет, повторяет, пока спелая горная свежесть разом не коснется посиневших губ, а закатное рыжее облако уже стремительно опускалось за скалистый кряж, за фиолетовую сыпь камней на дальнем скате, в стороне от темных пятен – капель пахучего можжевельника по каменистому косогору, а немного левее – засасывающей чернотой, выползком в долину – влажная шель мглистого ушелья и тонкое лезвие пенящегося сая с белыми воронками бурунов.

«Там обитают беспокойные, коварные духи», – предупредил отец, тяжело дыша, когда они взбирались по круче вверх, до обходной тропы. Предупредил, не уверенный в своей правоте, и мы, два брата, еще не уверовавшие в свои силы, разом кивнули в ответ, соглашаясь, хотя втайне от родительского зоркого ока, минувя влажные росяные травы и камни, любили подолгу бродить в колодезном сыром полусумраке, гордясь своей смелостью, решимостью и выдержкой, ломким мальчишеским криком поднимая на вертикальное крыло непуганых птиц – скальных кольчатых горлиц-гураков-муссачча с черными пятнышками на сизо-дымчатых шейках, – переполошенно и шумно взлетавших к синеющему из узкого каменного мешка куску зияющего неба. С южной стороны неуступчивый лабиринт выводил к внезапному простору, и, ошеломленный внезапной свободой, взгляд спешил затеряться в суровых ребристых барханах, в текучести зыбкой пустыни.

Да, там кочевал другой народ – свободолобивые, гордые номады: следы неутоленных странствий на изношенных ветхих кошах, юрты с круглыми отверстиями на покатых макушках, у низких резных дверей с захватанными по краям створками, крепкое седло с потертой кожей и усталыми стремянами, дерзко блестящие серебром на обильном солнцепоке. Пока застоявшийся сумрак под душным войлоком пристально опекал белобородого старика, он дремал на тощей ватной курпаче, водрузив полотняную тюбетейку на острое колено согнутой ноги.

И ты, любопытный и осторожный, беспокойный в хаосе нахлынувших чувств, босоногий и проникший дальше положенного, лепечешь чуть внятно: «Ассалом алейкум...», – несмело входя в густую тень, тая интерес к чуждому, незнакомому миру, но, будучи чуть увереннее, будто не первый раз ты в месиве обезличенных дней. Затем, как равные, неспешно беседовали, говорили о настоящем, не затрагивая прошлое и будущее, степенно отхлебывая хмельной кумыс попеременно из кесе (сальной арчовой чашки), посматривая через ребристые прутья деревянной решетки (кереге) под откинутый полог на темнеющую среди задаренных солнцем барханов точку, которая увеличилась, чтобы превратиться сперва в кентавра, потом в скакуна с понукающим всадником на сильном хребте.

«Он не в меру задирист, не привязан к любимым местам, мотается без дела туда-сюда», – сказал старик, наблюдая, как твоё любопытное мальчишеское лицо приникло к обесвеченному мареву, вплотную к приблизившейся пустыне, чтобы ненасытно впитать трепетом ноздрей едкий запах конского пота: взмокшие круп и широкая грудь... шерсть дыбилась, пока жеребец, разбрасывая хлопья вязкой пены, жадно перебирал передними копытами сухой

¹ О Аллах! Даруй нам дождь в знак благожелательности, отгоняя нашу растерянность и не причиняя скорого вреда, но и не откладывая.

песок, а всадник, напевая, успел войти в юрту через низкую дверь: «Мир вам!..»

«Они уважают власть пустыни и умеют безошибочно находить дорогу в дюнных песках», – вспомнил он слова отца, вдруг опомнившись уже здесь, переведа дух под могучими лапами имперского льва: бронзовая морда перекрывала основание монумента, и одноглазый адмирал – гордый человек в морском мундире, как казалось, стоял на ошетинившейся гриве, попирая толстыми подошвами бронзовых ботфуртов нахохлившихся сизарей.

«Я обязательно вернусь», – прощаясь, сказал тогда он старику, еще не в силах предчувствовать расставание навсегда и свою жизнь в десятке холодных зим с промозглыми рассветами и сумерками. Уже второй год в тесной сбоку от аляповатого гипсового фронтона под серой черепицей мансардной комнате, арендованной за достаточно высокую плату, пусть небольшой, но твердый заработок мойщика посуды в итальянском ресторанчике, потом – как повышение – уборщик мусора. Казнящая видимость независимости и длительные прогулки в центральном парке, возвращение с неудовлетворенностью, вынашиваемой втихомолку в сердце, мимо лоснящихся витражных стекол витрин и световых неоновых реклам по главным артериям города в воскресные дни – ты еще в силах, сидя на прижимистой, окрашенной в синий цвет скамеечке где-то в дебрях ухоженного центрального парка, у водоёма с распутившимися бутонами кувшинок, под сенью апатичного куста зацветшего рододендрона, мысленно перенести себя в иное состояние, когда острая память, не восставая, диктует свои приметы: семнадцать неполных лет, ты с трудом вникаешь в историю «степного волка», сидя в зяблом, тенистом месте у сизых глыбистых валунов в темной-коричневых пятнах вездесущего лишайника.

Чужая жизнь увлекала – странный сюжет: отстраненное бродяжничество в поисках чего-то недостающего, но существенного, и зланный час отдельным фрагментом, хотя в трех шагах от тебя пользуется тенью обильная поросль лимонника, вздрагивают матово-зеленые, с шетинистыми волосками листья душицы под назойливым гуденьем жужелицы на близком крутом склоне, рядом с фиолетовыми венчиками остролодочника, а вдоль напористой воды с верхних горных родников – седые побеги мяты, мохнатясь, отцветающие стрелчатые цветоножки обильного подорожника. На холщовой сумке поблескивает перепончатая невозмутимость стрекозы с прозрачными с кобальтовым налетом крыльями, фасеточными наглыми глазами. Говорливый транс потока, накатывающего на язвленные царапинами и вышербинами темные камни, на отшлифованные до блеска голыши, крутящегося вокруг них, как одурманенный кашгарской анашой назойливый дервиш-юродивый, замороженный причудливым их видом, и полоска дымчатого света, проникнув сквозь скудную голубую крону барбарисового куста, расцветивала амальгамой галечное русло под кучевым облаком в кобальтовом небе, под стремительным полетом райской мухоловки к своему гнезду с терпеливой самкой на кладке – четыре бледно-розовых яичка с венчиком из пятен у тупого конца ты заметил давеча. Словно загипнотизированный движением воды, ты замер, напрочь забыв все слова, говоренные всуе, отложив потрепанную книгу на сочную остролистную плотную траву, чтобы через минуту встать и, виновато опустив голову, пойти по верхней неудобной тропе, обойдя обвитый следом улитки – клейкой перламутровой спиралью – плоский валун. Взялся, сторонясь рыхлых колдобин и частых лепешек свежего коровьего навоза, отстеганных беспрестанным копошением изумрудных мух и

упорных жуков-скарабеев, чтобы безотчетно шагать сквозь гудящее мелькание звонко вспорхнувшей стаи саранчи через ближний сад, остро переживая чувство собственной никчемности, пряча подобие улыбки в медленном качании айвовых, поникших под спудом медовых плодов веток, невольно глотая льющийся к травянистому склону едко-прогорклый дым: покорно тлеет чуть отсыревший сухостой в очаге, давеча принесенный братом из отживших свое зарослей дикой алычи, сверх которого комок сухого коровьего кизяка под чугунным казаном с отслоившейся сажей. Пока выше своего лица мать подбрасывала упругое тугое тесто – вверх-вниз, вверх-вниз – с грустными глазами без интереса к жизни, подвыпивший отец, буравя взглядом пьяных глаз ловкие движения жены, глумился: «Она превосходно готовит уйгурский лагман и баурсаки!»

Да!.. Возвращение и есть спешное отступление от того, к чему ты стремился с необычайным упорством, – в один и тот же бесконечный день, в однообразные завтра и послезавтра – слепое время, насквозь пропитанное быстрым чередованием черно-белых изображений. Впрочем, иногда стяжать особую прибыль в чужом этносе будто вкусить окаменевшую халву безбедного существования – был бы достаточно ясен оскал решимости с крепким захватом клыков, но в каждом должна жить уверенность, что где-то его ждет земля обетованная. Так тлеет мелкая надежда, подсказывая иную участь, когда ты только посмел мечтать, уже влекомый зовом еще не пришедших странствий. Тогда напрасно был оговорен тот ревнивый адыр за крайним домом вместе с текущим оцепенением сайской воды в тихом затоне под тонкими ветками ивы, где на одной из них, на самом гибком окончании, белеет гнездо – пухленькая рукавичка черноголового заботливого ремеза двоится в тихо бредящем потоке смутным отражением, и сердце уже помечено болезненной царапиной. «Утраченная притягательность и невинная ностальгия, – скажешь, зараженный невольной уверенностью. – Только ожидание», – прошепчешь... Ты силичишься вспомнить запах утраченной родины, желая довериться поползновению теплого восточного ветра, как будто только этот теплый родной поток был в состоянии донести сюда тот тихий жалобный шелест в желтой охапке отживших листьев, сметенных матерью в ранний утренний час к душной горке из других, скоро пожухших на солнцепеке, на оголенную окаменевшую глину посреди двора-хаули, под белесые ветки серебристого лоха – печальные на фоне выгоревшей травы, а дальше – округлый профиль звучной вершины; цепь смуглых адыров с охристым, еще не увядшим разнотравьем на северных склонах, перед пьянящей фиолетовостью дальних зыбких планов, где невесомо парили скалистые хребты с заснеженными пиками вершин, с дальними манящими взор урочищами в арчовых перелесках, в темно-зеленых, пропитанных талой водой прогалинах с изобилием невянувшей травы по берегам журчащих саев и на альпийских лугах под изогнутыми хлыстами отиветших эремурусов, а выше, на границе с глетчером, только ворсистые звездочки эдельвейсов – бледные, ничем не примечательные львиные лапки – и шелуха сланцевых камней с острыми сечениями на крутой осыпи, где ты однажды пытался пройти в поисках пропавшего брата мимо отвесно падающей шумной воды. Мгновенье – каменная пластина предательски выскользнула из-под убаюкивающей поступи, и ледяная испарина мгновенье спустя – на жарком лбу и на ладонях рук: осыпь, вздрогнув, медленно сдвинулась и, ворча, поползла вниз, ускоряя движение, давая ход увесистой каменной глыбе, теперь безостановочно катящейся к кромке обрыва, чтобы увлечь за собой к подошве горы, к желтеющим корзинкам душистой пижмы, к

ярко-розовому цветению волчегородника с вечнозелеными росистыми листьями всю накопившуюся каменную массу вместе с протоптанной ненадежной, неверной тропой. Брат в эти минуты старательно заучивал погребальную молитву, прислонившись бритым лбом к неокрашенному холодному столбу айвана; внезапный ветер вырвал клочок бумаги из-под спуда разгоряченных пальцев, с маху прилепив его на рыхлую грудь гувалячного дувала, к дремотной осыпающейся глине: «Аллахум-магфир лихайина ва майитина ва шахидина ва гаибина, ва сагирина ва кабирина ва закарина ва унсана... Аллахумм ман...»¹

Перед рассветом, опуская в холшовую сумку черствую лепешку и горсть сухеного тута, ты заметил протертое место на чиевой циновке под кормушками для залетных птиц, где он обычно сидел, волей сдерживая порывы и мучаясь.

«Предстоящее расставание – самое тяжелое время в моей жизни», – говорил брат тебе, объятый горячей отъезда, намекая на твою непреклонность... В тот засушливый год ты сотворил скорее бегство, чем эмиграцию собственной персоны, став на чужбине не менее бесправным, чем в родном доме... Непонятное, неустойчивое, беспокойное обетование... и не только за тонкими стенами старой мансардной комнаты...

* * *

Друг, прерывая его воспоминания, протягивает сигарету, шелкает зажигалкой, ждет. Смотрит ласково, заботливо, слегка прищулив свои «барласские», рысьи, светло-желтые глаза. И, прикурив, опускает никелированное тело зажигалки в боковой карман пиджака, затягивается и тут же выпускает часть сизого дыма через ноздри поверх аккуратной линией постриженных над верхней чуть припухшей губой усов, показывая всем своим видом, что внезапное появление *ЭТОГО* чрезвычайно увлекло его, словно *ЭТО* уже превратилось в необходимость, в недостающее, смешалось с их кровью.

О случившемся знают только они, но всем своим видом они утверждают собственное благополучие, как бывало не раз при случайной встрече с приехавшими по делам земляками. Но, скрытые от случайных взглядов, бродя по дальним аллеям имперского парка, они «ужасаются» своему незавидному положению, непростому бытию единоверцев-мигрантов, одновременно наслаждаясь появлением в их сознании *этого*, блаженствуя без отвращения, без опаски и злорадства, без ненависти к самим себе, но с ненавистью к этой выглаженной, сытой, тщательно ухоженной и надменной цивилизации. Они думают, что в их случае лучше оставаться неприметными, невидимыми в сумрачной тени, не выпячиваясь, опасаясь собственного легкомыслия и непродуманных, рискованных шагов, «...хотя толку от подобного положения явно мало, – говорит один из них, – мы нужны только друг другу в этом ином, непривычном мире, сейчас и через неделю, месяц, год, не только по воскресным дням. Да, мы необходимы друг другу, ведь некому здесь, кроме друга-земляка, единоверца, излить свои душевные переживания, и не стоит делиться сомнениями и радостью с надменного вида абorigеном, только позволительно иногда, смотря по обстоятельствам, исподтишка, втихомолку, тайком вылить всю накопившуюся злобу и ненависть на ничего не подозревающего господина, выплеснуть

¹ О Аллах, прости живых наших и усопших наших, и тех, кто здесь, и тех, кто отсутствует, и наших юных, и наших стариков, и наших мужчин, и наших женщин... О Аллах...

всю свою зависть в это безразличие сытого лица, мелькнувшего за стеклами стремительно исчезающего серебристого лимузина. Да! Главное для них сейчас – это почувствовать взаимное притяжение за беседой тет-а-тет, ошутить себя в эдаком «малом землячестве», в этом «крохотном, неприметном для посторонних глаз общении», напрочь отгородившись от чужих взоров и ушей в глухом парковом закоулке, почувствовать обоюдное, постепенно перерастающее в страсть стремление к откровенности, так помогающей вознестись над тем, что так стремительно поубавило в них желание строить радужные планы на будущее, но не отменило исконное уважение к старшему, к авторитету, неукоснительное соблюдение мусульманских традиций и, конечно, чувство собственного достоинства. Эмигранты... Догадываются ли об их статусе окружающие люди? Конечно. Стоит только им заговорить. Здесь, в этом ухоженном, тщательными прополками выхоленном от случайных сорняков имперском парке можно без опаски поделиться с другом произошедшими на неделе событиями, в десятый раз пересказать о когда-то случившемся, задать вопросы, на которые, впрочем, заранее известны ответы. Тот, что младше, имитируя чужие интонации, извивается, змей, смеется, кривляется, паясничает...

...этот невыносимый акцент... разрез глаз... цвет кожи... да, немного темноватый... впрочем, ты полагаешь, что дело только в цвете кожи?.. это не так... я не вижу ничего предосудительного в цвете кожи... многие поступают подобным образом... тебя на самом деле привлекла наша европейская культура, эта цивилизация, доведенная почти до совершенства?.. или деньги?.. тебя интересуют деньги?.. не стоит, право, не стоит обижаться, многие мигрируют, чтобы поправить неважное финансовое положение... нет, эти подонки ошибаются... они расисты... бритоголовая сволочь... я не раз бывал в других странах, но в вашей... ужасно... ничем не объяснимый деспотизм и самодурство власть имущих... обветшалые, средневековые обычаи... (и почти шепотом) то же самое творится здесь, только в нашей стране подобное тщательно скрыто за личиной демократии, таится за кучей денег, которую ничем не прошибешь... ведь обычаи, законы устанавливаются и вводятся не вдруг, но постепенно... догадываюсь... не с твоей тонкой натурой... вот так, мой дорогой друг!..

...брось дурачиться...

...да, кстати, ты познакомился с ней по интернету?..

...именно так и произошло... безупречное анонимное знакомство в чате, подравшееся сквозь грязные ругательства... первая встреча в приличном пятизвездочном отеле во время стихийной акции под названием «флэшмоб», когда пятнадцать секунд она с товарищами приветствовала несуществующего президента несуществующей страны... затем первое свидание с этой длинноногой, статной, таинственной, похожей на колдунью девушкой-африканкой, а может быть, с вольной, дикой пантерой... она родом с Берега Слоновой Кости... страна до своего переименования называлась Кот-д'Ивуар... она знакома с письменностью народа бамум, в которой причудливо соединились древние пиктографические знаки с элементами письма хауса и арабов... нет, меня не смущает её темная глянцева кожа, словно припорошенная серым пеплом, пропахшая нектаром цветущей малачетты, корицы, гвоздики и лавра... теперь и я посвящен в таинства белой магии, смешно говорить... «Эта мурабба вышла лучше, чем в прошлый раз», – поясняла она, рисуя на салфетке смешные каракули...

или, забравшись на стол, торжественным голосом вешала: «Обрати внимание на эту схему, в которую я внесла имя Ас-Самиь. Это значит, что желающий произнести написанное имя должен оберегать свой язык и уши от произнесения и выслушивания злословия и клеветы. Помни, исполняя условия чтения этого имени, получишь благословение свыше. Это имя приводится в нескольких местах священного Писания. Пророк Мухаммад однажды указал, а ученики записали в хадисах, что если кто-либо на рассвете трижды произнесёт "Бисмиллях и-л-лази лайазурру маъсмихи шайбун фи-с-самаи ва хува-с-самиь ул-алим", дунет на ладони, огладит лицо, то будет спасён от боли, бед и случайностей... Как ты думаешь, мы нуждаемся в спасении от подобных напастей?... Нет?... Ты прекрасно знаешь, что у каждого человека существуют свои проблемы. Мы не исключение... Глупости, конечно... – смеялась она. – В общем, совершенно лишняя трата времени, которая не может стать внутренней необходимостью... но эти её причитания, вроде, общедоступные и оттого выглядящие довольно глупыми, служили путеводной нитью, некоей идеей или методом, посредством которых можно выскользнуть из плена постоянного и утвердившегося... «Многое на самом деле выглядит глупым и недостойным внимания... Слушай, – продолжила она, – некий суфий Хазрат Имам Мухаммад Ахмад утверждал, что если кто-либо после намаза бамдод семикратно произнесёт "Фа-сайакфикахумуллаху ва хува-с-самиь ул-алим", то Аллах поможет исполнить все нужные тому человеку дела; если человек после обязательного намаза прочтёт это имя, то не будет нуждаться в чьей-либо помощи, Аллах сам поможет исполниться его желаниям и мечтам. Если кто-либо без ошибки напишет мураббу этого аята и станет носить её при себе, то Бог сделает его уважаемым и почитаемым. Так... Мы желаем стать уважаемыми людьми – это естественное желание, которое надо уважать. Вопрос только: стать или заслужить? Иногда судьба зависит от ничтожной описки: с ошибкой написано магическое имя или без оной. За первой, неудачной, попыткой, можно повторить другую, третью и так далее. Один из суфиев, Хазрат Мавлона Шарафиддин, в своих книгах "Канз-ул-Мурод" ("Сокровишница желаний") и "Ахвас ул-аъдад" ("Исчисление желаний") не раз упоминает о замечательных и удивительных свойствах этого аята. Так, так... нужно вспомнить... дай время... так... ах да: "Если человек беден, многодетен и у него много долгов, то, нося с собой эту мураббу, он избавится от всех затруднений..." Тебе интересно?... У тебя много долгов?... Многодетен и к тому же должник?... Смеешься?... Если он станет хранить эту мураббу внутри комка чистой смолы, то увидит множество добрых дел! Великий суфий Шейх Магриби неоднократно напоминал, что если кто будет читать это имя неоднократно в уединенном месте, то достигнет всех своих целей. Хазрат Имам Мухаммед также утверждал, что, если кто-либо начертает эфиром и шафраном на лавхе аят "Фа-сайакфики хумуллаху ва хува-с-самиь ул-алим", окунёт в гуляб (розовую воду) и даст выпить ее человеку, страдающему геморроем, тот исцелится. Знали бы страдающие геморроем!.. Ноу-хау... Начертание мураббы этого аята и ее хранение при себе даёт великую власть и уважение, обязательное исполнение каждого желания... Прекрасно!.. Чтение этого аята в течение восьми пятниц по четыре тысячи шестьдесят восемь раз приносит, с помощью Божьей, достижение всех желаний, но для этого необходимо каждую пятницу совершать омовение, прочитав два раката намаза и сказав салават, произнести этот аят указанное число раз. Кроме этих восьми пятниц, ежедневно надо по сто десять раз читать этот аят, тогда явятся султаны и прочие великие исполнители

твоих желаний и, если будет угодно Богу, все они исполнятся. "Ва из йарфаь Ибрахима-л-каванди мина-л-байти ва Исмаила раббана такаббал мина иннака анта-с-самий ул-алим..." Кто, начертав на белом мураббу этого аята, привяжет ее на груди белого петуха, омоет его в весенней дождевой воде, затем выпьет эту воду и выпустит петуха в месте предполагаемого клада, то петух остановится точно на месте сокровища... Мы должны обязательно достать белого петуха, – разгорячившись, кричала она. – Если в полдень четверга пятьсот раз или после чтения салавата четыреста восемьдесят два раза сказать "ё Самий", "ё Басир", не будет нужды ни в чём... Нет, лучше постоянно твердить эти два имени, и словословия Аллаху будут приняты, если Он этого захочет... Вот так!..»

Она бегала по комнате как сумасшедшая, гортанно крича, что повсюду есть место для подлинного знания, а если нет – предпочти отсутствующее наличному...

...опять это если Аллах этого захочет... подобное может отвратить, убить, похоронить живо!..

Друг обескуражен. Он протестует или имитирует протест, театрально воздев к небу руки, а сам думает, что именно таким, как они, Аллах непременно обязан помочь... Да, да, помочь!.. Не отторгнуть от своей благодати. Разве Господь не заметил их хороших манер, их смирения, их терпения и чрезвычайную тягу к его благодати? Или сомневается в них? Действительно ли Господь не благоволит к ним, униженным, сбитым с толку, без надежды на будущее? Или их поведение и все, что происходит с ними, раздражает Его? Тогда как быть с тем обещанием? Он Поэт... но истинный Поэт только там, на родине, среди своих, теперь покинутых, друзей! Знали бы они... Он дал обет старику-номаду, но не вернулся, не сдержал своего слова. Брат проводил до шоссе на дороге. Осторожно потрогав подошвой стоптанных сандалий податливый раскаленный асфальт, обочиной, по жухлой траве, побрел обратно, таша за своими костистыми плечами плотный шлейф пыльного облака. Повернулся спиной и поплелся обратно, не заплакав, не обернувшись, оставив тебя одного в дрожащем мареве у пахнувшей битумом жаркой накаанности, как если бы оставили ненужную, вышедшую из употребления вещь. Взобравшись в кузов потрепанного грузовичка, ты вновь и вновь смотрел на худую, словно трость из самшита, костлявую фигуру этого не по годам повзрослевшего пацана с оттопыренными ушами под износившейся ферганской тюбетейкой, одинокого, с поднятой рукой в настойчивом стоп-кадре ненадежной памяти... «Если бы тот дом выглядел иначе», – подумал ты тогда...

Их наивность и мечтания...

Или они медленно сходят с ума? Самое разумное в их положении (так поступил бы всякий страдающий от жажды), не растравляя сознание, забыть о мифическом фонтане и вызывающем ломоту в зубах прохладительном напитке.

Тот, что поэт, кривляется, паясничает, пытается имитировать голос страждущего.

Хриплый шепот, как будто на самом деле их измучила жажда...

...мы здесь, мы здесь!.. подойди... убедись... спаси, спаси, спаси!..

...и он, с подвязанной на талии белой материей, предстанет как долгожданное видение в знойный, засушливый час...

...да, плетеное кресло, выставленное возле самой кромки фонтана с мраморной чашей, из которой плещется обильная живительная прохладная влага...

...стоп!.. мы проходили здесь минуто назад...

...разве?..

...именно здесь, у этого высокого бархана... вон, видишь, на песке два следа...

...где?..

...у высокого бархана...

...у высокого бархана?..

...пожалуй, со льдом... нет, лучше пиво...

...и первый блаженства глоток...

...ближе к вечеру обязательно заглянем, потерпи...

...ближе к вечеру?.. не раньше?..

...есть же счастливики!..

...они, словно рождественские елочки, обвешаны фото и видеокамерами... я замечал их нежелание менять доллары на кучу мятых лир...

Его друг, его названный старший брат знает, как во Флоренции или в полузатопленной Венеции невозмутимые богачи-счастливики, валяжно развалившись в пальмовых плетеных креслах, потягивают сухой мартини с тоником, льдом или пиво баварских пивоварен, лениво наблюдают за происходящим на площади, за снующими по каналам гондолами и сидящими в них пожилыми туристами в белых панاماх, в несуразно-коротких шортах, из-под которых, как обычно, светлеют дряблые подагрические куски тела. Но это нелепый вопрос. Нет, на Юге ему не пришлось побывать, тем более в Венеции, в Сан-Джаминьяно или Монпелье, но он всегда мечтал жить и умереть в Средиземноморье. Он даже написал однажды эссе-признание на эту тему. А друг тем временем распяляется, полнитися воспоминаниями, неторопливо пробирается в прошлое. Поднимает голову. Воспоминания разглаживают черты его смуглого лица...

...там не такая сладкая жизнь, как утверждали, но можно нелегалом подработать на сборе маслин и апельсинов... и воздух там иной... насыщенный влагой, он долго хранит аромат цветов... даже в самую жуткую жару можно найти надежное укрытие, а вечером, наслаждаясь речной прохладой, следует обязательно пропустить пару стаканчиков местного «кьянти»... и что ж в этом особенного?.. да-да, поденщиком... до Флоренции морской воздух едва доходит, а вот чеканная Пиза в этом отношении весьма предпочтительна, хотя эти два города связаны единым течением Арно... нет, право, страшит только смертельный исход или транс, переходящий в шок... можно попытаться вернуть исчезнувшую реальность, потакая нестойкой памяти, совершенно забыв, что память чревата износом с последующей утерей самых незначительных, но необходимых и важных деталей... воспоминания неожиданно выгонят тебя из окаменелого состояния, оглашая свое право на толику внимания, и ты...

Обреченные? Или они оба с каким-то особым, поистине иезуитским, наслаждением придумывают собственную казнь?

...пусть даже самый дешевый номер в отеле... комфорт усыпляет мгновенно, заставляя забыть о гибеллинских связях Пизы, поражении при Мелории

во время войны между Гогенштауфенами и папами Пизы, о ряде тосканских городов, подстрекаемых Флоренцией и Генуей, окрысившихся на своих конкурентов... хороший отдых никогда не помешает... проснувшись, можно медленно прокрутить события прошедшего дня, вспомнить, как легко дышится в прохладных залах галереи Уффици... тогда у входа мелькнуло гладкое, не запоминающееся лицо колченогого приземистого китайца из столпотворящего Гонконга, а может быть, из Шанхая, втиснутого в синий маньчжурский пиджак с эмалевым изображением Великого Кормчего на фоне красного стяга... а те, появившиеся семь столетий спустя, во время триумфально-трагического режима Муссолини и чересчур запутанной поэзии почитаемых тобой герметиков, те изящные, покрытые паутиной и пылью бутылки в затягивающих натюрмортах заложника, гуляющего по окрестным холмам в молчаливом ожидании повторного Рисорджименто, этого печального отшельника Моранди... «Грустные, медленные, ласковые воспоминания, странное виденье мира», – произнес гид, но меня больше интересовало, были ли бутылки в тот момент наполнены вином или прохладным пивом... да, кстати, я забыл тебе напомнить: тот китаец остался на площади и, словно наперстывая что-то упущенное, кормил с рук жирных, не в меру нахальных голубей... он доставал из бумажного пакета хлебные крошки, не обращая внимания на сочавшийся полуденный зной, впрочем, не забывая внимательно разглядывать мелькавшие силуэты длинноногих шведок, их чуть прикрытые груди и голые плечи, густо усеянные рыжими веснушками... ужинали в остерии, недалеко от того места, где некогда чванливый «жирный народ» провозгласил свое полное господство... Рассеянно вылавливали из белого соуса скользкие грибные ломтики, склонив головы над полупустым фаянсом из Фазнца, не забывая запить охлажденным вином тягучий ритм разговора, этот скучный, затянувшийся ченч, скрашивая впечатлениями о ставшем достоянием прошлого и будущего музейным безвременьем, тщательно оберегаемом от тления и разрушений, вполголоса обменивались замечаниями по поводу той или иной ценности, выставленной для всеобщего обозрения, затем шептались, как два заговорщика, стараясь как можно деликатней коснуться другой темы, которую неудачно пытались обозначить интимными намеками и сносно затаенной страстью... на предложение заказать что-нибудь покрепче она улыбнулась и, смущенно впившись глазами в темнеющую скважину неба, зияющую между каменными стенами дворца Медичи, ответила словами «ангельского доктора» Фомы Аквинского, что грех состоит в нарушении умеренности, затем долго и нудно рассказывала о поэзии Дино Компаньи и Гвидо Гвиницелли... «Я сознательно не упоминаю о великом Данте, – протокольно и скучно сказала она монотонным голосом, – но наряду с ним в то время творили такие поэты, творчество которых выходило за рамки всяких школ и направлений, например, Гвидо Кавальканте, если вы знаете, поэт абстрактный, сложный, тем не менее... или необычайно богатый человек, магнат Чино да Пистойя, крупнейший поэт школы “сладкого стиля”... но я приехала сюда изучать творчество великого Джотто, его два цикла фресок из жизни святого Франциска в часовнях, некогда выстроенных на средства торгово-банковских домов Барди и Перуцци в церкви Святого Креста...», и пришлось разочарованно перевести взгляд на сгорбленные фигуры стариков, азартно играющих в брисколу, затем попытался затеряться в собственной наигранной наивности, соблюдая негласный уговор умолчаний, исподтишка

наблюдая, как действительность подвергается эрозии... слава Аллаху!.. неожиданно, нарушая тишину, из автомата брызнула громкая музыка, запел знаменитый тенор «O sole mio»... старики оживились и радостно захлопали... «Мне импонирует музыка Эннио Мориконе, особенно его бесподобная сюита "Once upon a time in the west"... эта губная гармоника, вытягивающая душу... Вы чем-то схожи с Чарльзом Бронксом», – улыбнувшись, сказала она в тот момент, но на следующий день, случайно столкнувшись со мной у Двери Рая Баптистерии, сотворенной гениальным Лоренцо Гиберти, сделала вид, что с особой тщательностью изучает деталь под названием «Генезис», а может быть, сцену встречи Соломона с царицей Савской, я же с независимым видом поспешил к Северной Двери, и мы разошлись, как два корабля в океане, чтобы никогда не встретиться. Правда, потом мелькнула её костлявая фигура, схожая с подстерегающим добычу хищником-засадником, по-нашему, богомолем, у входа в Национальный музей Барджелло, а может быть, под арками галереи Приюта найденышей... не помню где... именно так было... не скрою... в общем, если выразиться словами мудреца, то, воистину, любое наслаждение и удовольствие по нашей воле покоится на острие копья...

...ты говорил мне, что любишь другую, ту, что осталась на родине...

...разве?.. а ты испытал подобное чувство?..

Он шоир, поэт, а поэты не в меру чувствительны и всегда чем-то недовольны. Он не исключение. Нет, не надо спешить с ответом. Обязательно надо обдумать, осмыслить свой ответ. «Ответ должен быть благоразумным, удовлетворяющим того, кто задал вопрос, – думает он. – Надо позволить себе оценивающий, твердый, уважительный, без зависти и без сочувствия взгляд, – ведь он всегда мечтал поклониться Срединноморью, осесть там, сменить давнюю веру предков – мусульман шиитов – на католичество и умереть, если придется, когда старостью будет сморщено это тюркское лицо, да-да, где-нибудь в тихой морской деревушке упокоиться, лежа на теплом песке, под раскидистой кроной, под вечным шумом игольчатой пинии, но перед этим излив душу в стихотворных записях, в прозаических отрывках, наконец, отыскав собственные интонации в завораживающей молитвенной манере. А он ведь ждет, он терпеливо ждет моего ответа».

Пристальные «барласские» глаза неутомимого Тамерлана внимательно рассматривают лицо поэта.

Поэт помнит, что до ответа ему не следует нарушать молчание, выдерживая молчание. Он прекрасно знает, что нет иного пути к расположению сердец других людей, кроме обходительного и внимательного общения с ними. Да, он знает правила хорошего поведения, знает, что умеренность – лучшая мера всего. Он и впрямь Поэт с самой большой буквы. Он где-то выведаль, что стиль придёт к нему от доброго нрава, но не знает, как обойти, миновать, отречься от собственных мучительных подозрений и обрести этот самый добрый нрав. Еще эти скучные, нудные монологи, словно затянувшееся испытание или их общий недуг, в некотором роде опасная, скрытая от посторонних глаз болезнь. В чем дело?

Поэт недоволен. Жара мешает сосредоточиться...

...ищем признаки заразной болезни?.. иная форма?.. наверняка не помещал бы бокал холодного пива, а?..

«Барласец» только морщится в ответ. Увильнул от ответа. Взял и увильнул, юркнул... Хотя... Да, на самом деле был бы кстати в меру охлажденный бокал Guinness. Залпом, единым глотком заглотнули бы эту ирландскую вязкость, смывая мерзкий привкус во рту. «Барласец» размышляет про себя, думает о том, что в отличие от этого не в меру начитанного интеллигента-поэта, в своих поэтических претензиях следовавшего заветам так обожаемых им «поэтов-минималистов», ему лучше вообще ничего не слышать, или слышать, но не слышать, представив себя находящимся на старом кладбище, где не намерена с тобой заговорить даже безобидная случайность, что этот ещё не совсем заостривший на чужбине человек, стоит ему оказаться рядом с ним, умеет не только ловко увильнуть от ответа, но и прилежно подмечать мельчайшие детали, с удовольствием соединяя их в единое целое, почти равнодушно создавая подобие обреченной абстракции из укоренившегося нароста прошлого, настоящего и сомнительного будущего, попутно рассуждая о фонтане Дюшана, пробоях и прорезях Лучо Фонтана, расширяя срез разговора до Кандинского, Малевича, Мондриана, от Гропиуса до Ле Корбюзье, включая в сферу разговора поэзию полузабытых новочентистов, герметиков, происки русских оберинутов, дерзкие проделки Дали и Магритта, акционистов Кейджа и Бойса, пылко обсуждая поиски и внезапное равновесие между замыслом, изобретением и проектом, риск неудачи, особенности искусного приготовления китайской пищи, и почему семейство саранчовых относится к подотряду короткоусых, чем и отличается от представителей наиболее близкого семейства акрид...

...именно строением поверхности задних бедер... у памфагид поверхность с беспорядочно расположенными ребрышками и площадками, а у акрид они расположены симметрично...

Потом с вящим удовольствием принимается разяснять исторические и политические причины провала утопий между двумя войнами, чинимыми людьми, утверждая, что все эти его беспокоящие, но никому не нужные размышления определяют основу современных творческих поисков, в том числе и его поисков, открывая огромные перспективы для тщательного исследования, а то вымышленное, зыбучее и преследующее сознание в данном случае является лишь некой угрожающей жизни декорацией, выстроенной в болезненном сознании, якобы для осмысления смерти, якобы для поддержки экзистенциалистского страха, который для себя он считал оскорбительным, имея право надеяться на случай, как бредущий по безжизненной пустыне путник имеет право на случайную встречу с таким же несчастным и обездоленным бедолагой в секунду, которая считалась последней, но которая может стать дверью в другое, более сильное безграничное пространство, где словам нечем достигать цели, где не существует светлого и темного, где тебе не угрожает исчезновение.

...кстати... никому не под силу исправить сущность другого, его привычки, внутренний мир и, безусловно, нравственность...

Стихи приносит мне туман...

Наталья ЕРЁМЕНКО

Окутался туманом зимний сад,
скамья-горбунья съежилась уныло.
Любовь кривую вычертит на спад –
и в старом доме станет всё немилым.

Диван потертый, выпятив бока,
пружиной заскрипит, ударит больно,
подвески люстры смотрят свысока,
и меркнет бархат скатерти невольно...

Гардин тяжелых фалды скроют сад,
гудит камин шмелем, напомнив лето...
Любовь, кривую вычертив на спад,
ушла бесследно, затерялась где-то

меж улиц, переулков... Пусть себе!
Винить ли, плакать? Нет, мне не пристало!
Назло, назло опричнице-судьбе
страхну, как пыль, обиды и усталость.

Поэзия – спасительный предлог –
расставит восклицательные знаки...
Когда разлюбят, да поможет Бог
мне не сдержаться, вовремя б заплакать!

Наталья ЕРЁМЕНКО (1954–2013). Родилась в Ташкенте. Художник-прикладник. Публиковалась в узбекистанских периодических изданиях и альманахах, в журнале «Звезда Востока». Активно участвовала в бардовском движении Узбекистана, входила в состав жюри и оргкомитетов республиканских и международных бардовских фестивалей, автор ряда известных песен.

Весенний день теплом обманет,
нагонит тучи в краткий миг.
Бездельничаю. На диване
листаю пару новых книг.
Название первой обнадежит,
другая – вовсе ерунда,
лишь переплет – тисненой кожи.
Лишь видимость. А мне – беда...
Темнеет резко: вдруг – и тут же
на крыше дико пляшет дождь.
Вода из желоба бьет в лужу
во всю стремительную мощь!
Но скучно мне одной в квартире.
Беру рабочую тетрадь –
и вот живу в нездешнем мире,
где так нестрашно умирать
и воскресать в ином обличье...
Дуреет ветер. Гаснет свет.
Раскаты грома – истеричней,
зигзаги молний – хаотичней...
Мне до стихии дела нет.
Свеча не хочет загораться,
лишь слабо тлеет фитилек.
Считаю бой часов: двенадцать...
Прекрасный выдался денек!
Я не заметила: гроза
утихла, небо в ярких звездах.
Весь этот мир был кем-то создан!
...А я себе другой создам...

По имени и фамилии
зовут, опуская отчество...
Кулис чернота чернильная,
свет лампы и... одиночество...
Нахлынувшее волнение,
аплодисментов идиллия,
мучительные сомнения
о творчестве... А фамилия
уже на слуху, узнаваема.
Завистники? Как же без них!
А я по ночам неприкаянно
брожу в переулках окраинных,
предчувствуя будущий стих.

Ты любишь меня до сих пор? –
И счастье, и наказание!..
Цвело всё вокруг. Цвел забор
сиреновой россыпью ранней.

Трава-лебеда у крыльца
росла – где сумела пробиться.
И падала нежно пыльца
на наши счастливые лица.

Не верю словам, лишь глазам –
я в них утонула отважно.
Шли годы. Ты много познал
не лучшего, старый мой бражник.

И я не могу до сих пор
тебя разлюбить – наказание!
Вновь полон мой маленький двор
сиреновой россыпью ранней.

В старом дворике скамейка
опрокинута в арык –
та еще жила семейка!
А теперь – чудной старик.
Полосатая пижама,
трубка, фетровый берет,
на носу очки – пожалуй,
замечательный портрет.
И смешная собачонка –
от горшка на три вершка,
как вертлявая девчонка,
донимает старика.
Треплет свежую газету
да грызет тайком каблук,
а порой крадет котлеты,
что приносит деду внук.
Дед ворчит незлобно: «Муха,
как не стыдно воровать!»
Эх, была б жива старуха, –
отучила б тебя, знать!»
Собачонка виновато,
пряча хвостик, в будку – шмыг...
Здесь семья жила когда-то,
а теперь – один старик.

Чужая жизнь

* * *

Николаю Крячко

Времянки низкий потолок,
старинный шифоньер –
что я нашла здесь и кого –
талант ли, интерьер?..

Всё в этой комнате вверх дном...
Пыль всюду, мел в ведре...
Холста простое полотно
с набросками «модерн».

Гитара, скромно прислонясь
к трельяжу, тихо спит.
Косит с офорта львиный глаз,
часы спешат (в кредит?).

В углу, под самым потолком,
паук – не черту ль брат? –
то свесится, а то бегом
торопится назад.

А иногда застынет вдруг
и смотрит из угла,
и только паутины пух
колышется да мгла...

Кто я? И почему я здесь –
под низким потолком,
где хлама всякого – не счесть,
но дышится легко?

Судьбы крутые виражи
несут порой в кювет.
Не интерьер – чужая жизнь.
В ней мест свободных нет.

* * *

У нас сентябрят в ноябре.
И розы ташкентские чайные
цветут, забывая нечаянно,
что скоро зима на дворе!

В жизни много случайностей...
От обычных встреч,
от рутины и крайностей
как себя уберечь?
Память – старое зеркало,
копит пыль в темноте.
Так порой исковеркает,
говоря тет-а-тет.
Но из прошлой идиллии
промелькнет эпизод:
и наивными были мы,
нерасчетливы были мы,
и счастливыми были мы –
аж досада берет!

* * *

Дочери, Чертенковой Жанне

Не выходишь замуж,
мне не даришь внуков.
Мне давно пора уж
нянчить их, баюкать.

Ускакали принцы
(розовы их кони) –
вслед за синей птицей
понеслись в погоню...

Веришь ли, не веришь –
переспела вишня...
Год ушел как дервиш –
странствующий нищий.

Новый год – с подарком
или безнадеей?
За тебя, подранка,
помолюсь я Богу.

Помолюсь, как знаю,
словом неумелым,
что б к тебе, родная,
счастье подоспело!

* * *

Жизнь – как парное молоко.
Не замечали?
Растешь – за дальним далеко
живут печали.
Взрослеешь – сливок тонкий слой
кислит сметаной.
Ты познаешь добро и зло,
и ложь в сутане...
Проходит время. Молоко,
глядишь, и скисло.
Не жди от слова моего
иного смысла.
Стакан айрана в жаркий день –
бальзам от жажды.
Ты не один среди людей –
поймешь однажды.
По жизни не пройти легко
тропой прямою.
Так пей скорее молоко,
пока парное!

* * *

Февральские сумерки. Стужа,
столь редкая в этих краях,
сковала февральские лужи
и мается, как на сносях.
И ветер запутался в дыме
из ржавой дырявой трубы.
И прошлые мягкие зимы
теперь – прошлогодняя быль.
Попросятся мысли наружу,
как дым, устремившийся вверх...
Сгребает февральская стужа
мгновенно чернеющий снег...

Дождь в январе

Дождь в январе! Снега за ночь осели
и таяли: бежала с крыш вода.
А утром майны в жуткой канители
картавили: «Кар-кар, где холода?»
Раскисший снег зачавкал под ногами,
зима шутила вслед: «Прости-прошай...»
Округа так уныла в серой гамме,
как женщина в поношенных вещах.
Недолга оттепель зимы, непостоянна –
еще одумается, белая. Мороз
вовсю ударит в бубен серебряный,
пребольно ушипнет тебя за нос –
вернется скоро, прилетит подлизой
на крыльях белоснежной мишуры...
Ведь своенравной Азии капризы
сродни проделкам хитрой Майсары.

* * *

А. Ф.

Такими, как ты, рождаются.
Такими, как я, становятся.
Тебе по заслугам заздравицы,
а мне, как всегда, быть затворницей.

Ведь ты надо мной не сжалишься,
а я... не подам и виду я...
Пустое – о славе печалиться,
коль красному слову завидую.

А Муза моя – бесприданница,
твоя же река – полноводница.
Такими, как ты, рождаются,
Такими, как я, становятся.

К. Н. М.

Ты уходил к другой, такой счастливый,
легко винулся, враль и баламут...
Мне было омерзительно тоскливо
в те несколько мучительных минут.

Не разорвалось сердце! Лишь усталость.
Забытый второпях, висел пиджак.
И долго, очень долго мне казалось,
что в нашей жизни было всё не так.

Не так, как у других... Как на вулкане!
Сжигала раскаленной лавой страсть.
Ты, расставляя для меня капканы,
сам норовил попасть в них и пропасть.

И ты пропал... с другой, такой красивой...
Сюжет всё тот же: враль и баламут.
Могла простить, но так и не простила...
за несколько мучительных минут.

Кукла

В стране креп-сатина, в стране креп-жоржета
с подружкой Фатимой для куклы Козетты
скроили и сшили тайком на машинке
из бабкиной шубы одну пелеринку...

В мехах шеголяла Козетта-царица!
А нас одевали в дешевенький ситец.
Давно отмечтала страна креп-сатина,
в Баку проживает подружка Фатима.

В стране креп-жоржета состарились ткани,
а кукла Козетта нашлась... в чемодане.
И дочь моя Жанна, играя с подружкой,
смеялась: «Ой, мама! Ведь кукла – старушка...»

Фарфоровой кукле уж более века:
под шляпкою букли, реснички на веках
из черного цвета слиняли на синий...
А дочь родила (к общей радости) сына!

У внука полно современных игрушек
и нет ему дела до кукол-старушек.
Оставляю на память старинную куклу:
реснички слиняли, подстрижены букли.

МАГИЯ ЧУВСТВ...

В этом году исполняется шесть лет с того рокового дня, когда не стало очень само-бытной, яркой, очень ташкентской по языку и мироощущению поэтессы Наталья Николаевна Еременко. Будучи хорошо известной в литературных и музыкальных кругах Ташкента, она в своем творчестве сумела отразить непростое время Миллениума, то есть стыка двух веков – XX и XXI. Наталья Еременко не считала себя маститым поэтом и всю жизнь училась у тех наших мастеров слова, которых уважала: Николая Красильникова, Станислава Кулиша, Александра Феськова, Рудольфа Баренского, Эрнста Усманова и, конечно, Александра Файнберга, с которым ее связывала многолетняя дружба. Известно, что Александр Аркадьевич тепло называл ее Еремой и всегда готов был выслушать, дать совет. Глубокая, обладающая сильным авторским почерком лирико-философская поэзия Н. Еременко тяжело пробивалась к читателю. До обретения нашей страной государственной независимости она натывалась на идеологические препоны, а позже, как известно, в литературу пришли «рыночные механизмы», а значит, надо было обладать не только талантом, но и определенными пробивными способностями, деловитостью, чем не отличалась Н. Еременко, ценившая мастерство и творческую независимость. В итоге всю жизнь она «пестовала», постоянно дорабатывала одну-единственную книжку своих стихов. В середине 1990-х годов было опубликовано несколько ее стихотворений в журнале «Звезда Востока». Многие тогда убедились: в Ташкенте есть замечательная женщина-поэт. Наталья Николаевна Еременко была рекомендована в Союз писателей Узбекистана, правда, вступить не успела, так как прием был резко сокращен.

На Наталью сыпались удары судьбы, но она не сломалась. Трудности помогали ей переносить трудолюбие, честность, верность раз и навсегда выбранным идеалам, неиссякаемый оптимизм, хорошее чувство юмора. Подспорьем для этой удивительной, доброй женщины были и многочисленные друзья – не только поэты, барды, но и просто читатели, соседи, люди, представлявшие разные срезы общества. А как ее слушали, когда она читала свои стихи публике! «...У Натальи были и свои "звездные часы", вернее, не часы, а минуты. Они случались, когда она выступала как поэт. Это происходило в какой-либо комнате, где собирались поклонники ее стихотворного дара – человек шесть-восемь, иногда десять-двенадцать. Наталья садилась за стол и очень скромно, будничным тоном, но в то же время волшебным образом выразительно наизусть читала свои стихи. Знаете, это было какое-то откровение, природа которого для меня осталась непонятной. И как же ей это удавалось?! Все слушатели подпадали под действие ее магии, – так она интересно читала. Пропадало чувство времени, перед глазами стояли навеянные ее стихами образы, сердце учащенно билось от переживаемых эмоций – радости, грусти, тревоги, сомнения и т. д. Она читала не по-актерски, а по-простецки, но казалось, что ты только что присутствовал на удивительном спектакле, где главными составляющими были личность поэта, его живые чувства, созданные его фантазией образы, прекрасная звукопись... Я бы сказал, что присутствовала в Наташином поэтическом выступлении Доверительность, она-то в первую очередь и подкупала слушателей».¹ Думаю, что Н. Еременко с полным основанием можно назвать подлинно любимым народом поэтом, выразившим в своих произведениях мысли и чаяния миллионов простых граждан, разделявшим общую с ними судьбу.

И все же настоящее открытие творчества этого самобытного автора еще впереди. Усилиями ее родных и друзей издано первое, по сути, собрание ее произведений «Между нами, женщинами...»

Алексей КИРДЯНОВ, член Союза российских писателей, обладатель приза зрительских симпатий за песенное творчество, лауреат международного фестиваля бардовской песни и поэзии «Осенний аккорд» в номинации «Поэзия».

¹ Отмечено в воспоминаниях А. Кирдянова о Н. Еременко.

И НА МАШКУ БЫВАЕТ ПРОМАШКА

Рассказы

Константин ПЕРЕВЕРЗЕВ

ГОЛОДНОСТЕПСКИЕ ДОРОГИ

*Ветра срывали крыши с
домов, шапки и шляпы с прохожих
и даже ломали деревья
на перегоне Бекабад – Хаваст...*

Довольный жизнью, удовлетворенный сегодняшней поездкой в один из отдаленных голодностепских совхозов, а также обедом, незаметно перешедшим в ужин с традиционными шурпой и пловом, выпивкой и многим другим, чем сопровождаются застолья у нас в голодностепской Сырдарьинской области, Джура Юсупов возвращался домой в Гулистан.

Кратко характеризуя личность Джуры, нужно особо отметить его выдающуюся руководящую роль в одном из хозяйств района, в результате которой руководимый им объект на долгие годы был вычеркнут из списка хозяйств, где выполнялись планы по хлопку, мясу, зерну и другим сельскохозяйственным продуктам. За особо «выдающиеся заслуги» перед отечеством и жителями совхоза он был направлен на ответственную и уважаемую профсоюзную работу. О профсоюзах Джура знал понаслышке и то лишь о том, что там иногда выдают путевки на курорты почти бесплатно и от случая к случаю оказывают некоторую материальную помощь трудящимся. Поэтому Джура с радостью и глубоким самоудовлетворением согласился руководить профсоюзом работников сельского хозяйства области.

«Волга» плавно катила по дороге сквозь тьму позднего вечера, подгоняемая попутным ветром. На небе висели огромные звезды. Ветер крепчал, набирал силу и скорость. Ветер в Голодной степи не редкость, но на этот раз было что-то особое, его завывания и порывы мешали Джуре

Константин ПЕРЕВЕРЗЕВ. Родился в 1944 г. в Янгиере. Окончил ТашМИ (ныне ТМА). Работает в Учебном центре Федерации профсоюзов Узбекистана. Публиковался в СМИ Узбекистана, в журнале «Звезде Востока».

сконцентрироваться и еще раз вспомнить, почему профком, где он был с визитом, не выполняет план по профсоюзным взносам и куда они дели почти новую спортивную форму совхозной футбольной команды.

От съеденного и выпитого Джура расслабился. Одна лишь мысль, появившись сначала робко, намеком, потом все назойливее, одолевала его. Надо бы остановиться на минуту и спуститься по обрывистому берегу сброса... а затем уже подремать до Гулистана.

– Останови на минутку, – сказал он шоферу.

Водитель, напряженно всматриваясь в темноту, искал подходящее место. Машина остановилась. Профсоюзный лидер, едва владея тяжестью своего тела, неуклюже выворачиваясь на заднем сиденье персональной «Волги», наконец ступил на землю. «Какое звездное небо, завтра будет хорошая погода», – подумал Джура.

А ветер, набрав уже полную мощь, сбивал с ног, мешая человеку добраться до края сброса.

Наконец, справившись и с ветром, и со своими планами и возвратившись к тому месту, где была машина, Джура ее не увидел... Не поверив своим глазам, он, как замороженный, остолбенел, одной рукой придерживая шляпу, чтобы не улетела от сильных порывов ветра. Что произошло, где машина? Он походил взад-вперед, для пушей уверенности заглянул вниз, в сброс.

Машины и след простыл. Что же делать?.. Сотовых телефонов тогда не было. До ближайшего поселка 10–15 километров. Да и есть ли там телефон?.. Как назло, движение на дороге замерло: ни встречных, ни «поперечных» машин, только ветер, звезды и темнота. Времени прошло, может, минут пятнадцать, может, двадцать (Джура не помнит), но со стороны Гулистана засиял спасительный свет фар: приближалась какая-то машина. Однако не давала покоя мысль о «Волге», не инопланетяне же забрали ее...

Приближающаяся машина ехала медленно, как бы осторожно ошупывая темноту. «Что с ним? Что он так едет?» – подумал Джура. Всматриваясь в ночь, человек на обочине стал кричать, махать руками, силясь перекричать вой ветра. Машина поравнялась с ним и остановилась. Каково же было изумление профсоюзного лидера, когда в водителе машины он узнал своего шофера. Да и машина оказалась его «Волгой». Трудно поддающийся переводу диалог на узбекском языке лишь позволял догадываться об обмене особыми любезностями между испуганным шофером и возмущенным хозяином машины.

Так что же произошло прохладным, ветреным, темным, поздним осенним вечером на дороге?.. Куда исчезла машина?.. Что случилось с водителем?.. А случилось вот что!

Когда Джура вышел из машины, он оставил открытой дверцу, сам же удалился на какое-то время на определенное расстояние по известным причинам. Водитель ждал, напряженно всматриваясь в темноту дороги и вслушиваясь в вой ветра. Вдруг дверка от очередного порыва ветра хлопнула, закрылась, машина покачнулась, значит, хозяин вернулся... Шофер облегченно вздохнул и тронул машину, быстро набирая скорость. Едет.

В салоне тишина. Обычно между водителем и хозяином вяло вяжется хоть ничемный, но разговор: он что-то спросит, Джура нехотя ответит. А тут полная тишина. Взгляд водителя упал на зеркало заднего вида. Вроде на заднем сиденье пусто, хотя в машине темно... Включил свет в салоне – и не поверил своим глазам. Нет хозяина!.. Куда делся?! Ужас! Остановился. Развернулся и поехал искать Джуру.

Вот что случается на дорогах голодностепья, если за рулем невнимательный водитель.

СОСЕД

Дело было в зажиточной культурной семье: большая домашняя библиотека, набор бытовой техники, аудио-видео, телефоны, игровые приставки, помощники по дому и саду, семейный отдых на лучших курортах... Сам Станислав Гуршин работал ведущим специалистом в каком-то проектном институте города Чимкента. Имел дела с банками, стройками, был уважаемым, авторитетным человеком в городе. Их сын Александр учился не то в 7-м, не то в 8-м классе. Читатель поправит меня, если вспомнит в каком классе изучают творчество Гоголя. Саша не отличался большим рвением в учебе, да и давалась она ему, откровенно говоря, трудновато. Так что родителям часто за него учиться приходилось.

Как-то раз отец решил проверить степень готовности своего чадушки. Между отцом и сыном произошел следующий разговор.

– Так как звали Гоголя? – спросил отец.

Сын молчит.

– Гоголя неужели не знаешь? Вспомни, Саша!

Сын молчит. Тербит угол скатерти.

– Ну вспомни же Гоголя, как его имя?

Никакой реакции на вопрос.

– Хорошо... соседа нашего как зовут? Соседа, ну?– Дядя Хабиб, что ли? – после некоторой паузы неуверенно произносит сын.

Отец не выдержал, расхохотался.

– Какой Хабиб? Да не этот, что в подъезде слева, а тот, что в подъезде справа. Вспомнил? Нет?.. Николай Васильевич Владыкин!

– А-а-а... только и смог произнести сын.

МОЛОДЕЦ

В этот день Яков Моисеевич пришел домой рано. Профессор медицины закончил прием посетителей раньше обычного и с чувством выполненного долга покинул свою клинику. До дома было рукой подать, и, выпив чашку чая, в четыре часа он собирался с удовольствием подремать с газетой на диване.

Эмма Иосифовна, его жена, в это время возилась на кухне, откуда слышалось ее недовольное ворчание:

– Все время я хожу на родительские собрания, а сын ведь и твой тоже. Давай собираться, иди сегодня ты!

«Действительно, – подумал Яков Моисеевич, – что-то я давно не был у сына в школе, наверное, лет пять последних...»

Пробурчав в ответ жене что-то недовольное, стал собираться в школу. Родительское собрание началось на удивление родителей и классного руководителя вовремя. Сценарий его годами устоявшийся, обычный. Классный руководитель называет фамилию ученика и рассказывает отцу или матери, а следовательно, и всему собранию все об их чаде. Ваш сын не ходит на физкультуру... ваша дочь на уроках возится с косметикой... дети вообще не хотят учиться... учителя жалуются на всех... особенно большое недовольство выражают учителя химии и биологии... и т. д. Примерно в таком же ключе прошли уже полтора-два часа собрания. Названы были все фамилии учеников, обрисованы их образы, поведение и успеваемость в присутствии родителей. Собрание шло к своему завершению, когда Яков Моисеевич, несмело приподнявшись из-за парты, сказал классному руководителю:

– Что-то всех вы назвали, обо всех рассказали, а про моего Борю забыли.

– Как ваша фамилия? – спросила учительница.

– Давыдов, – ответил Яков Моисеевич.

– Так ваш сын в другом классе, вы в седьмом «А». У них собрание идет в классной комнате рядом.

Яков Моисеевич стушевался, но, не подав виду, направился в класс рядом, где тоже подходило к концу собрание. Родители покидали классную комнату. Не решившись зайти и поговорить с учительницей, Яков Моисеевич направился домой.

Боря, его сын, был уже дома и в ожидании нелицеприятного разговора с отцом по результатам встречи с классным руководителем делал вид, что добросовестно занимается.

– Ты в каком классе учишься? – спросил Борю Яков Моисеевич.

– В восьмом «А», – ответил сын.

– Молодец! – похвалил сына профессор.

МУХАММАД АЛИ

**АМИР ТЕМУР
ВЕЛИКИЙ***Роман-эпопея
Книга четвертая***ШАХРУХ МИРЗА¹****Глава двадцать первая****I**

Слава султана Турана Амира Темура, победившего румского султана Йылдырыма Баязида, наводившего ужас на весь западный мир, в битве под Анкурией, разнеслась по всей Европе. После того сражения имя Сахибкирана было у всех на слуху. Мир не видел доселе такой великой победы.

В свое время у Тохтамыша – хана Золотой Орды – было намерение захватить Русь и пойти с походом в Европу по следам Атиллы. Однако, когда тот был разгромлен армией Амира Темура в 1395 году на берегу реки Терек, Русь и Европа перевели дух и задышали спокойно. Его последняя победа над румским султаном показала со всей очевидностью, каким великим полководцем является Амир Темура. Ведь если бы Йылдырым Баязид, угрожая Европе, действительно пошел бы на нее войной, то ни один король, даже если бы они объединились, не смог бы ему противостоять. На западе это очень хорошо понимали.

Во дворцах европейских королей, в высших кругах, в салонах родовитых отпрысков, между рыцарями только и говорили, что о битве под Анкурией и о триумфальной победе Сахибкирана, взбудоражившей все страны Запада и Востока. Событие это всех изумило. Все поздравляли друг друга с тем, что избавились от страшной беды, стоявшей у них на пороге, но в глубине души всех терзало скрытое опасение: могучий правитель, одолевший досель непобедимого Йылдырыма Баязида, не вздумает ли продолжить свое победное шествие по Европе? Не будет ли он представлять угрозу для их государств?

Правители понимали острую необходимость предотвратить такую опасность, предпринимая кое-какие шаги наперед. Участились обмены посланниками.

Хотя и до битвы под Анкурией были среди европейских правителей желающие завязать прочные отношения с туранским султаном, но после победы число их значительно возросло. Некоторые, даже не будучи знакомы с человеком, добившимся высоких побед, из опасения, чтобы не было разговоров – а почему, когда все пришли выразить нам свое почтение, вы даже близко не показались – торопились его поздравить, как тут знать, может, будет какая-то польза?.. Каждый правитель старался теперь сблизиться с Амиром Темуром, завоевать его высокое внимание, согласовать с ним свои действия, направляли послов с подарками и хвалебными письмами, стараясь не отставать друг от друга.

¹ Журнальный вариант. Окончание. Начало в № 5, № 6, 2018, № 1, № 2, № 3, 2019.

На горизонте мира появился чрезвычайно обаятельный образ сказочно-го бесстрашного героя, выходца с Востока, могущественного, непобедимого пахлавана необычайной силы и несгибаемой воли, имеющего притягательную силу, сумевшего показать, как нужно мстить жестоким злодеям.

В поисках контактов с Сахибкираном правители Европы, собравшись в Лувре, приняли решение: Иоанн III – весьма достойная фигура, чтобы быть посланником в переговорах с Амиром Темуром. Он проживал в Султании и являлся архиепископом всего Востока. Конечно, было принято во внимание, что он в хороших отношениях с Мираншахом Мирзой – старшим сыном Сахибкирана. Это было задолго до Анкурийской битвы.

Занятый государственными делами Сахибкиран по-прежнему был озабочен и делами семейными. Накануне дозорные принесли, что караван Ханзады-ханум и Сараймулькханум, отправившихся в дорогу из Тебриза, вчера уже миновал озеро Ван. Он все думал, как же утешить этих двух дорогих ему женщин... сердце сжималось от беспокойства. Ведь одна из них девять месяцев, девять дней и девять часов носила Мухаммада Султана под сердцем. Вторая, соединив нитью терпения бесконечно длинные ночи, не зная отдыха, растила его, воспитывала... Как ему быть? Что ответить, когда они спросят, где же наш шахзаде?!

Сараймулькханум сильно скучала по Сахибкирану... Всю душу ее заполонила эта тоска. С тех пор как они отдыхали в Карабахе – а было это задолго до битвы при Анкурии – они не виделись. Тогда, провозжая из Карабаха старшую супругу и других женщин, а с ними невесток и многочисленных своих внуков: Улугбека Мирзу, Ибрахима Султана, Мухаммада Джахангира, Ийджала, Бойсунгура, Суюргартмиша, он наказал:

– Лето поживите в Тебризе, а осенью перебирайтесь в Султанию.

Сараймулькханум была очень довольна переездом, ее радость передалась и всем остальным.

Ханзада-ханум тоже была довольной и счастливой. Все-таки там, в крепости Ховник, она увидит своего свекра – достопочтенного Сахибкирана и, самое главное, своего старшего сына Мухаммада Султана, да еще и Халила Султана. Ах, нет-нет, Халил Султан-то ведь уже в Самарканде... Но с Мухаммадом Султаном повидается, наговорится, невестку свою Согинч-ханум обнимет, прижмет к сердцу. К ней любовь у нее особенная. Ох, до чего же соскучилась она по своим кровинушкам!

Два дня тому назад явился гонец из Хумаюн Урду. Махди улё, наблюдавшая за ним не отрывая глаз, подивилась... Согласно правилам, гонцы должны были в первую очередь встретиться с нею – старшей госпожой, чтобы именно ей доставить известия из Урду. А тут гонец подъехал к Сафарбергану, быстро с ним переговорил о чем-то, потом оба поскакали обратно. Причину таких странностей Сараймулькханум узнала чуть позже...

Сафарберган, вернувшись, подбежал к ней, встал на колени. В его побледневшем лице не было ни кровинки.

– Что случилось? – встрепелась она, испугавшись одного только его вида, боясь дальше задавать какие-то вопросы.

– Не велите казнить... Простите меня... – сказал Сафарберган и замолк, не решаясь говорить.

Сараймулькханум разволновалась не на шутку.

– Пошадите! Наш шахзаде...

– Шахзаде?! Ты говоришь... шахзаде? Я не понимаю... А ну-ка говори толком!

– Наш шахзаде... – повторил Сафарберган, всхлипывая... и, не выдержав, разрыдался. Вот только тогда и смог выдавить из себя: – Потеряли мы нашего шахзаде, госпожа! Потеряли мы его... Потер-я-ли...

– Вай! Что?! Эй, тихо! Что ты такое говоришь! Другие могут услышать! – понимая, что эту черную весть никак нельзя скрыть от людей, она бессознательно старалась хотя бы отодвинуть горестную минуту. – Постой... Ты что, с ума сошел, а? Ты что говоришь такое?! Ты сам понимаешь, что говоришь? Да ты просто потерял рассудок!..

Все услышали рыдания Сафарбергана. Голубой паланкин, следующий за паланкином Сараймулькханум, покачнулся... Оттуда поспешно вышла Ханзада-ханум.

– Что?.. Что с шахзаде?.. А?!

Сараймулькханум пошла ей навстречу. Ни слова не говоря, она крепко-крепко обняла ее, прижав к себе:

– Принцесса моя! Душа моя! – повторяла она.

– Что... с шахзаде?!

– Мой шахзаде... Наш шахзаде... Наш шахзаде покинули нас...

– А?!

Услышав страшную весть, Ханзада-ханум потеряла сознание, повиснув на руках у Сараймулькханум. Ее быстро уложили...

Через некоторое время Ханзада-ханум, наконец, пришла в себя. Осмотрелась остекленевшими глазами, потом уставилась неподвижным взглядом на Сараймулькханум и... разрыдалась:

– О Боже! Вновь и вновь наказываешь меня!.. Ты забрал у меня любимого супруга! Жизнь мою наполнил горем и бедами!.. А теперь добрался до моего сына, на опору мою глаз положил, да? Где теперь мне взять своего сыночка, а? Где его найти-и-и?!

– Не говорите так! Благодарствуйте, благодарите Небеса! – старалась как-то успокоить ее Сараймулькханум.

Растерявшись от столь неожиданной и страшной вести, в заботах о Ханзаде-ханум, она забыла о слезах. И только в эту минуту до нее вдруг дошел смысл и необратимость постигшего их несчастья. Не стеснясь, она разрыдалась во весь голос.

Остальные женщины, спешившись, окружили Биби и Ханзаду-ханум.

– Что случилось? Что тут случилось? – спрашивали они друг друга. А когда все узнали, их рыдания буквально заполонили небеса.

Когда женщины прибыли в Ховник, казалось, весь мир погрузился в их вопли и крики. Ханзада-ханум с горя бросилась в объятия Амира Темура и так завопила, что безучастными не могли остаться и ангелы на небесах. Шахрух Мирза сидел в сторонке, отвернувшись от всех, и тихо стонал. Мир Сайиинд Барака сидел неподвижно, съевшись, а Мухаммад Чурага-дадхах все бегал по двору и безуспешно пытался успокоить женщин. Амир Темура гладил голову своей невестки Ханзады-ханум, из глаз которой безудержно лились горькие слезы, и думал: «Все беды, все несчастья, какие только возможны... все достались ей. О Аллах мой! Отчего же обделил мою доченьку своей милостью, своим милосердием?..»

Наконец, чтоб прервать печальные крики и слезы, Амир Темура громко и жестко сказал:

– Все! Раб Божий не может идти против воли Создателя! – он понимал, что иначе невозможно остановить их горестные стоны. – Не к лицу нам забывать о благодарении! Мудрый человек не станет сожалеть о былом. Прекратите рыдать! Какая в этом польза? Наоборот, чтобы успокоить душу нашего шахзаде, надо

смириться, сделать благодеяния и подаяния бедным. Расстелите дастарханы, приготовьте поминальный плов, накормите людей! И пусть молитвы читают нараспев. За благодеяния ваши воздастся нашему шахзаде на том свете.

После совершения всего необходимого по знаку Сахибкирана было приказано снять траурную одежду.

– Покровитель наш Сахибкиран! Если будет угодно вашему высочайшему волеизъявлению, разрешили бы вы нам, – еще раз попросила Ханзада-ханум, с трудом сдерживая рыдания, – в Султании... вместе с махди улё с кладбища пророка Кийдара, да хранит его Аллах и приветствует, где погребен наш шахзаде, забрать тело и сопроводить его в Самарканд...

– Согласен, доченька, – выдал из себя Сахибкиран. – Биби, вы уж сами следите за всем. Сопровождать караван будут двести воинов, их возглавит Ахий Джаббар-бахадур. Сейчас он как раз находится в Султании.

II

В канун празднования Навруза 1404 года возвратившийся из Ашпары в город Туркестан амирзаде Халил Султан разместился в прелестном поместье хакима города, зеленом и прохладном, где не так давно останавливался шахзаде Мухаммад Султан. Тут же он посетил усыпальницу Шейха Ахмада Яссави, сидя у изголовья, прочитал молитвы, посвятив их духу знаменитого шейха. Задумал сразу же после праздника устроить большую охоту в поле, потом уже отправиться в Самарканд.

После машварата в Анкурии, где был получен фирман об отправке в Самарканд, Халил Султан прибыл в столицу. Но, не задерживаясь долго в Самарканде, начал готовиться в поход на восток. Он знал, что, воротившись из Рума, Сахибкиран никому и дух не даст перевести. Собираясь в поход на Чин-Мачин, будет интересоваться обстановкой на юго-востоке. Он задумал еще осенью пуститься в путь, да выпал снег. Холодная и затяжная зима рано наступила в тот год. Вот и пришлось отложить намеченные дела на весну.

В самом начале апреля амирзаде уехал и уже год находится вдали от Самарканда. В Моголистане сражался с племенами, нарушавшими порядок и угрожавшими спокойствию страны: если они укрывались в горах – настигал в горах, если в степи – так в степи. Старался изничтожить их, поскольку помнил, как Сахибкиран говорил: нет у нас такого обычая, чтобы оставлять позади себя гнезда бунтовщиков, мятежников или их сломанные мосты. Только завершив все дела, можно спокойно продолжать свой путь. Халил Султан уяснил его урок: каждое дело нужно доводить до конца.

Амирзаде тайно лелеял надежду, не отдаст ли Сахибкиран в его руки страну Рум? Поскольку край тот ему издавна приглянулся. Даже в одной из бесед с Мухаммадом Чурагой-дадхахом он признался в этом. Если сказать начистоту, так, по его мнению, кроме него, и нет другого, более достойного, амирзаде. Все-таки у него славное происхождение, он потомок двух самых знатных династий. Но об этом он помалкивал, поскольку у справедливости и без того глаза широко открыты. Она и сама его обязательно увидит! Никаких сомнений не было в том, что Хазрат непременно придет к такому решению. Вот поэтому он верил, что получит сегодня из рук Айбаджа-оглана долгожданный фирман.

– Давайте-ка, садитесь за дастархан, – пригласил гостя Халил Султан.

Он уже сообразил, почему в качестве гонца из Хумаюн Урду к нему прибыл именно Айбадж-оглан. Во-первых, он уважаемый в салтанате амир, во-вторых, родом из даштикипчакских степей и прекрасно знал этот край.

Не скрывая гордости, свойственной юношам, только-только обретшим свое счастье, Халил Султан представил гостю свою супругу:

– Вот... супруга Шадимульк-ока, – сказал он, указывая на юную супругу, сидевшую рядом и внимательно следившую за всем происходящим.

После обряда никаха в Яссе та на редкость быстро освоилась со своим новым статусом и не давала покоя Халилу Султану, заявляя: раз уж теперь она – принцесса, ханум, так и звать ее следует не Шадимульк, но со всем уважением – Шадимульк-ока, если к ней будут обращаться уважительно, то его авторитет от этого только возрастет...

«Еще вчера – невольница, а сегодня уже принцесса, ханум, ока!..» – с досадой шептались женщины ей вслед.

Судя по тому, как Шадимульк-ока свободно вела себя в его присутствии, гонец Сахибкирана понял, что она крепко держит в руках узды своего скакуна! До чего же она избалована заботами амирзаде... Пусть сохранит Бог от коварства женщин! Эх, пусть Тенгри хранит джигитов от женского коварства!

– Дед наш Амир Сахибкиран как? Жив-здоров? – спросил Халил Султан,

– Да-да, все в порядке, хвала Аллаху...

– Вы знаете, в Кайсарии создали большой машварат, мой амирзаде, в жизни еще я не видел, чтобы столько знати собралось... беки, амиры, полководцы... Шестьдесят два правителя вилаетов, тридцать два сановника, которым доверены государственные печати! Да и, кроме них, было столько людей, что не счесть, – высокопарно начал свой рассказ о важнейших событиях Айбадж-оглан. – Именно там Амир Сахибкиран объявил, что завоевание Рума состоялось. Там же в присутствии высоких чинов и знати Сахибкиран объявил свою волю, распределив уделы между внуками... Абу Бакру Мирзе достался Ирак, и было строго наказано превратить Багдад в красивый и благоустроенный город. Улугбеку Мирзе достались именно эти места, где мы сейчас находимся: Туркестан, а к нему – Ташкент, Сайрам, Ашпара – все, вплоть до китайских границ...

Халил Султан слушал его вполуха. Его тревожил только Рум! Шадимульк-ока уже давным-давно считала себя принцессой Рума. Ни на минуту не усомнившись в том, что станет старшей царевной. Царевной царевен!!

– «Любимому нашему внуку Халилу Султану, – сказал Амир Сахибкиран, – и было все сказано в присутствии высоких гостей, все это слышали, мой амирзаде! – достанутся Барда, Ганжа, весь Арманзамин, весь Гурджистан, в придачу ему отдается еще и город Трабзон...»

– Что-что?.. – сердито спросил невольно привставший Халил Султан. – Что вы мне такое говорите? А как же Рум? Тогда кому же отдан Рум?..

– Рум?.. – переспросил удивленный Айбадж-оглан. – Но... я не знаю, кто удостоен этой чести. Вы лучше спросите меня про мою смерть, так я вам больше расскажу, чем про Рум...

– А... может быть, сыновьям покойного румского султана Йылдырыма Баязида его отдадут.

– А теперь... не сказать ведь тоже не могу! На нашу голову тяжелое горе выпало, амирзаде... Что уж тут поделаешь... – Айбадж-оглан погладил шрам над левой бровью. – Хочу выразить вам свои соболезнования...

Халил Султан вскинул на него большие глаза:

– Что-о? Что?!

– Примите наши соболезнования...

– Что хотите этим сказать? Да хранит меня сам Тенгри! Какие еще соболезнования?

– Да вот язык не поворачивается сказать... Ну... что ж поделаешь... Шахзаде... – и тут Айбадж-оглан смолк. – Доблестный ваш брат... Мухаммад Султан... ушли в мир иной. Потеряли вы своего брата, мой амирзаде...

– Быть того не может! Быть этого не может!!! – вскрикнул, вскочив с места, Халил Султан. – Вы что такое мне говорите? Нет и нет! Ох, какой брат у меня был! Какой бра-а-ат!!! – закричал Халил Султан, обняв Айбадж-оглана. – Нет, не ве-е-ерю! Не верю я! О брат! Отчего же он меня бросил? Зачем???

Плакала и Шадимульк-ока, стуча кулаками по коленкам, но... из глаз ее не выкатилось ни единой слезиночки. Она вспомнила Согинч-ханум – жену Мухаммада Султана. На каком-то собрании, куда невольниц тоже позвали, они стояли, ожидая высокочтимых женщин. И Сараймулькханум, и Туман-ока прошли по ряду и поздоровались с невольницами. А вот Согинч-ханум так и прошла мимо с гордо поднятой головой, чувствуя себя парящей в небесах и ни разу не обернувшись в сторону Шадимульк! Невольнице тогда было очень обидно! «А теперь вот она рыдает... волосы на себе рвет от горя, видимо...» – подумала со злорадством Шадимульк.

– О Тенгри, что же это происходит?... Как же трудно пришлось моему дорогому деду! Если бы я там был, поддержал бы его! Чтобы он мог опереться на меня. Успокоил бы своего деда, плакал бы с ним, утешал бы.

Халил Султан вытер слезы и прочитал молитву по улопшим.

Наступила тишина.

Его надежды, что Сахибкиран отдаст ему Румский салтанат, ему достанется весь Рум, он станет правителем... вдруг показались лишними всякого смысла. Он устыдился своих притязаний.

Амирзаде Халил Султан и понятия не имел о том, что наступит время, и сам он тоже умрет именно в этом возрасте.

Шадимульк-ока теперь уже не вмешивалась в разговор, сидела тихо, глядя в землю и погрузившись в свои мысли.

Айбадж-оглан, попросив извинения, стал прощаться.

Душу Халила Султана охватило чувство безнадежности, безысходности. Он оказался в тисках своего горя. По ночам его стала мучить бессонница. Почувствовав, что муж ее не в себе, Шадимульк изо всех сил старалась вытащить Халила Султана из этого тупикового и подавленного состояния.

– Мы ждали, что нам подарят Рум, верно? – спросила Шадимульк-ока.

– Верно, ждали.

– Мы ведь о многом мечтали. Правильно?

– Правильно.

– Мой султан, – хладнокровно сказала Шадимульк-ока. – Я так подумала... это даже хорошо получилось, что Амир Сахибкиран не дал вам Рум. Благословение, видимо, было...

– Это почему же? Я не понял.

– Вы себя представляли падишахом всего Рума, да? А я видела себя принцессой Рума... Верно?

– Да, верно.

– Мой султан, слушайте меня внимательно! – Шадимульк-ока пристально смотрела на него своими раскосыми, как у лани, глазами. Подобно тому, как кузнец сначала разогревает железо, и только потом придает ту форму, которая ему нужна... именно так принцесса, подготовив почву, потихоньку подходила к заранее задуманной цели.

– Вы теперь станете... не султаном Рума... Вы будете... султаном всего Турана! Да-да, вы будете султаном Турана! Ведь с тех пор как господин Мухаммад Султан, наследник, ушел в мир иной... место его освободилось, верно? Так вот: самый достойный наследник – это вы, мой султан! Я думаю, когда Амир Темур вернется в столицу, он обязательно объявит свое решение.

Всех тонкостей амирзаде пока не понимал. Но так или иначе Шадимульк-ока высказала очень важную мысль.

– Нельзя нам просто ждать, ничего не делая. Нельзя, мой султан!

– А что делать-то, моя принцесса?

– Быть вам султаном Турана, а я стану ее величеством в Туранском салтанате. Нужно побыстрее возвращаться в раеподобный Самарканд. Учитывая обстановку, надо увеличить число своих сторонников.

Халил Султан немного подумал и сказал:

– Ну да, слова ваши верны, но... допустим, мы вернулись в Самарканд. Допустим, даже набрали и немало сторонников... Но ведь еще неизвестно, решит ли Амир Сахибкиран назначить меня наследником? Идти против его воли нельзя!

– Не печальтесь на этот счет, мой султан! Всему миру известны ваши отвага, мужество и сила. После индийского похода даже в нашей махалле ходили разговоры о том, как вы поймали слона и привели его в Урду. Все говорили: «Настоящий богатырь этот амирзаде, он же внук Сахибкирана!» Я рядом с вами! С дозволения Аллаха будете вы султаном! Потому что он сам открыл сейчас перед вами дорогу, убрав соперников. А случись так, что события начнут развиваться по-другому... тогда нужно решительно взять в руки меч и с мечом бороться за справедливость! А вот когда вы возьмете в руки бразды правления, тогда сына Мухаммада Султана – Мухаммада Джахангира – назначите ханом Турана. Но бразды правления салтанатом останутся в ваших руках! А если сына шахзаде мы уважим и ханство ему отдадим, так Сахибкирану тоже это понравится. Так мы докажем свое повиновение его воле, а заодно и цели своей достигнем. Вот увидите: и волки будут сыты, и овцы целы.

Логичные размышления супруги пришлись по душе Халилу Султану. Он все больше и больше верил в то, что Шадимульк-ока права, однако окончательно убедило его в том следующее:

– Мой султан! Его величество Хазрат Амир Сахибкиран тридцать четыре года завоевывали разные земли! Богатства и ценности, драгоценное оружие... что только ни попало в казну! И все это лежит там мертвым грузом. Так неужели же такую казну, огромные запасы драгоценностей и оружия мы отдадим в чужие руки? Мы что, лентяи, ротозеи? Нас никто не простит, мой султан! Ни Тенгри не простит, ни простые смертные... Давайте-ка поскорее собираться в Самарканд!

Халил Султан три раза ударил в ладоши. Вошел слуга.

– Приготовить фирман. Войску и каравану быть готовыми в дорогу! Завтра же отправляемся в путь. В Самарканд!

Глава двадцать вторая

I

Все пути вели в Самарканд...

В ответ на визит посланника Амира Темура Мухаммада Аль-Кеши король Кастилии и Леона Генрих III де Трастамара, считавший себя ответственным за судьбу Европы, направил свое посольство в Самарканд. Среди посланников были

дворцовый камергер сеньор Руи Гонсалес де Клавихо, возглавлявший миссию, Фра Альфонсо Перес де Санта Мария и королевский страж Гомес де Салазар.

Посланники задержались в Кеше всего на один день, который целиком посвятили осмотру величественного дворца Аксарай.

— Господин посол, взгляните на портал! Видите вон ту надпись крупными буквами по центру верхнего окаяма? Я говорил вам о ней, когда рассказывал про этот дворец. Надпись гласит: «Если вы сомневаетесь в нашем могуществе, так взгляните на здания, которые мы построили». А вот еще одна, с правой стороны, во-он там... Видите арабскую вязь внутри вытянутого шестиугольника? «Справедливость — основа крепкого государства и девиз правителей!»! Теперь взгляните на лозунг, что напротив нас: «Слово падишаха — падишах всех слов». Вы ведь знаете, все изречения высечены на стенах и арках дворца по воле правителя Сахибкирана.

— Да-да, я, конечно же, помню, как вы рассказывали об этом. Мудрейшие слова! Да, велико могущество Хазрата Темурбека! Действительно, его слово — падишах всех слов! — произнес Клавихо, не отрывая взгляда от величественного портала Аксарая.

Под впечатлением от Аксарая до самого сада Гульбог Клавихо ехал молча. Он знал: по обычаям Туранского салтаната посольства, прибывшие в Самарканд, пять-шесть дней ждут приема в Хумаюн Урду. А если посланники — люди именитые и известные, то случается, что и больше. Другого пути не было, и он направился в свои покои.

Прошло восемь дней. Из разговоров Клавихо стало известно, что Сахибкиран всего лишь месяц назад, возвращаясь из семилетнего похода, остановился в Термезе и посетил мавзолей Хакима ат-Термизи, в Кеше — Аксарай, а в столице усыпальницы на кладбищах Чокардиза и Шахизинда. Выражая благодарность Аллаху, организовал поминальные угощения для людей.

Наконец, на девятый день пришла благая весть о том, что султан Турана приглашает послов в сад Дилкушо. Прием прошел просто, без роскоши, и запомнился своей искренностью. Вернувшись в свои покои, Клавихо долго не мог заснуть. Первое, главное и довольно неожиданное, впечатление Клавихо от памятного приема — Амира Темура никак нельзя было назвать высокомерным или надменным человеком. В нем не было и тени мании величия. Вознесенный на невероятную высоту славы, он общался не с «небес» своих почестей, но как равный, как тот, что стоит рядом и ходит по той же самой земле.

II

Раеподобный Самарканд после столь радостных событий, блистательных побед туранской армии утопал в блаженстве и благополучии. Столица салтаната чудно принарядилась, будто юная невеста. Оседлав быстроногих тулпаров, гонцы разнесли во все края добрые вести о том, что Сахибкиран, вернувшись из семилетнего похода, намерен справить свадьбы сразу пятерых амирзаде. Вместе с тем народ будет праздновать великую победу! Все знали: в Конигиле намечается национальный саиль. Радостная новость летела от Хорезма до Андижана, от Янгикента до Термеза, словом, донеслась до самых дальних уголков Турана. В столице глашатаи, созывая народ на свадьбу, назначенную на благостные дни бархатной осени, обошли все махаллы.

Женщины из гарема, жены говорят только о свадьбе. Обсуждают, кто жених, кто невеста, подходят ли они друг другу, кто их родители? Гадают, выясняют...

Хотя никто их и не спрашивает, дают советы! Каждый на свой лад, но все переживают, спорят отчаянно. А слуги спуют, мечутся от дома к дому, не зная усталости.

Ее величество Сараймулькханум поручила Сафарбергану:

– Немедленно отправляйся в Боги Диляфруз к Ханзаде-ханум и пригласи ее сюда. А потом – Туман-оку из Боги Бишишта. Приготовьте паланкины для церемонии. Я хочу поехать в Конигил и посмотреть падишахские шатры и палатки к празднику. Я их собственными глазами хочу увидеть.

Три дня тому назад во время приема послов в Боги Наве Сахибкиран сказал Ее величеству:

– Еще во время румского похода я задумал: когда вернусь в Самарканд, женю своих пятерых внуков! Только после этого буду другими делами заниматься.

– Пусть все задуманное вами исполнится с помощью Тенгри, мой Хазрат! Все ваши задумки хорошие, важные, – заулыбалась ему в ответ Сараймулькханум.

– Вы подыщите им пару, хорошо? Для двоих я и сам нашел: Оку-бегим, дочь шахзаде Мухаммада Султана, отдадим в жены Улугбеку Мирзе. Тож ал-мулкока – младшая дочь покойного Амира Сайфиддина-некуза, будет достойной супругой Ахмаду Мирзе, сыну Умаршайха Мирзы. А всем остальным – Ийжалу Мирзе, Байкаро Мирзе, Ибрагиму Султану – вы уж сами подыщите достойных невест. Потом сообщите мне.

– Счастлива буду все исполнить, мой Хазрат. И пусть впереди у нас будут только свадьбы! А те, кого вы мне называли... они и у меня были на уме. Я тоже считала Оку-бегим подходящей женой Улугбеку Мирзе.

Ханзада-ханум немного расстроилась, когда не услышала от Сараймулькханум среди женихов имен своих внуков, но виду не подала и лишь подумала: «Неужели же, как только шахзаде ушел в другой мир, тут же забыли и о его детях – ее внуках?» Но чуткая и внимательная Сараймулькханум, тут же ощутив ее настроение, спросила:

– А вы знаете невесту Улугбека Мирзы?

– Нет, не знаю...

– Это же внучка ваша – красавица Ока-бегим!

– Ах вот как?! – засияла улыбкой Ханзада-ханум.

В эту минуту они увидели, как к ним торопливо, буквально бегом идет встревоженная Оккиз-бегим.

– Ваше величество, старшая госпожа! В Куксараяе случилось неприятное событие. Я решилась вам о нем рассказать, – явно чувствуя себя не в своей тарелке, начала Оккиз-бегим. Супруга амирзаде Халила Султана... Джахан Султан-бегим... пожаловалась Амиру Сахибкирану. Оказывается, она дождалась возвращения Хазрата. Ну и... пожаловалась ему на нашего амирзаде. Оказывается, ему понравилась невольница покойного Амира Сайфиддина-некуза Шадимульк родом из очень простой семьи. Но амирзаде любит ее, как настоящий Меджнун... До того сильно, что порой кажется, что он не в себе. То ли в Ашпаре, то ли еще где (подробности не знаю) он тайком взял эту невольницу в жены. Никах у них был!

– Ох, чтоб мне не жить!

– О Тенгри!

– Хазрат разгневался. Приказал немедленно привести эту женщину, – продолжала Оккиз-бегим. – Но Халил Султан успел ее спрятать. Тогда Хазрат отдал приказ изгнать эту невольницу из гарема.

Женщины сидели потерянные от свалившихся на них неожиданных вестей. Тем временем подоспел наставник Халила Султана Худайаад Хусайни:

– Ваше величество ханумайим! Уговорите Сахибкирана изменить свое решение. Все-таки, как ни крути, а амирзаде с этой невольницей теперь муж и жена. У них был никах! Друг без друга жить не могут! Это ведь как кожа и ноготь – если их разделить, только кровь прольется, вот и все! Сколько я отговаривал, сколько давал ему советов – все безуспешно! Если Шадимульк изгонят, Халил Султан может что-нибудь с собой сделать. Это опасно. Ведь и такое может случиться, вот чего я боюсь!

– Нет, не говорите так! Пусть сам Тенгри убережет нас от такой беды! – воскликнула Ханзада-ханум. Похоронив сына, бедная женщина едва владела собой.

Сердце Сараймулькханум после всего услышанного наполнилось страхом. Она очень дорожила и Мухаммадом Султаном, и Халилом Султаном. Ведь и того, и другого сама вырастила. А после того как шахзаде ушел в мир иной, всю любовь сосредоточила на своих воспитанниках Халиле Султани и Улугбеке Мирзе.

– Ваше величество, старшая госпожа! – взмолилась Ханзада-ханум, целуя подол ее платья и прикладывая его к глазам. – Испросите прощения за грехи нашего сына! Выпросите!

Сама же Сараймулькханум сидела неподвижно, будто и не слышала ни их просьб, ни их мольбы. Перед ее глазами мелькали сцены, одна хуже другой! Понимая свою ответственность, она напряженно думала, как же можно предотвратить несчастье?... Повисла тревожная тишина. Наконец, бессознательно погладив завиток на правом виске, Биби сказала с тяжелым вздохом:

– Пожалуй, пойду я... И если Аллах поможет, так, может, все и получится.

У ворот ее уже ожидал зеленый паланкин, приготовленный для поездки в Конигол. Маршрут пришлось поменять: в Коксарай! Ее величество подъехала к резным воротам дворца, по бокам которого возвышались два стройных минарета. Тут из дворца вышел Мухаммад Чурага-дадхак:

– Ассаламу алайкум, Ваше величество старшая госпожа! Сам Тенгри вас сюда прислал! Сахибкиран вызывает. Как раз направлялся к вам, чтоб о том доложить.

Войдя в большой зал, она увидела Хазрата хмурым, в мрачном настроении... У нее даже сердце сжалось.

– Так и не понял я, Биби, что творится с нашими детьми? – нахмурил свои густые брови, тронутые сединой, Сахибкиран.

«Ну как я могу рассказать Биби эту грустную историю? – думал он, глядя на нее. – Допустим, скажу... У женщины душа-то слабая. Перед таким большим праздником ни в коем случае нельзя переживать, печалиться... Надо как-то осторожно, аккуратно объяснить ей ситуацию с Халилом Султаном».

– Я сам во всем виноват, Биби! Пекся только о государственных делах, мотался из одного конца этого мира в другой... А о воспитании детей не задумывался! Вот оно и вышло... Что только не творил Мираншах! Вы сами знаете... Другой изборажал из себя больного, только бы не участвовать в битвах! Внук перешел в Египте на сторону врага...

– Да нет же! Не ваша в том вина, а моя, мой Хазрат! Вы же на меня надеялись. А я... сами видите: не досмотрела, не смогла, – ответила ему Сараймулькханум. И тут она совсем пала духом. На глаза навернулись слезы. – Мой Хазрат, кроме Аллаха и вас, на этом свете никого у меня нет: ни родственников, ни дорогих людей, на которых могла бы я опереться...

– О Биби! Да вы не плачьте! Не надо! Пусть сам Тенгри убережет вас от слез.

«А ведь Биби Халила Султана сама вырастила. Если расскажу все как есть про случившееся, получится, я ее отчитываю, порицаю. Только расстрою ее... В такие радостные дни это совсем ни к чему. И как же тут быть?»

Она сама его выручила:

– Да... оказывается... внук наш Халил Султан, ничего не сказав, тайком, вершил не самые благовидные дела...

– Не говорите мне о нем, не терзайте мне сердце! Опозорил он нас, глаз от земли не поднять... Когда речь идет о таких вещах, как священный гарем, никак нельзя топтать это пространство грязными ногами! А если нести нечисть, так весь салтанат треснет по швам! Неужели он этого не понимает? А за то, что женился тайком, ни с кем не посоветовавшись, никому не сказав... что никак ему прочитали с этой невольницей – да за одно это он заслуживает наказание!

– Если вы его накажете, это значит, вы покараете меня, – ответила Сараймулькханум, приложив руку к сердцу. Отважившись, она перевела дух: – Мой Хазрат, ну кто же в подлунном мире сумел пойти против своей судьбы? Кто? Я прошу вас, простите ему его грех! Не прогоняйте Шадимульк! Вы уж меня простите, но на все воля Аллаха... Если позволите, я открою вам тайну, которую почти никто не знает. Шадимульк... она уже понесла. Она беременна! В ее теле уже бьется, толкается ваша кровь.

«Ох, пусть сам Тенгри простит мне мою ложь! Только ради ребенка своего и слукавила. Ради него на все согласна. А что ж тут можно было поделывать? Беременна ли Шадимульк или нет – не знаю... Если на то пошло – я ее ни разу в жизни еще и не видела...» – пронеслось в голове у Сараймулькханум.

От удивления Амир Темур схватился за ворот:

– О Аллах! Бибиханум! Что вы говорите?! Это... это правда?..

– Правда... Правда, мой Хазрат!

И вот тут Амир Темур, который только что никак не сдавался, упирался, сопротивлялся, стал вдруг послушным, тихим, будто лев, попавший в засаду... Он, стиснув зубы, застыл, приподняв подбородок, с закрытыми глазами. Только было слышно: «И-и-и-им!!»

– Ну... хорошо. Ладно. Пусть не прогоняют... – сказал Сахибкиран. – Поручите эту невольницу Туман-оке. Пусть правнук наш родится живой-здоровый. Туман-ока пусть сама его на ноги поставит. После этого... пусть передадут невольницу какому-нибудь рабу!

Сараймулькханум перевела дух и возблагодарила Аллаха, что он уберет ее любимого внука Халила Султана от беды! Удалось свершить благое дело и отвести несчастье, но ее охватило какое-то дурное предчувствие: она жалела своего Сахибкирана, самого близкого человека! Ведь она сказала ему неправду и осознала, что никогда не простит себя!

Глава двадцать третья

I

Вернувшись из похода, Амир Темур вплотную занялся государственными делами. Стал знакомиться с жизнью населения, раздавал подаяния бедным и нищим, частенько навещался в Боги Чинар, Боги Бихишт, а то и в Боги Дилкушо.

В субботу, на пятый день после возвращения в столицу, объявил, что отбывает в Кеш. И, по обыкновению, переодевшись в рванье дервиша, забросив за плечи торбу, три дня тайком ходил по самаркандским базарам. Следом в такой

же одежке, стараясь сильно от него не отставать, брел Мухаммад Чурага-дадхах. «Базар – это окно в жизнь. Если приглядеться, понаблюдать – говорил Сахибкиран, – можно понять, как живет народ». На рынках «дервиши» увидели немало интересного. В первую очередь интересовались ценами. Кто-то из хлебопеков, пожалев бедняг, даже положил им в торбы местные лепешки «пулоти».

В среду Сахибкиран направился в Конирил и там во дворце повелел схватить некоторых чиновников и наказать. Недалеко от дворца установлена была виселица. Амир Темур наказывал виновных обычно перед праздниками или свадьбами. Это все знали. Но на сей раз он устроил необычное собрание. Он буквально засыпал вопросами сборщиков налогов, пристыдил их за ошибки.

– Те, кто заглядывается на чужое добро – самые мерзкие, самые отвратительные люди, – сказал в завершение Амир Темур, хмуро глядя на великого визиря Мухаммада Жалда. – Говорят же: «Где алчным будет амир, никогда не наступит мир». Ведь когда начинается распад салтаната? Когда жадные, алчные люди добиваются власти! Ну... сами тут виноваты... Ты ведь великий визирь Турана! Почему же вожжи так ослабил? Хотя нет, не ослабил... Ты их полностью из рук выпустил. Посмотри, что на рынках творится. Цены поднялись до небес! Сам сыт – этого и достаточно, да? Да ты только взгляни на главную мечеть! Такое великое дело... думали-думали... и что? Тебе его поручили! Мечеть ведь должна быть красой салтаната! Что ты натворил? Посмотри, какой низкий портал, какие там двери маленькие! Под свой рост все подгонял, да? Разве я тебе это поручил?!

Повисла жуткая тишина. Не было слышно даже дыхания.

– Мечеть сломать! Построить заново величественную! – жестко приказал Амир Темур.

Мухаммад Жалд, трепетавший, будто лист на ветру, пополз на коленях к трону. Схватив дрожащими руками край халата Сахибкирана, то и дело целуя подол, прикладывая его к глазам, взвыл:

– Виноват я! Виноват, виноват, виноват! Заново отстрою мечеть! Не велите казнить, Амир Сахибкиран! Детей моих пожалейте, дете-е-й! Велите помиловать!

– Такому жадному, корыстолюбивому, алчному вообще надо было бы отрубить голову... – усмехнулся Амир Темур. – Но мы окажем тебе честь: повесим на виселице!

Он взглянул на Мухаммада Чурагу-дадхаха, как бы давая понять, что пришло время зачитать фирман.

Дадхах зачитал громким голосом:

– Его величество Сахибкиран Амир Темур Кураган, признающий справедливость главной опорой и силой своей, приказывает: десять человек из числа вороватых мясников, девять – из бакалейщиков, шесть продавцов фуража, двух торговцев тканями, семерых крупных торговцев... наказывать палками! Главного сборщика налогов повесить! – Дойдя до этого места, Мухаммад Чурага перевел дух и продолжил: – Великого визиря... Мухаммада Жалда... за его мошеннические дела, за ошибки в управлении хозяйством салтаната, за алчность, и особенно за злоупотребления и небрежность при строительстве главной мечети вопреки воле Его величества повесить! Имущество конфисковать!

Не обращая внимания на крики великого визиря Мухаммада Жалда «Пошадите!», «Помиуйте!!!», на плач и жалобные мольбы главного сборщика налогов, их потащили к виселице, стоявшей неподалеку от собрания...

На другой день, как только занялась заря, около Куксарая раздались могучие звуки карнаев и сурнаев, поднимающиеся до самого неба! Они заполнили

все махалли и понеслись дальше – до ближних кишлаков, оповещая всех о начале большой свадьбы в Коникиле.

Людской поток не стихал ни на минуту, как бурлящая река. Тут и дворовая челядь, и служивый люд, чиновники, торговцы, артисты, за ними – ремесленники, ювелиры, кузнецы, сапожники, оружейники, керамисты-мозаичники, кондитеры, острословы, рассказчики анекдотов... Там и гости, и послы, приехавшие из дальних краев: из Кастилии, Египта, Китая, с Алтая, дальнего Магриба, берегов Индийского океана... И все они движутся в сторону Коникила. Был среди них и Клавихо, сопровождаемый Ахией Джаббаром-бахадуром.

Коникил, изобилующий людьми, чем-то стал напоминать поле битвы. Порой казалось, то тут, то там... вот-вот начнется побоище. Великая резиденция Сахибкирана располагалась в центре, среди лугов: величественный шатер, четыре пышных великолепных шатра и одиннадцать роскошных разноцветных домов с золотыми колоннами. Они так тесно были расположены друг к другу, что и солнечному лучу было некуда упасть. В общем, было множество зонтов и тентов, спасающих людей от жары.

По мнению Клавихо, прекрасное здание двенадцатиугольного султанского шатра, опирающегося на сорок колонн, сияя своим убранством, казалось великолепной короной всего Коникила. Над высокими воротами с причудливыми изразцами гордо трепетал на ветру флаг салтаната с тремя золочеными кольцами.

Народ все прибывал. На лицах у всех радость. Тут и нежные юные пери... будто тонкие лани, спокойно гуляют среди барсов и львов. Как же красят их лица добрые улыбки... Куда ни посмотри, под небольшими зонтами горы яств: пышные лепешки, патыры, целиком сваренные барашки, кази-карта, хасип, яхна жигар... А каких только фруктов тут нет, сладостей, тут и шербет, и вино в хумах, и кумыс в бурдюках... Столько разносолов, что глазами можно насытиться... Обслуга – все как один – ладные, шустрые! Надев на головы белые шапочки, добавляют они в кумыс сахар, несколько кусочков курдюка, чтобы усилить его вкус, а потом расписными палочками бьют по бурдюку, взбалтывая и смешивая прекрасный напиток, зазывая гостей отведать угощение.

Каждую неделю праздновалась чья-то свадьба. Пятой по очереди была свадьба Улугбека Мирзы. В тот день на широкой площади рядом с резиденцией началось представление.

Было уже за полдень. На середине площади давно горел большой костер. После совершения никаха в красном шатре друзья жениха, окружив разряженного десятилетнего Улугбека Мирзу с маленькой короной на голове, распевая свадебную песню «Хай-йар ер, айланай», направились к костру. Невеста – девятилетняя Ока-бегим, одетая в белый наряд, в окружении своих подружек, ханум и женщин тоже приближалась к огню. Жених и невеста трижды прошли вокруг гудящего костра и только потом направились в сторону высокой супы. Пока они шли, на головы их сыпались золотые и серебряные монеты, подобно листьям, что осыпаются осенью в лесу.

Певцы и исполнители, прибывшие из самых разных краев, выступали по очереди. Один за другим они брали в руки саз или другой инструмент. Тут звучали песни и мотивы и на французский манер, и персидские макамы, и песни на индийский лад, и в арабском стиле, аджамские мелодии, песни монголов, китайские и, само собой, тюркские напевы.

Чудесное время, счастливый день, праздничная пора, приятные звуки ная, душевные песни, нежные мелодии, чаши, полные вина, красивые светлые и радостные лица – все это взволновало сердце Сахибкирана, создало приподнятое, прекрасное состояние духа! Повернувшись, он стал смотреть на пляшущих танцовщиц. Потом обернулся к Мухаммаду Чураге-дадхаху и, приподняв руку, кивнул, давая знак: ну-ка, потяни меня! Потом встал, и со словами «Хвала и честь вечному Творцу!» широко раскинув руки, качаясь... пустился в пляс!

Все повскакивали с мест: дворцовая знать, и аристократы, амиры, беки, сановники, принцессы, ханум, уважаемые женщины, жены амиров... словом, все соскакивали с мест и осыпали Амира Темура золотом, серебром, жемчугами, набрасывали ему на плечи чапаны, шитые золотом. От драгоценных камней земля под ним засверкала. Довольный Клавихо тоже осторожно притоптывал ногой и хлопал в ладоши, приносившись к ритму незнакомой музыки.

Наконец заиграли карнаи и сурнаи. Жених и невеста поднялись с мест. Площадь зашумела, народ повыскакивал из своих шатров, все хлопали чтобы проводить их, пожелать им долгой счастливой жизни, детей и внуков.

II

Еще на свадьбе Улугбека Мирзы в Коникиле Амир Темура объявил, что в месяце кавс¹ начинается китайский поход.

Через месяц после свадьбы Сахибкиран провел смотр армии и, довольный парадом, в канун похода решил повидать внуков, разделить с ними дастархан. Повелел прямо на следующее утро собрать в Боги Чинаре всю молодежь рода, невесток и принцесс.

Глядя на них, Амир Темура расстроился. Эх, была б такая возможность, зарыдал бы, закричал бы... выплакал бы всю свою горечь, боль свою... А когда донеслись бы до небес, до Божьего престола его вопли, облегчилось бы сердце, излилась бы вся-вся горечь... Да ведь это же его дорогие любимые невестки! Э-э-эх, до чего же кратким оказалось их счастье. Это его печалило... Любимый муж Ханзады-ханум ушел на тот свет в двадцать лет! А его сын, шахзаде Мухаммад Султан, – в двадцать семь! Да они могли бы горы свернуть! В их-то возрасте разве время думать о смерти?.. О судьба, судьба!

Сахибкиран взял себя в руки.

– Хвала Тенгри! Дай Бог, чтобы вы были долгие-долгие годы нашим покровителем! – обратилась Согинч-ханум к Сахибкирану. Голос ее слегка дрожал... Переведя дух и взяв себя в руки, она твердым и жестким голосом, как отважный джигит, сказала: – Последний раз в жизни я надеваю женское платье. Никогда не надену больше! Простите меня, Амир Сахибкиран, достопочтенный отец наш! Я прошу вас во имя моего шахзаде разрешить мне ходить впредь в одежде своего суженого и участвовать в сражениях!

– Bravo, доченька моя! Молодчина! Конечно же разрешаю! – поддержал свою волевою невестку Сахибкиран. – До чего же мудрая у меня дочь! Отныне будем мы вас звать не Согинч-ханум, а Согинчбек!

До вечера Амир Темура беседовал с детьми и внуками, получая от них заряд энергии и море удовольствия. Пожалуй, еще никогда в жизни он так не радовался. Если не считать правнуков – восьмилетнего Мухаммада Джахангира Мирзу и семилетнего Кайду Мирзу, – остальные были совсем маленькие. Четырех-

¹ Кавс – ноябрь.

пятилетняя малышня – Саади Ваккас Мирза, Халид Мирза, Кайсар Мирза, Буркуль Мирза – с криками носилась из одного конца сада в другой, то пытаясь выкорчевать какой-то кустик, то борясь друг с другом, то пытаясь забраться на дерево... А няньки бегали следом, не позволяя. Наконец, дети собрались возле хауза, наблюдая за рыбками. Сахибкиран встал с места и пошел к своим внукам. Подняв трехлетнего карапуза Кайсара Мирзу, посадил его к себе на плечи. Сараймулькханум, как всегда, шла следом. Вот так, в сопровождении самых маленьких амирзаде, будущей опоры салтаната, он прошелся по прохладным тенистым дорожкам сада. Днем сюда не проникал даже тончайший солнечный луч.

– Хвала Тенгри! За столько лет впервые удалось Боги Чинару вдоволь насладиться вашим присутствием... – сказала тихим голосом Сараймулькханум, чтобы услышал ее только он.

– А мы сегодня смогли вдоволь наглядеться на ваше светлое лицо и побродить вместе по прекрасному саду... – улыбнулся в ответ Амир Темур.

Старшая царица молча склонила голову.

Наконец, гости стали расходиться.

Падишах и царица направились в спальню.

– Мой Хазрат, а помните, вы поручили шахзаде переписать манускрипт Корана и оформить?..

– Да, поручил, поручил... Я хотел, чтобы и «Уложения» были переписаны... Как раз думал спросить у вас об этом, Биби...

– Шахзаде не успел выполнить свою задачу до конца, что очень печально. К тому же, среди рукописей, оказывается, есть еще и тетрадь воспоминаний. Вот эта, в зеленой обложке.

– Хвала и честь вечному Творцу! – воскликнул Амир Темур. – Да неужели он вел тетрадь воспоминаний? Удивительный был у меня внук, умный! Глядите, оставил воспоминания!.. Сам буду читать.

Амир Темур сначала взял в руки манускрипт с текстом Корана, который шахзаде не успел переписать целиком, книгу в золоченой обложке, длиной больше одной пяди, шириной более половины пяди, поцеловал и приложил к глазам. Священная книга была написана арабской вязью «наسخ» на шелковистой самаркандской султанской бумаге, каждая страничка взята в четырехугольную рамочку и украшена узорами – золотистыми завитками.

Он начал осторожненько перелистывать рукопись и дошел до суры Аль-Хаакка, последней, переписанной Мухаммадом Султаном. 69-я... Шахзаде не успел перейти к 70-ой суре. И вдруг цифра привлекла его внимание. Он вспомнил, что ему сейчас 69 лет... Удивительно было, что, если читать цифру справа и слева, ничего не менялось... Случайно ли совпадение с его возрастом или нет? Есть ли в этом какая-то тайна, предзнаменование?..

– Что случилось, мой Хазрат? – спросила Сараймулькханум, сразу заметив, как изменился он в лице. – Что с вами?

Амир Темур, погружившись в раздумья, ничего не ответил. Он еще раз бережно полистал книгу и осторожненько положил ее в сундучок. Чтобы отогнать от себя разные мысли, взял в руки красивый с резной золоченой крышкой сундучок с растительным узором и принялся его разглядывать. И что удивительно! Этот сундучок показался ему символом мира! Прочерченные линии – это дороги, что вели его в дальние страны. Линии эти сходятся в маленьких куполах, их всего сорок. Так это же города, которые он покорил. А четыре стороны сундучка – это четыре стороны света...

И вдруг... он вспомнил о таинственном сундуке «Цветник сокровищ». Он искал его везде: в Египте, Сирии, Ираке, Руме. Приказал перевернуть все, но... так и не обнаружил. Может быть, находка ждет в Чине-Мачине? Шейх Шамсуддин Кулал, поведавший ему о том сундучке, сказал: «Сколько падишахов искали его! Но ни один не смог найти это “сокровище мира”...»

«Ла хвала вала куввата илла биллах! – чувствуя, что наступило какое-то озарение, произнес про себя Амир Темур. – Так ведь получается, что сундучок, который мы искали, – весь мир! Ведь Пир Шамсуддин Кулал так и сказал: “Он является сокровищем, равным миру...” Выходит, мы, сами находясь в этом сундуке, где-то ищем его?» Когда-то в молодости, осознавая или не осознавая, он говорил, что этот мир является сундуком, наполненным змеями и скорпионами, не всякая глубоко в смысл сказанного.

– О чем вы задумались, мой Хазрат?... – спросила его Сараймулькханум. Она чувствовала, что с ним происходит что-то непонятное, уж слишком быстро меняются его настроение и мысли. Не в силах постичь смысл происходящего, она не знала, что ей делать.

– Хвала и честь вечному Творцу! Я нашел тот таинственный сундук «Цветник сокровищ», Биби! – сказал ей Сахибкиран, и лицо его озарилось радостью.

– Нашли? Слава Аллаху! – обрадовалась Ее величество. А говорили, что найти тот сундук невозможно...

– Нашел, нашел... Оказывается, то, что мы называли «Цветник сокровищ», – это окружающий нас мир, полный гремучих змей и скорпионов, Биби! Мы все перепутали! «Гульшани хазойин» – это не «Цветник сокровищ», а «Гульшани хазон» – «Цветник увядания»! «Хазойин» превратившийся в «хазон»...

Султан и царица вновь почувствовали, как близки их души. Долгие годы, когда делили общие заботы, счастливые минуты, славу салтаната, многочисленные победы и мировую славу Сахибкирана, удовольствия и радости безбедной жизни – все это позволяло им гордиться, дарило светлые воспоминания.

Время было позднее. Сахибкирана клонило ко сну.

И приснился ему сон, в котором он увидел чудесный мир и всех своих предков...

Амир Темур с отцом и дорогими прадедами шел по лучистому пути. Они торопились выговориться, рассказать о диковинных чудесах мира, то и дело перебивая друг друга... Довольные, счастливые, они шли и шли, понимая, что, кроме могущества истинного властителя Аллаха, все остальное – преходяще. «Лишь только он вечен!» – восклицали они.

Ради вечности они готовы были уйти в небытие. Чтобы стать вечным, нужно уйти в небытие. Ибо просить у истинного властителя Аллаха небытия – значит взять в свои руки вечное бытие, бразды вечности.

Конец четвертой книги.

Перевод с узбекского Диноры АЗИМОВОЙ.

ЕДИНСТВЕННАЯ И НЕПОВТОРИМАЯ...

Эльмира АХМЕДОВА

Единственная и Неповторимая.... Такими словами в шутку или всерьёз я всегда приветствовала Шахнозу Муминову. Со временем эти эпитеты стали приобретать своё истинное значение и смысл. Первая женщина-академик, единственная, кто в совершенстве владел техникой фарфоровой лепки. Неповторимая красавица, неповторимо яркая творческая индивидуальность. Но есть ещё нечто более глубокое, что составляет творческий портрет настоящего художника.

Познакомились мы еще девчонками, когда учились в средней школе. Позже Шахноза вспоминала: «Я училась в 9 классе, оканчивала школу, стояла перед выбором будущей профессии. Рисовала я с детства, ходила в школьный изокружок, но сделать искусство выбором всей моей жизни я тогда ещё не собиралась. Как-то к нам в гости пришёл известный искусствовед Абдулхай Умаров, который, посмотрев мои рисунки, сказал, что мне стоит серьёзно учиться у профессионалов. В назначенный час мы идём в дом к “профессионалу”, которым оказывается народный художник Узбекистана, председатель Союза художников Рахим Ахмедов!»

Шахноза стала серьёзно заниматься рисунком, живописью, желая стать художником, получить художественное образование, и поступила на факультет живописи в Ташкентский театрально-художественный институт им. А. Островского (ныне Национальный институт художеств и дизайна им. К. Бехзода.). Увлечение керамикой сформировалось неожиданно и стало поворотным в творческих поисках молодой художницы. Однажды Шахноза попробовала в керамической мастерской института слепить и расписать блюдо, а затем самостоятельно обжечь его, тогда и почувствовала впервые вкус творческой профессии. Процесс создания произведения из глины захватил её навсегда.

В атмосфере творческого общения и поисков, а также благодаря хорошей профессиональной керамической школе и таланту Шахноза быстро прошла

Эльмира АХМЕДОВА. Окончила факультет «История и теория искусства» Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Зав. кафедрой «Культурология» УМЭД, ген. директор ЦВЗ АХ, директор Центра национальных искусств. Автор множества статей, альбомов и научных публикаций, председатель секции искусствоведов Творческого союза АХУз.

Ходжа Насреддин

Ш. Муминова в определенной мере открыла новый ракурс в обращении к народным темам, мотивам и своё понимание жанровости, повествовательности в современной декоративной керамике.

Встав на творческую стезю – современное декоративно-прикладное искусство, – она никогда не оставляла живописных и графических поисков.

Последние пятнадцать лет Шахноза Муминова работала со сложным материалом – фарфором. Тончайшая ажурная лепка, изящество формы и линии достигаются кропотливым многодневным трудом. Все тайны «капризного» фарфора Муминова Шахноза постигала самостоятельно и блестяще сумела подчинить себе этот хрупкий, рождающийся в огне материал. Шахноза Муминова одной из первых в Узбекистане использовала фарфор как пластический материал, создав удивительные художественные образы. Она доказала, что пластические качества фарфора можно использовать не только в бытовых традиционных предметах (вазы, пиалы, сервизы, блюда и др.), но и создавать высокохудожественные произведения из него.

У фарфора широкие изобразительно-выразительные возможности, которые блестяще показала в своём творчестве Шахноза. Сколько изящества, грации в позах музыкантов, танцовщиц, поэтов! Свободная моделировка, чистые тончайшие линии, ювелирная обработка мельчайших деталей, высокий профессионализм отличают творчество Шахнозы Муминовой.

Совсем иные эмоции вызывают панно – классические многофигурные композиции, выполненные из белоснежного

этап адаптации к самостоятельной творческой работе. На волне интереса к декоративной пластике были созданы первые керамические композиции: «Продавец арбузов», «Горячие лепешки», оригинальные по замыслу «Насреддин Афанди», «Молодость», юмористические по настрою «Рыболов», «С бахчи». В этих небольших керамических работах, которые можно отнести к мелкой пластике,

Признание в любви

фарфора. Проработанные черты лица, тела, драпировки, которые никогда не повторяются. Такая тонкая и кропотливая работа сродни ювелирному искусству.

Восхищает созданная Шахнозой серия сказочных, причудливых – от трехсантиметровых до полутора-метровых – деревьев, которая не имеет аналогов в мировом искусстве, что является величайшим достижением фарфоровой пластики. Одна из таких композиций («Древо Счастья») была приобретена Королем Саудовской Аравии, который затем лично пригласил Шахнозу в эту страну.

Муминова Шахноза никогда не подписывала свои работы, у неё не было собственной печати-клейма, но этого и не требовалось, ее работы всегда узнаваемы, потому что неповторимы и уникальны.

Заветной мечтой Муминовой Шахнозы было иметь отдельную мастерскую, собственную керамическую печь для обжига, дефицитную фарфоровую глину. Я часто бывала у неё в квартире, в небольшой комнате, импровизированной мастерской, сплошь заставленной работами, часть которых была упакована в коробки и хранилась на антресолях. Я наблюдала, как Шахноза бережно, трепетно, кропотливо лепила каждый листик, лепесток, цветочек, а затем соединяла в единую цветочную композицию. Создав свои фигурки в домашних условиях, через весь город, зачастую на общественном транспорте, Шахноза везла их для обжига на керамический завод, где фарфоровая серая масса обретала белизну, красоту и неповторимость. Сегодня приходится лишь сожалеть, что, будучи таким уникальным Мастером, она не успела оставить учеников, последователей, создать школу Шахнозы Муминовой...

Жанна

Произведения Шахнозы Муминовой ещё при её жизни были приобретены многими музеями, галереями и частными коллекционерами. За несколько месяцев до кончины она была удостоена звания «Заслуженный деятель культуры Узбекистана». В этом году исполняется 70 лет со дня рождения и 10 лет со дня смерти замечательной художницы, академика Шахнозы Муминовой. Очень трудно говорить о друге и коллеге в прошедшем времени. Недавние встречи, поездки, беседы, совместные проблемы стали Воспоминанием. О Художнике, наверное, правильно говорить только в настоящем времени. Произведения творца существуют здесь и сейчас, поэтому художник всегда бессмертен! И сегодня Шахноза Муминова остаётся непревзойдённым в современном декоративно-прикладном искусстве Узбекистана Мастером, единственным, неповторимым художником по фарфору.

СКАЗАТЬ ПО-ПЕРСИДСКИ...

АЛЕКСАНДРА ДАВШАН

С декабря 1924 года «Персидские мотивы» Есенина по мере создания, обычно по два стихотворения, печатались в периодике Баку, Батуми, Тифлиса. Поэт отсылал новые стихи в письмах, выступал с ними на встречах с читателями. В июне 1925 года десять мотивов и несколько других стихов вышли сборником с посвящением П. Чагину. Позже по воле автора в подготовленном собрании «Персидские мотивы» стояли в финале первого тома как итог лирики. Они предстали в авторском, задуманном и осуществленном, формате, когда Есенина уже не было в живых. Читатель, причем самого разного уровня, воспринимал «Персидские мотивы» как отдельные и самостоятельные стихотворения о любви, не задумываясь о каких-то взаимосвязях поэтических текстов, особом порядке их следования. Фактическое отсутствие изданий Есенина и широко развернутая борьба с «есенинщиной» на несколько десятилетий сделали его имя запретным и творчество недоступным. Стихи жили в списках, «безымянных» песнях и вернулись накануне «оттепели». Со временем расширился круг изучения творческого наследия поэта. Научная интерпретация, краеведческие разыскания, популярная журналистика навечно вернули Есенина в русскую литературу. Но его самые известные, самые популярные строки о Шаганэ, где упоминаются Саади, Омар Хаям, Босфор, Шираз и прочее, соответствующее восточному заголовку, до сих пор остаются наименее исследованными, и до сих пор звучит нерешенное: «Есенин не был в Персии, а почему так назвал свои стихи?»... «Автор не закончил «Персидские мотивы»... «Есенин больше не обращался к «Персидским мотивам»... «Они написаны вне контекста русской литературы» и т. д.

Наша точка зрения иная. В «Персидских мотивах» Есенин соединил пятнадцать, признанных восточными, персидскими, и двенадцать «неперсидских» стихов, потому что все двадцать семь стихотворений для автора – одна лирическая книга со своим сюжетом, своими героями, с исключительно есенинским голосом, синтезом русского и восточного.

Язык восточных лириков Есенин не знал. Общечеловеческие идеалы обещали их поэзии бессмертие, и доступности мудрых слов способствуют

Александра ДАВШАН. Доктор филологических наук, видный литературовед, общественный деятель, активно исследующий актуальные проблемы русского литературоведения и взаимодействия культур и литератур в Узбекистане.

хорошие переводы. Но стихотворная форма зачастую оставляет непередаваемой единичность нюансов. Если учитывать наслоения веков на дорогие понятия, то их смысл в современности скорее приближается к принятым нормам, нежели соответствует сиюминутным переживаниям. Лирическое начало слабеет. В «Персидских мотивах» автор избежал перенасыщения опытом великих предшественников и пустот в обязательном для выбранной формы восточном колорите. Его поэтический текст состоит из нескольких художественных слов. В данном случае фундаментом стал восточный орнамент, традиционно складывающийся переплетающимся движением словесных узоров или арабесок. Из центра Персии – Тегерана – поэтическое пространство направлено на восток, к родине классиков в Шираз, и на запад, где пересекает Босфор, забирает Багдад, достигает долины Евфрата.

Образ поэтической земли воссоздан Есениным в стихотворениях «Воздух прозрачный и синий», «Золото холодное луны» и «Голубая да веселая страна». Они вставлены в текст позже в строго определенном месте, потому что додуманы. Черновики и автографы первых двух указанных текстов отсутствуют. Время создания установлено (с 1 по 7 апреля 1925 г. в Баку) и убедительно обосновано В. Белоусовым. Никаких данных о дальнейшей работе над ними не обнаружено. Их форма отличается от «Персидских мотивов». Здесь нет ни лирической героини, ни лирического героя из предшествующих стихов. Исчезает диалог. Автор описывает характерную фигуру «путника», в конфессиональных представлениях это духовный странник, скиталец, пилигрим, калика переходный, дервиш. Пребывая в живом мире, они готовят себя к будущей жизни. В русском воплощении это отмечено у Пушкина в написанных веком ранее «Подражаниях Корану». После прославления милосердия Пророка, его «чистых жен» и молодых невольниц, его воинов – «детей пламенных пустынь», – в последнем девятом подражании является «путник усталый».

Есенин вводит в свои стихи образы восточной поэтики – пустыню и сад, две крайние точки, два полюса в исламе. В автографе четвертого мотива «Ты сказала, что Саади» есть строфа, не вошедшая в окончательный текст. По усиленной правке, т. е. зачеркнутым словам и строчкам, видно, что она не давалась поэту. Он был увлечен Востоком и сожалел, что мало читал о его истории, плохо представляет себе сущность мусульманства. Есенину оставалось лишь вслушиваться в чужие и незнакомые слова или восхищаться переводами. Поэтому общие явления, предметы, идеалы, имеющие разное понимание и толкование в мировых религиях, принадлежавших разным цивилизациям, получали в «Персидских мотивах» не сакральное, а художественное выражение, но прямого противоречия не было. У Пушкина был принцип: «Европеец и в окружении восточной роскоши не должен забывать вкус и взор европейца». Знал ли его Есенин?.. Но интуитивно соблюдал.

Со второй строфы мотива «Воздух прозрачный и синий» начинается описание сада. Трижды повторяется любимое поэтом слово. У Есенина сад – концепт, эстетически акцентированный в образе лирического героя и великого Пушкина: «Александр такой прекрасный и такой далекий, / Но все же близкий, как цветущий сад». На исламском Востоке пустыня – сад Аллаха. Восточная классика открывает его знающему и думающему собеседнику. Есенин намечает путь откровения. Отсюда состояние сада – он еще «в цветенье диком». «Цветочные чаши» – это еще луг, т. е. свободная природа, а не сад, создание разумного усилия. Еще не все лишнее удалено, и взгляд отдается, покоряется земным гвоздикам (знаменитая цветом и

ароматом персидская гвоздика!), а не высоким думам. В каждой строчке соблазн, и послушное зрение соединяется с новым уровнем отношения к действительности – чувством нежности, слуховыми иллюзиями, когда голос красавицы-пери, падшей женщины, напоминает особенную музыку неба и земли, переданную фонетически – «шепот ли, шорох, иль шелест». Тогда возникает образ флейты Гассана.

Голос основного духового инструмента на всем Ближнем Востоке, по свидетельству специалистов, улаживает слух, смягчает сердце, вызывает самые добрые чувства. Звучание флейты завораживает. Название старинной деревянной дудочки связано с латинским словом «ветер / дуновение». Ее особая конструкция требует, чтобы воздух вдвухался поперек отверстий, и тогда раздается «порхающий звук». Прием «кольца» в есенинской строфе выделяет его. Словесная форма кольцевой композиции в каждой строфе своя. Так, в первой «Воздух прозрачный и синий», во второй «Лугом пройдешь, как садом», в третьей «Нежность, как песни Саади». Казалось бы, нет больше препятствий. Но если нежность сравнима с песней, и это единство – характерная черта поэзии Есенина, то самое время появиться музыке. Ее образ превосходит следующий словесный ряд: песня, голос пери, тихий голос, флейта. В «Персидских мотивах» она соединяется с реальным именем восточного музыканта. В итоге прекрасные звуки все побеждают и возникает образ «ветра благоуханного», создающего в этом мотиве последнее кольцо. Благоухание (калька с греческого языка) в современном толковании «книжное, устаревшее». Иногда в переносном смысле понимается как «притягательная сила». В суфийской символике оно означает «дыхание Бога». Воздух, ветер, благоухание есть в Новом Завете, но понятия встречаются в разных контекстах, они скорее противопоставлены. Есенин создает свой образ, соединяет стихию и «благоухание познания», даруемое Христом, о чем Святой Апостол Павел пишет во Втором Послании к Коринфянам, и погружает высокий смысл в контекст церковно-славянского языка Библии: «Ветер благоуханный / Пью я сухими устами».

Объятия в финале пути, когда «нет ни тревог, ни потери», и ароматы, звуки одурманили, подчинили ищущего, что заранее предсказывал автор: «Путник, в лазурь уходящий, ты не дойдешь до пустыни». В преодолевших соблазны Есенин видит одно земное, долнее, а не горнее, хотя путник уходит в лазурь, т. е. стремится к небесам. Но побеждает и угнетает слабость «всех, кто в пути устали». Если у Пушкина «путник усталый» один, то у Есенина дана лексема «все», т. е. их, усталых, явно больше. Может быть, поэтому нет возвышающей духовности? Ведь «Вот он, удел желанный», а уста остаются сухими, жаждущими. Композиция этого уникального стихотворения совпадает с линиями арабески – то соприкасается, то убегает, никогда не нарушая границы рисунка, заставляя позабыть о внешней суете, погрузиться во внутренний мир. Противоречивая поэтическая идея скреплена парадоксом чувств автора и путника. Они представлены и в следующем мотиве «Золото холодное луны». Будет ли путник «бродить среди покоя голубой и ласковой страны»? Как покой слить с движением явно внешним, а не мысленным и духовным? Особое состояние редко доступного благоухания заменяется возможным для простого смертного, но при условии: «Помиришь лишь в сердце со врагом», и в награду: «И тебя блаженством ошафранит».

В исследовании Дж. Беллинджери о стихах А. Н. Волкова есть следующее наблюдение: «Слово судьба служит переводом мусульманскому понятию “кismet” – удел каждого. Та часть, щедрая или скупая, дарованная или завоеванная, которая является долей каждого, каждой человеческой песчинки, отражающей лучи солнца. Все эти мельчайшие блестящие крупинки укрепляют

основу небесного купола. Им, этим мельчайшим песчинкам, надлежит или пропасть перемолотыми в жерновах вечности, или вскормить будущие всходы». Есенинский путник ищет свой «кismet», что отразится и в других – уже неперсидских – строчках. Достигнув земной красоты, путник может выслушать мудрые советы. Ценность кратких поучений в возможности выбора между прошлым и настоящим или мертвым и живым («мертвым не внемли, не склоняйся к плитам головою»), между враждой и миром, между любовью и аскезой: «Жить – так жить, / любить – так уж влюбляться... Если ж хочешь мертвым поклоняться, / То живых тем сном не отравляя». Противопоставление времени Шахразады и времени путника окружается пространством с приметами разных эпох. В прошлом остается отзвевшийся сад, кладбиенская трава, могильные плиты, т. е. исчезли звуки, нет радости цветения, победила смерть. В настоящем «запах олеандра и левкоя» – это дурманящие цветы. Однако «хорошо кругом, целуйся и гуляй», т. е. сразу эдем!

В других мотивах Есенин учится восточному этикету – тончайшему слою восточной культуры. Его правила рассыпаны в тексте. Угошение начинается с чая, крепкие напитки запрещены, внимание к девушке исключает прямолинейное восхваление ее красоты, но высокий слог допускается («лицом похожа на зарю»). Говорить о любви, просить поцелуй, произнести «моя» – дерзко и невозможно. Вершина образа Персии для Есенина – сама поэзия Востока. Песен Саади, Хаяма в тексте нет. Есть образ песни. Как найденной глагольной формой «пропела» передал поэт желаемую длительность напева и его улечившуюся мгновенность! «Пропеть» в русском народном сознании означает одногласное церковное песнопение, что поэт знал и слышал с детства. Слова Саади «пропела» чужеземцу Шаганэ: «За Евфратом розы лучше смертных дев». В поэзию Есенин вводит восточных гениев своей оценкой Саади: «песни Саади – нежность»; просьбой к Шаганэ Хаяма: «Спой мне песню, моя дорогая, / Ту, которую пел Хаям»; вечный сюжет о розе и соловье. Есенинский соловей «кличет и обнимает» розу, но не поет. Здесь же продолжен образ из первого стихотворения – «Много роз цветет в твоём саду». Он завершается радостью выбора: «Много роз бывает на пути, / Много роз склоняется и гнется, / Но одна лишь сердцем улыбнется».

В прочитанных немногочисленных (больше и полнее не было) переводах Есенин нашел образное выражение восточной эротики. Героини персидских стихов для выражения красоты и женственности получили запомнившуюся портретную деталь – красивый стан. Его гипнотическое воздействие иносказательно передано афоризмом А. Фирдоуси: «Коль кипарис поднимет к небу стан, / То на кустарник не глядит фазан». В русской поэзии это возможно в любовных признаниях. Так у Пушкина: «Когда в объятия мои / Твой стройный стан я заключаю...» У Есенина стан выделяется в описании березки, редко встречается в девичьих портретах: «Всё ж, кто выдумал твой гибкий стан и плечи – / К светлой тайне приложил уста», деталь, нехарактерная для русского мира, у него каждая из персиянок ею индивидуально представлена. О Шаганэ Есенин пишет: «Наклонись своим красивым станом». Когда появляется перед путником перси, то для него «В крепких объятиях стана / Нет ни тревог, ни потери». «Весенняя девушка» в чайхане награждена откровенно чувственной деталью: «Ну а этой за движенья стана... / Подарю я шаль из Хорасана / И ковер ширазский подарю».

Другая деталь – колени.

В «Персидских мотивах» присутствие детали естественно. Вся ситуация привычна: к Шаганэ обращение «На коленях дай мне отдохнуть». Еще проще:

«Здесь, на коленях у милой». Следы арабески расплываются, но не исчезают. Находятся другие словесные образы.

В тексте «Персидских мотивов» продолжается движение узоров, развивающих группу понятий, заявленных в самом начале. Словесные ряды из разных понятий могут пересекаться. Тогда образуется оригинальное прочтение. Суждение «Поцелуям учимся без денег» в следующем употреблении меняет смысловой акцент главного понятия («Слово ласковое “поцелуй”»; поцелуй названия не имеет») и превращается в метафору: «Красной розой поцелуи веют, лепестками тая на губах». Лексема «лепесток» первый раз употреблена для выражения нежности прикосновения: «поцелуи лепестками тают». Еще одно значение в тексте связано с гибелью: роза расплескалась лепестками. Короткая жизнь розы завершилась, и этой детали в тексте больше не будет. В решающий момент прощания с жизнью лирического героя появится другое слово, близкое, но другое – «головки» цветов:

Цветы мне говорят – прощай,
Головками склоняясь ниже.

Определение «ласковый» образует словосочетания с амбивалентными понятиями: ласковый урус и ласковая страна Фирдоуси. Урус, т. е. русский (подразумевается сам поэт), и Фирдоуси – перс, но оба знаменитые поэты. Один из прошлого, другой в настоящем. За каждым великая родина. Голубая страна мечты и любимый синий край дали миру бессмертную поэзию, но ее слово для русского поэта наполнено страданием. Сравнивая песни Саади с нежностью, он те же слова вплетает в иной контекст – нежной оказывается человеческая кожа. Причиненная ей боль («рубцевать... по... коже») будет «кровью чувств ласкать чужие души». Последние мгновенья жизни – гробовую дрожь – Есенин назовет «новой лаской». Финальное состояние созданного образа: предмет или его признак меняют морфологическую форму и становятся действием (поцелуй – целовала, ласковый – ласкалась):

Лепестками роза расплескалась,
Лепестками тайно мне сказала:
Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала.

Действие, связанное с предметом, дается разным персонажам «Персидских мотивов» и создает индивидуальную характерную модель поведения. Если Саади «целовал лишь только в грудь», то лирический герой, поэт с севера, родился поэтом и целуется как поэт – без заветов, без наставлений и без обещаний. Поэтому ему доступна радость, вряд ли понятная в стране Фирдоуси: «березке каждой ножку рад поцеловать».

В «Персидских мотивах» просматривается разделение лексем на восточные, «персидские», и русские. Организованные и подчиненные поэтическому замыслу, они создают разные миры. Так русский поэт отдал дань великим лирикам Востока.

ЛЮБЛЮ ЭСТОНИЮ, РОССИЕЮ ГОРЖУСЬ!

ВЛАДИМИР ВАХРАМЕЕВ

Не так давно творческая общественность отметила 130-летие Игоря Северянина (И. В. Лотарёва), свыше двух десятков книг которого написано в Эстонии. «Эстийская природа очаровательна: головокружительный скалистый берег моря, лиственные деревья – Крым в миниатюре. Сосновые леса, 76 озёр в них, трудолюбиво и умело возделанные поля. Речки с форелями. Да, здесь прелестно», – писал великий поэт Серебряного века своему другу-переводчику Георгию Шенгели в сентябре 1927 года. Во многих стихотворениях Игоря Васильевича можно найти описание природы, городов, немногословных, радушных и жизнелюбивых людей, проживающих в Эстонии. Сколько прелести можно найти в строках поэта, посвящённых вечерней Нарве: «На улицах узких и гулких люблю вечера, / Когда фонари разбросают лучистые пятна, / Когда вся душа старой Нарвы особо понятна, / И есть вероятность увидеться с тенью Петра...». Столь же восторженно-величественно звучат его строки в стихотворении «Юрьев», который позднее стал именоваться городом Тарту: «Где Эмба, берег свой понунив, / Течёт лифляндского землёй, / Как центр культурный, вырос Юрьев, / Такой радушный и живой». Поддавшийся обаянию великого поэта, который большую часть своей творческой жизни прожил в Эстонии и мастерски описал её в своих произведениях, его друг поэт Валерий Брюсов как-то заметил, что «первый признак поэта – умение передавать, рисовать то, что он видит», и далее об эстонском периоде творчества Игоря Северянина напишет о его умении «переживать события глубоко и остро». Другой друг гения поэзии – великий композитор и музыкант Сергей Прокофьев, неоднократно навешавший поэта в Эстонии, скажет, что у Северянина имелись зачатки композиторского дарования, и в его стихах «присутствует контрапункт».

Вероятно, необходимо напомнить читателям, что с 1918 года гений серебряного века с больной матерью проживал в небольшом приморском посёлке Тойле. В этом же году Игорь Северянин выступал в Москве в Политехническом и был избран «Королём поэтов». В летний сезон, как вспоминают многие русские и эстонские поэты и прозаики, рыбацкий посёлок

Владимир ВАХРАМЕЕВ. Член Союза журналистов России. Автор трилогии «Опалённые ложью», нескольких книг, множества статей, очерков, интервью, рассказов. Лауреат премии «Журналист года – 2014» в номинации «Память».

превращался в непризнанную столицу эстонского искусства. В такие дни здесь можно было услышать рык Владимира Маяковского и баритон Вячеслава Иванова, свои стихи также читали поэты Аугуст Алле, Вальмер Адамс, Константин Бальмонт, Мария Ундер, Хенрик Висналуу, а в 20-е годы прошлого столетия в Юрьеве (г. Тарту) возникнет литературный кружок «четырёх Борисов» – Борис Правдин, Борис Нарциссов, Борис Вильде, Борис Тагго-Новосадов. Кроме этой четвёрки в литературном кружке принимали участие Игорь Северянин, Юрий Иваск с Мариной Цветаевой, Юрий Шумаков, Борис Пастернак и другие. Вспомнил имена этих замечательных литераторов и поэтов неспроста, ибо они, бесспорно, внесли огромный вклад в развитие русской литературы на эстонской земле. Словно подтверждением служат замечательные строки стихотворения «Русская эстонка» современной поэтессы из Кохтла-Ярве Веры Свечиной: «Люблю Эстонию, Россию горжусь! / За них обеих я душой болею, / В них радость нахожу свою и грусть, / Жить без одной из них я не умею. // Люблю Россию, ей пишу стихи, / Мне без неё болезненно, тревожно, // Люблю Эстонию я – Родину свою! / Люблю её прохладное дыханье, / Я песни русские Эстонии пою, / И верю в мир, и верю в созиданье!».

За последние два-три года вышло несколько моих статей и очерков, повествующих о русских литераторах стран Балтии, часть из которых вошли в юбилейный сборник «Лики Балтии». В августе 2017 года этот цикл публикаций о русских литераторах Литвы и Латвии был удостоен «Золотого пера» Европейской академии искусств и литературы. Однако на душе остался некий осадок неудовлетворённости, ибо в этих обзорах не хватало современных представителей русской литературы Эстонии. В некоей степени как бы подтверждалось замечание поэта Людмилы Казарян (Логиновой): «Судя по моим наблюдениям... русскоязычная поэзия (N. В. от В. В. – так же и проза) на территории Эстонии пока остаётся terra incognita».

Конечно, многие русские писатели, для которых этот прекрасный край долгие годы являлся малой родиной, продолжали писать и говорить на русском языке. Не только Игорь Северянин, но и Борис Нарциссов, Юрий Иваск, Борис Вильде, Давид Самойлов, Сергей Довлатов, Михаил Велер, Борис Кречко и десятки других литераторов, писавших и пишущих на русском языке, уже тогда внесли свой вклад в развитие культуры и литературы Эстонии. Более того, они, как и Языков, Достоевский, Бунин, Никифоров-Волгин, Булгарин, Крылов, Брюсов, Пастернак, Мандельштам, Бальмонт, Ходасевич, Иванов и другие, жившие в Эстонии или посещавшие ее, а также писавшие об этом крае и его людях, стали своеобразными пропагандистами края, образа жизни и культуры его народа... Неудивительно поэтому, что их имена и произведения часто продолжают звучать на литературных чтениях, с театральных подмостков и на юбилейных творческих вечерах. Так, первый конкурс русской поэзии «Под небом Балтики» стартовал в 2008 году под девизом известного и замечательного четверостишия Фёдора Тютчева: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовётся...» и за несколько лет завоевал популярность в стране и за рубежом. Позднее в предисловии «Балтийское кольцо русской поэзии» к сборнику «Под небом Балтики» Борис Круминг-Сухарев напишет, что «благодаря их работе в русских школах Эстонии стали популярны конкурсы чтецов-декламаторов в таких городах,

как Тарту, Нарва, Таллин...». Далее автор отмечает, что указанный сборник зарубежной русской поэзии (стихотворения лауреатов и дипломантов конкурса 2008–2014 гг.) «Под небом Балтики» стал «знаменательной вехой для участников конкурса – итогом семилетней творческой деятельности русско-го зарубежного поэтического сообщества». Руководитель оргкомитета конкурса «Под небом Балтики» Борис Круминг-Сухарев совместно с филологом русского языка Галиной Пановой, руководителем постоянной экспертной комиссии Дмитрием Ивашинцовым (Санкт-Петербург) и другими, при поддержке Международной ассоциации «Русская культура» (Эстония) и Целевого капитала поддержки русской культуры (Эстония) вносят неоценимый вклад в создание, пополнение и популяризацию библиотеки альманаха «РУССКИЙ МИРЪ». Констатируя итоги ежегодного конкурса русской поэзии «Под небом Балтики», участники и зрители неизменно отмечают рост его популярности и профессионализма, а также, как утверждают многие из них, «фактически произошла некоторая кристаллизация зарубежного литературного сообщества, которое нуждается в самосовершенствовании, творческих связях и дружественном общении». Ярким свидетельством того является факт роста зарубежных русских поэтов – участников конкурса не только из соседних государств, но и из дальнего зарубежья. Подобные мероприятия, сливаются с желанием многих русскоязычных прозаиков и поэтов. «Я хочу говорить на родном языке, / растворённом природой в грудном молоке, / пропитавшем меня, пробудившем от сна, / давшем вешнему миру его имена», – пишет русская поэтесса и журналист Мария Тервонен.

С 2011 года постоянно набирает популярность и другой литературный конкурс – Ландшафтный фестиваль поэзии, проводимый в городах Тарту и Таллине. Литературное издание «Плуг» в одном из своих номеров справедливо заметило, что интерес к «подобному русскоязычному проекту оказался велик не только в Эстонии, но и в России». Неудивительно, что фонд «Капитал культуры» наградил премией создателя и бессменного руководителя А. В. Казарян за многолетнюю деятельность в области литературы, в том числе и за организацию Ландшафтного фестиваля поэзии.

Конечно, Ландшафтный фестиваль обязывает, чтобы поэзия соответствовала своему названию, и поэтому большинство произведений авторы посвящают пейзажной и городской лирике. Что-то трогательно-близкое звучит в поэтических строках поэта из Таллина Татьяны Треуфельд: «Мне дорог мой уютный дом, / Где я нашла приют и радость, / Он не велик, но мило в нём, / И я ценю такую малость. // Старинных башен седину. / Красавец Вышгород на троне, / А Длинный Герман, как в короне, / Под флагом – гордость за страну. // Ручьями улицы бегут по склону вниз, / Рикк-ялг – туда, где жизнь клокочет. / И преподносят нам сюрприз – / Жить старина одна не хочет». Многие журналисты и литераторы, принимавшие участие в Ландшафтном фестивале, посвятили ему свои статьи, очерки и обзоры. Для почти 400 тысяч русскоговорящих граждан издаётся немало газет, среди которых «Эстония», «Молодёжь Эстонии», «Linnaleht на русском языке», «Вести дня», «МК-Эстония», «День за Днём», «Комсомольская правда в Балтии», «Postimees на русском языке», а также литературные журналы «Таллинн», «Вышгород», «Новый Таллинн», «Радуга» и др. К тому же из такого периодического издания, как

«Эмигрантская лира», многие поклонники поэзии узнали о предстоящем 10-ом Международном поэтическом конкурсе. Многих заинтересовали его условия. Так, выяснилось, что это – два независимых конкурса. Первый – «Эмигрантский вектор» – предназначался для поэтов русского зарубежья. Второй, «Неоставленная страна», – это для тех, кто никогда не эмигрировал, и включал поэтов тех же стран – республик бывшего СССР, не входящих в СНГ.

По-прежнему активно участвуют в литературной и культурной жизни республики писатели старшего поколения Елена Скульская, Лариса Ванеева, Борис Балясный и другие. Елена Скульская – автор многих публикаций в эстонских периодических изданиях, автор романа «Мраморный лебедь», который, как отмечали критики, «создан для читательского успеха». Книга повествует о жизни и творчестве отца-фронтовика Григория Скульского. Памятно и пронзительно трогательно описывает дочь писателя и прозаик Е. Г. Скульская сцену, в которой отец с трибуны съезда Союза писателей Эстонии, прервав своё выступление, читает стихи опального советского поэта Бориса Пастернака. Многие годы журналист, переводчик, поэт и публицист Елена Скульская работала в редакции газеты «Советская Эстония» вместе с Сергеем Довлатовым. Именно эта замечательная женщина и талантливая журналистка стала инициатором проведения «Довлатовских чтений» в Таллине.

Поэты и прозаики продолжают находить новые формы, стили и методы, которые отмечены многочисленными международными и республиканскими литературными премиями и наградами. Так, премией фонда «Kultuurkapital» (фонд «Капитал культуры») были награждены выпускница Литературного института им. А. М. Горького Лариса Ванеева – известный в Эстонии писатель, – поэт и неизменный организатор Ландшафтного фестиваля в Тарту Людмила Казарян и др. Замечу, что Лариса Ванеева живёт при Пюхтицком Свято-Успенском женском монастыре, поэтому многие её произведения отличаются высокой духовностью и святостью. В чём-то стихи этой самобитной поэтессы созвучны творениям её более молодого коллеги из Таллина Владислава Петрова: «Ангел чистый, родник и отравы / ключевая и липовый мёд – / зарифмована русская слава, / губы сводит от вкуса её, // губы сводит, а сердце тем паче, / нам к тебе не вернуться уже. / Логопед шестикрылый заплачет, / оказавшись среди миражей» (TO THE HEAVENLY JERUSALEM).

Знакомясь с творчеством русских литераторов, невольно обратил внимание, что значительная часть их являлась либо является выпускниками Тартуского государственного университета, среди них Вадим Ваха, Роман Лейбов, Людмила Казарян, Татьяна Сигалова, Игорь Котюх и многие другие. Та же Татьяна Сигалова, называющая себя, как и Инна Мориц, «поэткой», является автором нескольких поэтических сборников, романа «Анамор» и др., а поэт и переводчик Игорь Котюх пишет не только на русском и эстонском языках, но и редактирует журнал «Новые облака». По словам коллег по литературному цеху поэт смело продвигает авангардные направления. О его творчестве Дарья Суховой писала, что «Котюх – социальный лирик и европеец по типу стиха. <...> Претворяя опыт лианезовцев и концептуалистов, Котюх приходит к выработке своего стиля, основными чертами которого можно считать постоянную постановку вопроса о поэте и поэзии в современном мире». О Татьяне Сигаловой, выпустившей новый сборник поэзии «Синяки

под Луной», критик Светлана Семененко в газете «Молодёжь Эстонии» замечает, что «этот изяшный сборник, хоть мал по объёму, полон парадоксов, игры слов, модного молодёжного сленга и просто стёба, всяких двусмысленностей и тонкого (лучше сказать всякого) юмора». Поэтесса Надежда Валк известна в стране поэтическими переводами с русского на эстонский язык, своей прелестной любовной и пейзажной лирикой в стихотворении «Предсказание» пишет: «Мало денег, много хлопот, / Будет печаль, но скоро пройдёт. / Будет любовь – большая и верная, / Но пройдёт, наверное, / Как всегда мимо, / Как всё неземное, / Не нарушит Вашего покоя...».

Для большинства прозаиков и поэтов Эстонии характерно, что они пишут не только на русском языке, но и на языке коренного населения, занимаются профессионально переводами. Так, в Тарту уже многие годы существует литературное объединение «Воздушный змей», созданное поэтом Борисом Баясным, одной из основных задач которого является постоянный творческий диалог русских и эстонских писателей. В одном из сборников этого поэта и талантливого переводчика в стихотворении «Ноябрьский не сонет» есть такие философские строки: «Ох, как некстати всегда наступает излёт, / кажется, будто пространство смерзается в лёд, / странная радость замедленных передвижений». В такой жизненный излёт ушёл и талантливый поэт Вадим Ваха, чьё творчество и по сей день вызывает живой интерес у любителей поэтического слова. Достаточно напомнить несколько строк из стихотворения «Осень»: «Плакала осень слезами холодными, / К ночи склонялся коротенький день. / Окна глядели глазами голодными, / Тучи стелили размытую тень. / Сердце томилось от безысходности, / И на ресницах родилась слеза, / Счастье вернуть уже нету возможности, / И не увидать твои мне глаза...». Вполне естественно, что любовная и пейзажная лирика занимает значительное место в творчестве многих русских поэтов Эстонии.

Но большинство представителей русской поэзии Эстонии разнопланово в своём творчестве. Им близки и свойственны философские размышления о смысле жизни и судьбе, глубокая гражданская позиция и патриотизм, ироническое отношение к тем или иным бытовым сценкам...

Жаль, что с произведениями русских литераторов Эстонии больше знакомы читатели в странах Балтии, а также в Финляндии, Швеции, Норвегии, Польше, Германии, США, чем читатели ближнего зарубежья. В этом году министерство культуры ЭР совместно с Таллинским университетом начинают новую серию встреч с современными писателями, пишущими не только на государственном, но и на русском языке. Одна из первых встреч будет посвящена русскому писателю Эстонии Андрею Иванову, который представит свою «творческую лабораторию». Далее предстоят встречи с писателями Андреем Анисимовым, Ириной Белобровцевой, Николаем Караевым, Виктором Косенковым, Алексеем Ольгиным, Андреем Танцыревым и др.

Отрадно отметить, что активные творческие связи сложились между русскоязычными изданиями всех государств Балтии. В последние годы произведения русских поэтов и прозаиков можно встретить на страницах литературно-публицистического журнала Международной ассоциации писателей и публицистов «Земное время» (Рига, Латвия), поэтического альманаха «Письмена» (Рига, Латвия), Международного литературно-публицистического альманаха «Ступени» (Вильнюс, Литва) и в других периодических изданиях.

Более того, ставший популярным в последние годы литературный альманах «Oceanus sarmaticus» (Каунас, Литва + Рига, Латвия) издаётся двумя прибалтийскими государствами. Таким образом, руководители издания Эяна Суодене (Литва) и Альберт Снегирёв (Латвия) творчески объединили русских литераторов многих стран.

Русские поэты Эстонии в большинстве склонны к гражданской и бытовой лирике, раздумьям и философским размышлениям о жизни, зачастую проникнутым горечью. Как правило, это представители более зрелого поколения. Поэтам более молодого поколения также свойственно чувство горечи о некогда единой огромнейшей стране с более понятными и сердечными взаимоотношениями. «Унизительность виз, пропуска / Да тяжёлые скобы границ / Разделили людей на века, / Оторвали от родственных лиц», – пишет Вера Свечина, а Надия Бабковска как бы вторит ей: «Мы были невинны, как дети, / Не знали греха, / Мы были едины, / Но стали меж нами века... / Ты помнишь?» В творчестве поэтов Александра Александрова, Владислава Пенькова звучит «афганская тема», тема патриотизма, офицерского братства и... грусти.

Многие из ранее названных современных русских писателей и поэтов являются участниками различных фестивалей и конкурсов, среди которых следует отметить фестиваль поэзии Северных стран в Таллине, литературные встречи в Финляндии, Норвегии, Швеции, Латвии и Литве.

При обзоре русской поэзии Эстонии, бесспорно, невозможно упомянуть всех, кто трудится на этой благодатной ниве. Однако одно имя необходимо знать нашим читателям. Это Ян Каплинский. Об очередном его поэтическом сборнике «Белые бабочки ночи» литературный критик Наталья Черных пишет: «Книга патриарха эстонской поэзии – бочонок амонтильядо для искушённых. Поражает лёгкость и новизна этой поэзии. И одновременно – весомость. Эти стихи покоряют, им невозможно сопротивляться». Его стихи часто публикуются в различных эстонских и зарубежных изданиях, среди которых и литературно-публицистический журнал «Эмигрантская лира». Невозможно не упомянуть тот факт, что букмекеры внесли его имя, как и имя Дорис Кореvu, в список претендентов на Нобелевскую премию в области литературы от Эстонии. В мае 2017 года вместе с заслуженным артистом России Эвклидом Кюрдзидисом, другими поэтами и актёрами Ян Каплинский принял активное участие в поэтоконцерте «Северянин», посвящённом 130-летию гения русской поэзии.

Именно строками коронованного «короля поэтов» Игоря Северянина, двадцать четыре года жизни и творчества которого связаны с Эстонией, хочется завершить литературный обзор о русских писателях и поэтах этой, с изумительной природой и людьми, страны: «Благословен Эстонии уют, / Который, от России отрывая / Благочестивого душою края, / Как мать, как сон, как родина вторая, / Соткал гамак качелящих минут. / Минуты те! Их творчеством зовут...».

ФИЛОСОФИЯ ДУХОВНОСТИ В РЕКВИЕМЕ РОБЕРТА ШУМАНА

НАСИБА БАХРИТДИНОВА

Духовные вокально-хоровые сочинения великого немецкого романтика Роберта Шумана (1810–1856) – вершина его творчества, к которой он последовательно шел на протяжении всей жизни, непрерывно духовно совершенствуясь. Они отразили общие художественные тенденции немецкого музыкального романтизма и открыли новые пути дальнейшего развития вокально-хоровых жанров. Годы учебы сначала в Лейпцигском, а затем в Гейдельбергском университетах не прошли для Шумана бесследно. Они были наполнены внутренним беспокойством и поиском новых литературных и музыкальных впечатлений, философского осмысления жизни, и все это получило художественное воплощение в его крупных вокально-хоровых композициях. В 40–50-е годы XIX века появились такие масштабные вокально-хоровые полотна, как «Рай и Пери», «Манфред», «Реквием по Миньоне» по Гете, «Странствия Розы», Месса, «Сцены из Фауста» и Реквием. И, как отмечал российский исследователь творчества Шумана Даниэль Житомирский, хоть и не все оказалось одинаково удачным, но все эти произведения остались значительными вехами в истории европейской оперы и оратории.

Одной из вершин вокально-хорового творчества Шумана является Реквием, соч. 148 (1852), в котором обобщены многолетние искания композитора, размышления о смысле жизни и духовности. Подступом к Реквиему стали хоровые баллады, удивительно поэтические, лиричные и драматичные по своей эмоциональной экспрессивности.

Это монументальное вокально-хоровое полотно, девять частей которого образуют стройную, логически продуманную композицию. В музыкальной драматургии Реквиема многосторонне раскрыта философия человеческой жизни как пути к просветлению. И лирические, и драматические элементы музыки звучат содержательно, эмоционально идут от сердца. Произведение производит глубокое впечатление гармоничным

Насиба БАХРИТДИНОВА. Профессор кафедры хорового дирижирования ГКУз. Автор ряда учебных пособий, трудов по детскому хоровому образованию и воспитанию, статей, посвященных вопросам хоровой культуры.

Роберт Шуман

сочетанием эпически возвышенного, просветленно небесного начала и чего-то лирико-драматического, повседневно-земного, жанрово-бытового. Хор и солисты трактованы композитором выразительно, вдохновенно, с драматической убедительностью.

Каждая часть Реквиема воспринимается как страница духовной жизни человека. Талант Шумана – музыкального новеллиста – раскрывается в Реквиеме как повествование о человеческих страстях, переживаниях, печалях и радостях. И пафос острой скорби, и торжество оптимизма, и лирические страницы сочувствия, и меланхолия взволнованной

романтической души выражены Шуманом естественно и впечатляюще, созданы поэтичным вдохновением искреннего художника. Невольно возникает параллель со «Страстями» Иоганна Себастьяна Баха, которого Шуман боготворил, о чем свидетельствуют его Шесть фуг на тему ВАСН для органа. На влияние лирики Баха в Реквиеме, особенно в шестой части, указывал российский музыковед Владимир Протопопов: «В Реквиеме ближе всего к баховскому тематизму и принципам формы торжественная фуга "Libera animas"» (№ 6)¹.

Необходимо отметить, что полифония в Реквиеме имеет прикладное значение в своем традиционном, уравновешенном, гармонически ясном голосоведении. Важную роль в произведении играет гомофонно-гармонический склад письма и фугированные формы, фуги в «Libera animas» (№ 6) и «Pleni sunt coe li et terra Gloria tu a» (№ 8), завершающиеся стройными гармоническими вертикальными структурами хорального характера, при этом, как очень точно отметил Владимир Протопопов, «полифония Шумана всегда логична и естественно входит в ткань произведения»².

В Реквиеме Шумана обнаруживаются интонационные связи с фортепианными и вокальными сочинениями и насыщенными всевозможными семантическими выразительными средствами: цифрами, индексами, иконами, применяя которые, композитор с присущей ему богатой фантазией создавал в своей музыке образы и музыкальные портреты близких ему людей.

Все это позволяет сделать вывод о факторах автобиографического плана, на это указывает и круг определенных тональностей, которые в музыке Шумана связаны с конкретными личностями, окружавшими композитора: с Кларой Вик-Шуман, Фридрихом Шопеном, Фридрихом Винсом, Эрнестиной фон Фрикен и другими. Так, например, As-dur – это тональность писем Шумана, fis-moll – образ Флорестана, ассоциирующегося

¹ История полифонии. Выпуск 4. Протопопов В. А. Западно-европейская музыка XIX – начала XX века. М., 1986. С. 83.

² Там же, с. 85.

с образом самого Роберта Шумана. Тональность Des-dur связана с Симфоническими этюдами для фортепиано, где так же, как и в Реквиеме, композитор использует энгармонические замены, в частности, Des-dur-cis-moll-Des-dur (№ 9). Такого рода детали могут помочь исполнителям основательнее подойти к смысловой интерпретации Реквиема, наполнить ее одухотворенностью и более глубоким раскрытием смысла художественного содержания музыки и ее духовной силы.

«Сфера хоровой музыки, – подчеркивает профессор кафедры хорового дирижирования Государственной консерватории Узбекистана Любат Джумаева, – предназначенной для большого исполнительского коллектива, требует от певцов особого подхода, тщательности, углубленности в передаче различных оттенков чувств и настроений, выбора исполнительских средств, раскрытия художественно-эмоционального содержания исполняемой музыки. Очень важно, чтобы в каждом исполнителе “работал” взаимодействующий бинарный принцип “певец-актер”, “актер-певец”, позволяющий свободно и эмоционально чувствовать себя в зоне сценического действия»¹.

Именно этими принципами руководствовались студенческий хор Государственной консерватории Узбекистана и его художественный руководитель профессор Любат Джумаева, заведующая кафедрой хорового дирижирования доцент Севара Кадырова, концертмейстер Юлия Шнейдер и Национальный симфонический оркестр Узбекистана под управлением лауреата международных конкурсов дирижера Алибека Кабдурахманова, осуществившие первое исполнение Реквиема Шумана в Узбекистане в мае 2018 года в Большом зале Государственной консерватории Узбекистана. Солисты – Малика Норматова (сопрано), Рустам Ильясов (тенор), Дарья Захарова (меццо-сопрано), Ильхом Озадов (баритон) – достойно справились со своими партиями и создали вдохновенные образы, исполненные духовной красоты. Этот концерт стал знаменательным событием музыкальной жизни столицы, раскрыл богатый мир вокально-хоровой музыки Шумана, актуальность гуманистических идей этого монументального произведения, открыл новые грани творчества великого немецкого романтика Роберта Шумана. Глубокая философская сущность его музыки, в частности, Реквиема, пробуждает в современном человеке качественно новое отношение к окружающему миру, людям, природе, наполняет благоговейным ошущением радости жизни.

¹ Джумаева Л. О некоторых вопросах работы над крупными вокально-симфоническими произведениями зарубежных композиторов в студенческом хоре Государственной консерватории Узбекистана // Музыкальный и духовный мир современной молодежи. Ташкент, 2008. С. 23.

ТАК ВОТ ТЫ КАКОЙ, ВОСТОК!

КОДИРЖОН НОСИРОВ

Дилором ИСЛАМОВА

Успевшая обрести известность ещё в первые десятилетия XX века великая русская поэтесса Анна Ахматова (1889–1966) после октябрьского переворота в числе многих могла бы покинуть Россию, но предпочла не расставаться с Родиной. Впоследствии ей, потерявшей всех своих близких в условиях сталинского режима, суждено было пережить немало невзгод: муж, известный поэт Н. Гумилёв, был расстрелян как враг народа, сын, арестованный по надуманной причине, долгие годы провёл в лагерях ГУЛАГа. В двадцатые, тридцатые и долгие послевоенные годы её почти не печатали: она была то под негласным, то под явным запретом, поэтому не только морально, психологически страдала, но и бедствовала материально. Спасало внимание близких ей братьев по перу...

В годы Второй мировой войны Ахматова в числе научной и творческой интеллигенции, эвакуированной из европейской части СССР в связи с немецкой оккупацией, почти три года (с 9 ноября 1941 года по 13 мая 1944 года) жила Ташкенте.

Об эвакуационном быте можно составить представление по воспоминаниям современников Ахматовой. Например, в своих мемуарах Г. А. Козловская описывала комнатку, где жила поэтесса: «В ней едва помешалась железная кровать, покрытая грубым солдатским одеялом, единственный стул... Посредине маленькая нетопленная печка-буржуйка, на которой стоял помятый железный чайник и одинокая кружка на выступе окошка кассы... Здесь, в прежних приемных и отделах, разместились эвакуированные писатели, и А. Ахматовой досталась “касса”» (Воспоминания об Анне Ахматовой. – М: Советский писатель, 1991, с. 379). Конечно, лихолетье есть лихолетье, несмотря на радушие узбекистанских друзей. Жесткий и изнуряющий быт тех дней Ахматова испытала сполна. Да ещё тяжёлая болезнь – брюшной тиф.

Благо, что в Ташкенте А. Ахматову окружали поистине добрые люди. Внимание со стороны Союза писателей республики, участие таких же, как она, эвакуированных, простых людей для неё много значили. Уже после войны Анна Андреевна рассказывала писателю Сайёру о том, что во время болезни за ней ухаживала смуглолицая девочка-узбечка. Она носила Ахматовой молоко. Целую неделю, а то и больше, она была с Ахматовой. Потом с фронта приехал сын Ахматовой. И эта девочка перестала к ней приходить. Ахматова очень ждала ее, искала, но не нашла. (Сайёр. Шундай булган эди. //Ўзбекистон адабиёти ва санъати, 1990, 1 ноябрь). Поэтесса признавалась Сайёру, что многие ташкентские стихи родились в знак благодарности той смуглолицей узбекской девочке. Неслучайно Ахматова позже написала, что именно на узбекской земле она «впервые узнала, что такое человеческая доброта».

В Ташкенте поэтесса была знакома и активно взаимодействовала с видными деятелями культуры республики, среди которых были Х. Алимджан, Абдулла Каххар, Гафур Гулям, Тураб Тула, Саида Зуннунова, Алексей Козловский, Светлана Сомова, Зоя Туманова и другие. Нередко вместе с ними выступала перед населением и солдатами, в госпиталях, детских домах. Результаты совместной деятельности

узбекских и русских писателей выливались в тематические сборники и альманахи на русском и узбекском языках. В этих изданиях участвовала и Анна Ахматова, публикуя стихи и переводы из узбекской классической поэзии.

Характеризуя творчество А. Ахматовой ташкентского периода в целом, профессор Т. Х. Хамидова в книге «Русско-узбекские литературные связи» отмечает, что ленинградская поэтесса испытывала дочерние чувства к земле, которая дала ей пристанище в те грозные годы. Автор монографии подчёркивает, что поэтический язык Ахматовой в Узбекистане обогатился яркими, выразительными восточными поэтическими образами, придающими ее лирике особый колорит. Литературовед также отмечает очень важное типологическое сходство, естественную идейно-художественную перекличку между известным антивоенным стихотворением узбекского поэта Гафура Гуляма «Ты не сирота» и стихотворениями А. Ахматовой «Первый дальнотойный», «Статуя», «Ночь в летнем саду», «Памяти Вовочки Смирнова». В произведениях обоих поэтов сквозь страшные разрывы бомб доносятся душераздирающие детские голоса, чувствуется готовность лирических героев отцовской заботой, материнской лаской согреть заледенелые маленькие сердца.

В Ташкенте и о Ташкенте Ахматовой написано несколько циклов стихотворений: «Ташкентские тетради», «Луна в зените», «Смерть», «Новоселье» и некоторые стихотворения, вошедшие в цикл «Ветер войны». Созданы и отдельные стихотворения, такие как «Ташкент зацветает», «Эти рысьи глаза твои, Азия» и др. Всего в Ташкенте Ахматова написала около ста стихотворений. В эти годы продолжалась работа и над многотрудной и загадочной «Поэмой без героя».

Стихи Ахматовой о войне поражают глубоким изначальным единством лирической героини – поэтом-гражданином – с Родиной. Её женское, материнское начало, её мужество, страдание и сострадание, её честность органично перерастали в величавый образ матери Родины. В стихотворениях поэтессы воссоздан бесчеловечный лик войны, лик фашизма, воюющего не с армиями, но с народами, их историей, стремящегося по-своему перекроить мир.

Стихи А. Ахматовой о войне объединены в цикл «Ветер войны». Они глубоко патриотичны и оптимистичны. Так, в стихотворении «Мужество» автор судьбу страны связывает с судьбой родного языка, родного слова, которое служит символическим воплощением духовного начала России:

*Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах.
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Тяжелому военному бременю здесь противопоставляются воля и чувства людей, которые ответственно совершают выбор. Это стихотворение своим содержанием перешагнуло временные рамки: чувства, которые оно вызывает у читателей, актуальны всегда, во все времена.

Стихотворение «Мужество» как поэтический образ универсально. Оно пробуждает чувства сыновней любви к Родине, родному языку, народу у любого

читателя, независимо от его национальной принадлежности. Точнее было бы сказать, что великая поэтесса выразила в своём стихотворении чувство любви к Родине, волю каждого патриота на земле защитить всё родное, если ему угрожает гибель! Недаром каждый номер ныне популярного журнала «Русский мир» открывается строками из этого шедевра гражданской лирики.

В стихах Ахматовой о Ташкенте в целом преобладают светлые мотивы. Её поэзия обретает новые, нехарактерные для прежней Ахматовой краски. Яркие контрасты в природе, необычные люди не могли не пробудить в сердце поэта новых чувств радости бытия. Эти стихи зачастую выглядят точно акварельные зарисовки:

<i>Заснуть огорченной,</i>	<i>Мангалочий дворик,</i>
<i>Проснуться влюбленной,</i>	<i>Как дым твой горек</i>
<i>Увидеть, как красен мак.</i>	<i>И как твой тополь высок...</i>
<i>Какая-то сила</i>	<i>Шехерезада</i>
<i>Сегодня входила</i>	<i>Идет из сада...</i>
<i>В твоё святилище, мрак!</i>	<i>Так вот ты какой, Восток!</i>

Ташкентская земля воспринималась поэтессой как родная:

*Кто мне посмеет сказать, что здесь
Я на чужбине?! («Луна в зените»)*

Или

*На этой древней сухой земле
Я снова дома... («Разве я стала совсем не та»)*

Такие реалии, как «звук воды», «тень древесная», встречаются и в автобиографии Ахматовой, написанной в 1965 году, т. е. спустя двадцать с лишним лет. Следовательно, можно предположить: то, что описано в «азиатском доме», не просто атрибутика восточной экзотики, увиденной и хладнокровно отмеченной европейским человеком, а нечто большее, запавшее в душу, в глубины сердечные и порождающее поэтические образы.

Чистое, романтическое и благодарное дочернее чувство к узбекистанской земле выражено в стихотворении «Разве я стала совсем не та» из цикла «Ташкентские тетради»: «Я знаю, что вокруг друзья – / Их миллионы».

Прекрасна и по-родному тепла узбекистанская земля:

*Как запыхал Ташкент в цвету,
Весь белым пламенем объят,
Горяч, пахуч, замысловат,
Невероятен... (Ташкент зацветает)*

Необычна, экзотична восточная природа, одновременно и радующая, и удивляющая поэтессу, здесь и «розы бессмертные», и «луна серебряная», а в зацветающей ветке – «неповторимая, пожалуй, сладость»:

*И зацветает ветка над стеною.
И в этом сладость острая была,
Неповторимая, пожалуй, сладость.
Бессмертных роз, сухого винограда
Нам родина пристанище дала. (Как в трапезной)*

Преобладание светлых красок в стихотворениях Ахматовой о Ташкенте С. Сомова объясняет так: «...Эти стихи писались в годы войны, и это ощущение и изображение красоты природы и человеческого духа было сопротивлением горю, одиночеству, ужасам войны, было нравственным человеческим подвигом».¹

Естественно, что в ташкентских стихотворениях иногда возникала и тема мрачного одиночества, например, в стихотворении «Когда лежит луна ломтем чарджуйской дыни»: «духота кругом», «закрыта дверь», «заколдован дом», «в чашке глиняной холодная вода», «полотенца снег», горит «свечка восковая», «...одиночество поймало в сети», «черный кот глядит», «в зеркале двойник не хочет мне помочь». Всё описано автором так, как будто в доме лежит покойник.

Именно за такие стихи в своё время Ахматова в числе других писателей была осуждена за якобы безыдейность, пессимистические буржуазные настроения. Но в те ужасно тяжелые годы разве не естественны такие строки?

Узбекистанская тематика разрабатывалась поэтессой и после ее отъезда в Россию. Возвратившись в родной Ленинград, Ахматова почувствовала, что частица ее души осталась под далеким южным небом. В её черновиках и набросках множество слов благодарности ташкентцам и самому городу:

*Теперь я всех благодарю,
Рахмат и хайер говорю
И вам машу платком.
Рахмат, Айбек, рахмат, Чусти,
Рахмат, Тошкент! – прости, прости,
Мой тихий древний дом.*

В письмах, в беседах Анна Ахматова не раз повторяла: «Хочу в Ташкент», «Теперь я знаю, что такое тоска по солнцу Туркестана. Мне иногда снится Ташкент»...

Кодиржон НОСИРОВ. Кандидат пед. наук, профессор НамГУ, переводчик. Родился в 1947 г. в Наманганской области, окончил факультет русского языка и литературы НамГУ. Автор ряда монографий, учебно-методических пособий и 400 научно-популярных статей.

Дилором ИСЛАМОВА. Родилась в Наманганской области. Окончила факультет русского языка и литературы НамГУ. Преподаватель кафедры русского языка и литературы НамГУ. Автор ряда научно-методических трудов и учебного пособия, нескольких методических рекомендаций и 20 статей.

¹ Сомова С. Мне дали имя – Анна. // Москва, 1986, № 10, с. 187.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ

ИРОДА МАХМАДИЯРОВА

*Не держись за богатство двумя руками!
Будь всегда преданным небу, что над тобою,
и той земле, по которой ты сделал первые шаги!*
Мухаммад Али. «Амир Темур Великий», кн. 4 «Шахрух Мирза».

9 апреля 2019 г. исполнилось 683 года со дня рождения выдающегося государственного деятеля и полководца Амира Темура. В контексте тех структурных преобразований в экономике и в социальной сфере, которые стремительно и динамично происходят в настоящее время в нашей стране, эта дата приобретает некий символический смысл и вполне справедливо и заслуженно требует пристального и серьезного внимания, т. к. в очередной раз дает повод поговорить о наших славных предках, исторических корнях, обсудить настоящее и наметить планы на грядущие времена, дает светлую надежду на то, что спустя столетия мы сможем вновь пережить Золотой век, «Темуридский Ренессанс», и восстановить бывшее величие Великого Турана.

Феномен Темура подтверждает, что движущей силой исторического развития (с некоторыми оговорками) все же зачастую является пассионарная (сверхэнергичная, адаптивная) и харизматичная личность, а не народные массы, как непременно принято было считать в советские времена. Эта личность, как показывает история, создает мир «по своему образу и подобию», разрушает устаревшие нормы и дает массам новые законы, мораль, религию и прочие ценности. Творцы истории, которых со временем на родине возводят в ранг национальных героев, в дальнейшем становятся для своего народа духовно-нравственными маяками – ориентирами. Именно они в переломную эпоху, когда рвется связь времен, дают людям толчок и мотивацию, стимулируют их к активной творческой деятельности и вселяют уверенность в амбициозных начинаниях.

Великий Амир Темур и является таким ориентиром, воплощающим радужные надежды на духовное возрождение и качественное обновление всех общественных институтов.

Ирода МАХМАДИЯРОВА. Родилась в 2000 г. в г. Ангрене. Студентка Сингапурского института развития менеджмента. Публиковалась в «Ангренской правде». В «Звезде Востока» публикуется впервые.

Обращение к национальным духовным истокам консолидирует народ и власть и мобилизует различные слои населения на строительство процветающего государства.

Глубоко чтят «славного князя Темура» и помнят, что именно он спас в свое время от османских турок и тем самым сохранил христианство на Западе и в России. И неудивительно, что французы в знак благодарности воздвигли некогда в Париже ему памятник, на котором было написано «Освободителю Европы».

Амир Темура завоевал полмира, оставив о себе славу бесстрашного полководца и мудрого стратега.

Примечательно, что Сахибкиран, будучи великим завоевателем, всегда стремился к миру. В романе-эпосе Мухаммада Али «Амир Темура Великий», созданном на основе исторических материалов и архивных документов, неоднократно подчеркивается основной принцип правления правителя – «девять дел из десяти решать через машварат, и только одно – мечом».

Неслучайно и удивительно, что ни один полководец и правитель в мире, будь то А. Македонский, Цинь Шихуанди, Чингисхан, Салах ад-Дин, Суворов, Наполеон или кто-либо другой из числа завоевателей, не приковывал к себе такого внимания исследователей. Интерес к нему не ослабевает и в наши дни, вероятно, потому, что его заветы актуальны и ценны по сей день.

Темура многолик и парадоксален. Он дальновидный правитель, талантливый военачальник, мудрый политик, искусный дипломат, толковый архитектор. В нем удивительно гармонично уживались полярные качества гения и злодея, созидателя и разрушителя, жестокого и милосердного правителя.

Поэтому к этой личности обращаются не только историки, но и политики, дипломаты, военные и, безусловно, представители творческих профессий: писатели, поэты, художники, композиторы, стараясь взвешенно и объективно познать, истолковать и оценить эту историческую личность не с точки зрения современных реалий, морально-нравственных установок сегодняшнего дня, а в контексте современной Амиру Темуру исторической эпохи с учетом его личного мнения о себе, его намерений и планов.

Амир Темура не раз подчеркивал, что в жизни строго придерживался двух принципов. Во-первых, чтобы поддержать свое могущество, необходимо освещать свой жизненный путь двумя светочами – свечой справедливости и свечой беспристрастия. Во-вторых, считая себя «другом правосудия и справедливости», он выгравировал на своем перстне: «Не в силе справедливость, а в справедливости сила».

Мудрый и могущественный правитель сумел создать сильное и влиятельное государство, играющее доминирующую роль в Евразии, определяющее континентальную политику, с которым считались, советовались, как решить те или иные геополитические проблемы.

О золотом веке узбекской культуры достаточно пространно и интересно написано в книге американского исследователя Стивена Фредерика Старра «Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана» (М., 2017).

Благодаря боеспособному войску и личным полководческим качествам Амира Темура за короткое время была создана могущественная империя, простиравшаяся от Волги до Инда, от Средиземного моря до пустыни Гоби.

Знаменитый завоеватель не проиграл ни одной битвы. То, что не удавалось османским султанам и Баязиду Молниеносному на протяжении 20 лет (например, завоевать крепость Смирну), он сделал за две недели.

Амир Темур покорил множество стран: одних обложил данью, других сделал своими вассалами, третьих – союзниками.

Сахибкиран был властителем 27 государств. Их могло быть гораздо больше, если бы он осуществил свой поход в Китай, вторгся бы в Русь и западные страны. Он хотел быть правителем мира и вершителем человеческих судеб. «Миру нужен владыка, – говорил он, – и этим владыкой должен быть я», но не для того, чтобы утвердить личное единовластие, а для того, чтобы обеспечить защиту и справедливость для своих подданных. Об этом неустанно печется правитель, забота о подданных отмечена как важнейшая обязанность правителя в его «Уложениях...», созданных в назидание потомкам, будущим правителям великого Турана.

Как свидетельствуют эпистолярные источники, мировые правители согласовывали с ним свою внутреннюю и внешнюю политику, писали ему хвалебные письма, всячески выражали свою почтительность, восхищались его победами, угодливо-покорно поздравляли с победами.

Мировой правитель не позволял кому бы то ни было быть себе равным. В своей деятельности он удачно использовал политику кнута и пряника, а порой и кнут без пряника. В дальнейшем его политику и своеобразную манеру правления достойно сохранили и продолжили Темуриды.

Великий завоеватель Востока Бабур-тигр покорил значительную часть индийского субконтинента и утвердил там ислам. Он сделал то, что не удалось Арабскому халифату.

Продолжительность властвования Бабура-тигра в Индии во многом объясняется той мудрой стратегической, административно-управленческой политикой, которую он там проводил.

Центром вселенной Темуридами считалась столица Туранского салтана-та – Самарканд.

Самарканд один из древнейших городов мира. Он ровесник Вавилона, Афин и «вечного города» Рима. За многовековую историю он пережил множество катастроф и потрясений. Его пытались покорить А. Македонский, Кутейба ибн Муслим, Чингисхан и другие завоеватели. Они неоднократно разоряли, уничтожали, равняли с землей этот город. Но всякий раз он, словно Феникс, возрождался из пепла, обретая новые, неповторимые черты.

Еще в IV веке А. Македонский, впервые увидев Самарканд (Мараканд), сказал, что все, что он слышал о Мараканде, было правдой, которая оказалась намного прекрасней, чем он себе представлял.

Благотворно повлияли на судьбу города святые праведники, своим пребыванием на этой земле освятившие ее. Здесь некогда проповедовал «воитель за веру» – двоюродный брат Пророка Кусамы ибн Аббаса, хадисовед, известный богослов аль-Бухари, крупнейший религиозный деятель, глава суфийского ордена Накшбандия Ходжа Акбар Вали, суфийский поэт Ахмад Яссави и многие другие. Кроме того, здесь, в пещере Хазрата Дауда (царя

Давида), покоятся моши ветхозаветного пророка Ходжи Даниера (Даниила). Кстати, эту реликвию привез из похода Темур.

Неудивительно, что именно этот город Темур сделал столицей своей империи.

С обретением столичного статуса город под руководством его правителя, создателя и зодчего, стал обретать самобытный и уникальный облик.

Темур не стал создавать новый Вавилон или второй Багдад, не стал копировать другие известные города. Он построил свою столицу, придав ей неповторимый и своеобразный колорит.

Современники и исследователи эпохи Темура пишут, что «Великий амир» иной раз сам консультировал зодчих, а при строительстве самой огромной и значимой для нас мечети Биби-Ханум непосредственно давал дельные компетентные советы.

Великий создатель возвел немало необычных великолепных дворцов, оригинальных архитектурных построек, украшенных фресковой живописью, культовых сооружений, триумфальных арок и пр. Благоустроил главную площадь города Регистан и свою резиденцию «Ак-сарай» («Белый дворец»). Отсюда, возможно, пошла современная традиция – величать резиденции правителей Белым домом.

Амир Темур стал повсеместно строить школы, медресе, караван-сарай, создавать библиотеки и культовые учреждения.

По всей стране было создано множество мостов, оросительных каналов, разбито 14 уникальных парковых комплексов с цветниками и оранжереями, террасами и павильонами, памятниками и фонтанами, посажено множество садов, которые со временем стали копировать во всем мусульманском мире.

Амир Темур превратил Самарканд в музей под открытым небом, «Звезду Востока» (как его величали), вызывающую восхищение во всем мире. Выдающиеся архитектурные творения Темура возвысили и прославили величие его столицы. «Если вы сомневаетесь в нашем могуществе, посмотрите на наши постройки», – любил повторять Темур.

Благодаря его стараниям Самарканд со временем превратился не только в культурный, но и в экономический, финансовый и деловой центр Азии.

Темур говаривал, что мир благоустроен благодаря ремесленникам и купцам. Поэтому он взял под защиту купцов, мастеров и ремесленников. Эти сословия всячески опекали и сановники, и чиновники, управленцы, духовные лица.

Амир Темур установил и расширил торгово-экономические связи со многими азиатскими и европейскими странами, активизировал коммерческую деятельность с Китаем, перенаправил торговые караванные пути.

При нем стали бурно развиваться ювелирное, кожевенное, столярное, гончарное и многие другие ремесла, начало процветать декоративно-прикладное искусство. Вазы, сундучки, шкатулки, чеканки, вышивки пользовались огромным спросом как среди местного населения, так и среди чужестранцев.

В Самарканде работали лучшие ткачи и ювелиры, производился лучший текстиль в Азии, который экспортировался во многие страны мира. Бабу

отмечал, что «лучшая бумага в мире получается из Самарканда». Слова правителя Индии и Афганистана спустя столетия подтвердил известный ориенталист А. Вамбери.

Трудно перечислить те области, где бы не доминировал Самарканд.

Предшествующий опыт наших великих предков, его изучение и реализация заложенного в народе потенциала – безусловный залог научного и экономического развития и процветания страны.

Прообраз современных научно-технологических центров существовал в исламском мире еще 1000 лет тому назад.

Общеизвестно, что еще в IX веке просвещенный халиф аль-Мамун открыл в Багдаде «Дом мудрости», или «Дом знаний» («Байт аль-хикма»), первый в мире прототип научно-исследовательских центров. Просвещенный халиф приглашал заморских ученых, обеспечивал их необходимым оборудованием, инструментами, предоставлял в пользование лучшую библиотеку «Хизанат аль-Хикма» и прочее. Причем здесь трудились ученые разных национальностей и вероисповеданий. Этническая принадлежность в ту пору особой роли не играла, все пользовались теми же льготами, что и правоверные мусульмане.

За период деятельности были достигнуты значительные успехи, особенно в переводческой деятельности. Кстати, переводческий отдел долгое время возглавлял христианин Хунаин ибн Исхак. «Величайший математик своего времени» аль-Хорезми (уроженец Хивы, по другой версии – Хорезма) одно время возглавлял «Дом знаний». К сожалению, монгольский хан Хулагу, вступив в Багдад, разрушил центр фундаментальных исследований, а бесценные книги бросил в реку Тигр. Благородные начинания халифа нашли в дальнейшем достойных продолжателей. Утвердившись во власти, мудрый и прозорливый Амир обратил свой взор к науке и искусству. В Самарканде он возродил и усовершенствовал некогда популярную в мире исламскую академию.

Интерес Темура к познаниям был заложен в нем изначально. Современники свидетельствуют, что Амир Темура имел довольно обширные познания в истории, поэзии, шахматах...¹ Он любил слушать древние истории, расспрашивал ученых о великих людях прошлого, чтобы знать как можно больше об их жизни и деяниях.

Когда Темура обрел могущество, он, памятуя наставление отца, стал всячески способствовать развитию наук в Империи. Из походов он привозил с собой ученых, архитекторов, ремесленников, гончаров, каменотесов, обработчиков стекла и пр., обеспечил им значительные привилегии, поднимал их статус в обществе, собрал лучшую библиотеку, которая не уступала Александрийской.

В его книгохранилище мастера разрабатывали способы золотого тиснения, занимались копированием, украшением и переплетом книг, каллиграфией, создавали уникальные миниатюрные рисунки, книжные иллюстрации. Повсеместно велось строительство учебных заведений, медресе, которые продолжали развиваться и при его внуке. Самарканд стал научным и культурным центром мира.

¹ Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Темура (1403–1406). – М., 1990, с. 115.

Здесь, в столице империи, в разное время жили и трудились лучшие умы Востока: «мудрый из мудрых» Термизи, «царь философов Востока и Запада» Омар Хайям, «предводитель каравана самаркандских поэтов и начальник войска красноречивых» Рудаки, всемирно известные ученые Бируни, Фергани (Альфраганус) и др.

Особенного расцвета наука достигла при «падишахе ученых» – внуке Темура Улугбеке, который считал, что «стремление к знаниям – обязанность каждого мусульманина».

При нем преподавали как теологию, так и науки, успешно развивались точные науки, в особенности астрономия. Он создал обсерваторию, научную астрономическую таблицу и многое другое.

С переносом Шейбанидами столицы из Самарканда в Бухару центром исламского мира стала она. Здесь родился и трудился великий религиозный деятель Бахауддин Накшбанди, основатель суфийского ордена, создатель среднеазиатской школы суфизма Абдулхалик Гиджувани и Яссави.

Наша земля с незапамятных времен славится своим гостеприимством и радушием. «Хуш келибсиз, азиз мехмонлар!» – так исстари встречали у нас всех гостей.

Самарканд, Бухара, Хива и многие другие древнейшие города издавна притягивали чужестранцев из многих стран мира. Здесь с давних пор в мире и согласии проживали многие народы: арабы, персы, турки, греки, евреи и другие.

Примечательно, что сюда прибывали «на ловлю счастья и чинов» не только ученые, купцы, мастера-ремесленники, но и обычные люди.

При Темуре, как свидетельствуют источники, в разы увеличился поток приезжих в города Турана. Сюда стекались не только мусульмане, но и представители других конфессий: буддисты, христиане, индуисты. Благодаря мудрой и взвешенной политике Амира все они чувствовали себя здесь комфортно и безопасно.

«Люди Писания» (иудеи и христиане) находились под покровительством могущественного Султана и пользовались определенным статусом зимми, придворные Темура, весь его управленческий аппарат состоял из представителей различных этнических и религиозных групп – национальный и конфессиональный вопрос не имел особого значения в ту пору.

Толерантность, благожелательность, открытость и сейчас неотъемлемый признак нашего общества, исторически сформировавшийся и унаследованный у наших великих предков сегодняшним Узбекистаном.

ТАШКЕНТСКАЯ «МИКРОПРОЗА» ВАСИЛИЯ ЯНА

НАСИБА ХАЙДАРОВА

Творческое наследие Василия Янчевецкого (В. Яна) – неотъемлемая важная составляющая литературного процесса Узбекистана. В. Ян привлекает читателей своим особым видением Востока. Важную роль в изучении его творческого наследия играют архивные материалы. Личный архив писателя находится в Российском государственном архиве литературы и искусства. Это дневниковые записки и материалы для написания исторической трилогии («Чингиз-хан», «Батый», «К "последнему морю"»), письма к жене С. Д. Кржижановского Анне Гавриловне и рекомендации Я. Э. Голосовкеру, письма к Айбеку, записные книжки, тетради-наброски «Силуэты старой Азии», варианты рассказов и пьес-подражаний А. С. Пушкину «Египетские ночи» или «Клеопатра Невы», «Цыгане» и «Сердце поэта», неопубликованные разножанровые наброски-черновики и альбомы с репродукциями картин, рисунков, скульптур, фотографий типажей и картин быта Средней Азии, собранных В. Яном для работы над трилогией. Неопубликованная ташкентская «микропроза» В. Яна, обнаруженная в ходе работы в РГАЛИ (Российском государственном архиве литературы и искусства), включает в себя такие рассказы, как «Дамская перчатка» (Ташкент, 1943 г.), «Сон про Мэри Конт» (Ташкент, 3 января 1942 г.) и «Скиталец Нил Милостивый» (Ташкент, 1942 г.), пьесы, датированные 1940-ми годами и ташкентским периодом творчества писателя (набросок и варианты пьесы-сказки – «Сказка "Золотой Орды", или Кара-Кончар, гроза караванов, и Гюль-Джамал, цветок пустыни»).

Каждый из рассказов или неоконченных вариантов-набросков основан на реальном биографическом событии из жизни В. Яна в период пребывания на Востоке. Так, рассказ «Дамская перчатка» с подзаголовком «Из рассказа старого туркестанца» начинается строками: «Старые туркестанцы – особое племя, их можно узнать издали по особенно бодрой походке. Они обыкновенно сухие, с прямой спиной, с легким загаром даже в зимние месяцы. В них много стойкой энергии – они ведь воспитали свою живучесть под палящим солнцем Средней Азии... Они не боятся верховых коней... Они быстро сходятся – их сблизают воспоминания, а рассказов о необыкновенном, причудливом прошлом у них столько, что каждый вечер с участием старого

Насиба ХАЙДАРОВА. Родилась в 1991 г. в Андижане. Окончила АндГУ и магистратуру при НУУз. Преподаватель кафедры русского языка и литературы АндГУ. Автор 40 научных статей в республиканских и зарубежных изданиях.

туркестанца кажется слишком коротким...»¹. Рассматривая этот небольшой отрывок-описание из рассказа в контексте главного произведения жизни автора – исторической трилогии «Чингиз-хан», «Батый» и «К "последнему морю"», – мы можем обозначить ключевые структурные и образные компоненты, вошедшие в роман: «бодрая походка», «сухие, с прямой спиной» люди, их «стойкая энергия», «живучесть» и наличие «верховых коней». В соответствии с концепцией Ю. М. Лотмана, это герои открытых пространств, а следовательно, и открытые душой и сердцем, свободолобивые, «записывающие свои подвиги концом меча на полях битв»².

Умением «рассказать необыкновенное, причудливое» в кругу людей у костра, отчего «каждый вечер... кажется слишком коротким», наделен главный, связующий романы, герой – дервиш Хаджи Рахим. Несомненно, прототипом образа был сам писатель-путешественник Василий Ян (Янчевецкий). Сближение людей при помощи «воспоминаний о былом» – очевидная особенность романов. Беседа незнакомых, но близких, родственных душой людей, «воспоминания о былом», их «необычайность и причудливость» в формальном аспекте при теоретическом осмыслении перерастает в жанр сказки как вспомогательного текста в романной трилогии или самостоятельного произведения – сказки-притчи (сказка-притча В. Яна «Что лучше?», написанная в 1943 г. в Ташкенте). В то же время «умение рассказывать», пересказывать событие, увиденное им самим, или создавать свою, индивидуальную, сказку-миф является ценным характерным качеством героев исторической трилогии.

Лидия Григорьевна Бать – писатель, автор повести об Алишере Навои «Сад жизни», книги воспоминаний «Незабываемые встречи», книги личных бесед-воспоминаний о Хамиде Алимджане, Зульфие, Айбеке, Гафуре Гуляме и других узбекских писателях, была знакома и с В. Г. Яном. Ему она посвятила небольшой рассказ «Ташкентским вечером» из цикла «Воспоминания о любви» (4 сайт «vasilieva.ru»). Эпиграф к нему – строки из газели А. Навои «Как память былого счастья фиалки нам аромат». В рассказе описан небольшой эпизод из жизни В. Яна: «Над Ташкентом повисла белая полная луна, похожая на лицо красавицы... На перекрестке двух тихих улиц под сенью развесистого карагача на берегу арыка, журчащего слаше соловьиной трели, расположился своеобразный ресторанчик... В этот вечер за одним из столов расположилась компания эвакуированных из Москвы интеллигентов – артистов, писателей... вечер был слишком прекрасен, чтобы не видеть его красоты... и одна из женщин... обратилась к человеку с седой головой и молодыми глазами:

– Вот вы хорошо знаете эти края. Вы много жили в Средней Азии, путешествовали по ней. В ваших романах дышит ее история, встают живые образы Азии. А... в вашей личной, не только творческой, жизни оставила ли она какой-нибудь след? Сегодня луна, и, несмотря ни на что, хочется говорить о любви...»³.

В романной трилогии дервиш Хаджи Рахим после долгих скитаний возвращается в родной дом под таким же «развесистым карагачом на берегу арыка» в пустынном переулке. У калитки дома он думает: «...из этой калитки выходила девушка в розовой одежде и оранжевом покрывале. Где она? Что с ней стало?»⁴

¹ Архив РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства), номера фондов № 1234, 2822; шифр ф. 2822 он. 1 ед. хр. 333.

² Ян В. Г. Собрание сочинения в IV томах. Т. I. М., 1989. 472 с.

³ Архив РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства) номера фондов № 1234, 2822; шифр ф. 2822 он. 1 ед. хр. 333.

⁴ Ян В. Г. Собрание сочинения в IV томах. Т. I. М., 1989. 472 с.

и погружается в воспоминания так же, как и сам В. Ян в рассказе Л. Г. Бать: «Это было сорок лет назад. Когда я был чиновником царской службы в городе Асхабаде. "Город песка" в переводе на русский. Кругом него пустыня. Суровый, жесткий климат. Я был молод тогда... Я выбрал Среднюю Азию местом службы по собственной воле. Меня манили ее неизведанность, ее краски, загадочные люди. Я был независим, сердце мое было свободно – все условия для человека, ищущего приключения. Я имел превосходного коня, – высокий, серый в яблоках «туркмен», крепкий и быстрый... и был у меня джигит, совсем еще мальчик, Каркар... У него была сестра. Родители, бедняки-крестьяне, продали ее, пятнадцатилетнюю, первому человеку, который посватался к ней... это был суровый старик... однажды в пылу ярости он выкрикнул ей слово "Таллак". И в этом слове она нашла свое спасение. Этим словом он ей давал развод... она убежала к родителям, но он, спохватившись, потребовал ее обратно. Родители не отдавали дочь... он вызвал суд старейших... муж имел преимущество перед отцом. Но молодая туркменка отважилась сама бороться за себя... она бежала, скрываясь у разных родственников... такая женщина подвергается страшной каре... Каркар весь дрожал, рассказывая эту историю. "Приведи ее сюда", – сказал я не задумываясь. На следующий день в сумерки ко мне в комнату неслышной походкой вошел молодой джигит и поклонился мне до земли. Он чрезвычайно похож был на моего Каркара, только тоньше и изящнее. "Кто ты?" – воскликнул я... "Я Дур-Салтан", – ответил певучий женский голос. Дур-Салтан – значит "Остановись, царица". И действительно при виде этой гибкой красоты хотелось крикнуть: "Остановись! Остановись, чтобы можно было любоваться тобой без конца!..." ...я полюбил первой настоящей любовью женщину. Как писали в старых романах, это была испепеляющая страсть...»¹.

Именно этот образ «царицы» В. Ян увековечил на страницах трилогии. Красота, гибкость, деятельность натуры, веселый нрав, умение петь заунывным голосом степные песни, непредсказуемость и верность, свободолюбие, независимость – этими чертами реально существовавшей в жизни автора женщины он наделил всех «степных героинь» романной трилогии: и Гюль-Джамал, собирающуюся бежать из гарема Хорезм-шаха и зарезать его туркменским ножом, и Бент-Занкинду, перевоплощающегося на страницах романа то в мальчика-писаря, то в девушку-невольницу, которая прекрасно поет, и Юлдуз-Хатун, последнюю жену-любимицу Бату-Хана, умеющую рассказывать необычайные истории из прошлого, которую так же, как и Дур-Султан, но только уже в романе, родители продали старику, от которого она сбежала, и последнюю жену Чингиз-хана Кулан-Хатун, своенравную и гордую красавицу... Жизнь и путешествия В. Яна нашли свою идеальную форму существования в текстовом пространстве в виде сказки.

В романе «Чингиз-хан» в эпиграфе к главе «Сказка Хаджи Рахима» В. Ян отмечает: «Когда она проходила мимо быстрыми шагами, краем своей одежды она коснулась меня...» (*Из восточной сказки*) или эпиграфе к главе «Кара-Кончар ищет конец сказки»: «Походку дивную я жажду снова видеть и сердце в жертву дам за лепет уст твоих...» (*Из персидской песни*). Из примеров видно, что скрытый образ-прототип Дур-Султан присутствует в структурообразующих элементах романов, указывая на жанровую специфику. Другой рассказ, условно нами причисленный к ташкентской «микропрозе»

¹ Архив РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства), номера фондов № 1234, 2822; шифр ф. 2822 он. 1 ед. хр. 333.

писателя, называется «Сон про Мэри Конт». Уже первое предложение рассказа сближает автора с читателем: «Я вообще постоянно вижу сны. Они бывают различные: и беспорядочно-хаотичные, и очень логические, которые разворачиваются как целые новеллы. Я часто вижу одни и те же места и людей, которых в жизни встречать не приходилось... Таким образом моя жизнь раздваивается: в моих снах проходит самостоятельное существование, не имеющее отношения к моей реальной, повседневной жизни. Лев Толстой заметил однажды, что если бы наши сны имели продолжение, то можно было бы говорить о двойном или двойственном существовании человека...». Здесь намечается новый аспект исследования – рассмотрение такого экзистенциально важного компонента, как сон.

Сон и сновидения в структуре романной трилогии встречаются часто: отчетливый сон-предупреждение Хорезм-шаха, когда Гюль-Джамал хотела убить его ножом, сны Чингиз-хана о приближении смерти, сны-видения о молодости и продлении жизни, о бессмертии, а также мифологические сны-архетипы¹ Бату-хана и его военного Учителя Субудая-Багатура. Каждый сон как структурный элемент-дополнение к основному тексту повествования, как сказка, вплетенная в ткань прозы, выводят читателя на глубинный уровень истолкования произведения. Сновидения героев отчетливы, здесь стирается грань реального и ирреального, они не просто символичны, это сны-предупреждения, вещие сны: «...Здесь он (Чингиз-хан) увидел страшный сон и стал говорить о близости смерти. Он послал за сыновьями...»² или «...великий хан, чувствуя близость кончины, не обратил на жемчуг внимания и приказал рассыпать его в степи перед войском. Все воины собирали, но много жемчуга потерялось в пыли, так что потом люди искали его и находили. “Каждый день для меня теперь дороже подносов с жемчугами”, – говорил Чингиз-хан и был полон забот и тревоги...»³; «...Ты будешь неподвижен, как мертвец, перестанешь чувствовать боль и увидишь сон, будто ты перелетел через горы в долину прохладных потоков и благоухающих цветов... Там пасутся белые, как снег, кони и поют прекрасными голосами золотые птицы... Там во сне ты встретишь снова девушку, которую, ты любил в шестнадцать лет...»⁴.

Как видно из приведенных выше примеров, сон – это осмысление ценности жизни и времени («каждый день для меня теперь дороже подносов с жемчугами»), это возвращение в желанное прошлое («Там во сне ты встретишь снова девушку, которую ты любил в шестнадцать лет»), это предвестник победы, любви, смерти – всех витальных вопросов человечества. В рассказе «Сон про Мэри Конт» автор повествует о биографическом факте: в молодости он был в Константинополе по работе и встретил там девушку по имени Мэри Конт. Он ей подарил «ожерелье из двадцати семи изумрудов – три счастливые девятки»⁵ (священное число на востоке), но один камень оставил себе, и ювелир сделал из него перстень. Во сне автор видит, что через 18 лет он вновь у витрины того самого ювелирного магазина. К магазину подошли две девушки, профиль одной из них «до боли» был знаком автору. Она зашла в магазин, чтоб продать изумрудное ожерелье из двадцати семи камней...

¹ Юнг К. Аналитическая психология М., 2015. С. 264.

² Ян В. Г. Собрание сочинений в IV томах. Т. – М., 1989. С. 304.

³ Там же, с. 328.

⁴ Там же, с. 326.

⁵ Архив РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства) номера фондов № 1234, 2822; шифр ф. 2822 он. 1 ед. хр.333.

В. Ян идет за ней и выкупает его, а затем рассказывает историю из своей молодости и показывает перстень: «...ожерелье ждало восемнадцать лет, чтобы встретиться с этим камнем... "Разве вы... Ян?" – "Да, это мое имя". Я был потрясен. Давно полузабытая тайна вдруг стала выплывать передо мной, точно утреннее солнце из тумана»¹. Оказалось, что девушку зовут Мэри Конт, как и ее скончавшуюся мать... Хотя В. Ян и пишет, что девушка его дочь, но для читателя остается загадкой: это способ заинтриговать его или реальная печальная история любви? В конце повествования мы читаем: «Я с ней никогда не расстанусь! – сказал я сам себе. Ведь "Конт" по-французски значит "сказка". Я нашел сказку, которую искал много лет... Я помню еще темную улицу, яркие сверкающие звезды. Высокие тополя чернеют на синем кобальтовом небе... Я постепенно проснулся. Такой сон я видел в ночь на третье января 1942 года. Гляжу на мой изумрудный перстень и думаю: "Спасибо тебе, Мэри Конт, что ты мне явилась среди моих любимых "людей моих снов!" навести меня опять! Я буду тебе верен, скитаясь по бесконечным дорогам Азии, надеюсь встретить маленькие следы твоих ног, будь ты в одежде персиянки, туркменки, афганки или другой восточной девушки. Привет тебе, Мэри! Салям!"»².

Интересно, что ювелирный предмет – украшение в виде изумрудного ожерелья – перерастает в индивидуально-авторский способ соединения произведений, превращаясь в своеобразную скрепу. Следует также отметить, что у В. Яна был цикл исторических рассказов, часть которых была написана и опубликована в Ташкенте под названием «Рассказы о необычайном». Они отмечены тем, что на основе восточной стилизации в них создан индивидуальный стиль восточного «нанизывания» одного рассказа на другой, когда повествовательная линия и сюжет отличаются, но имеют определенные точки соприкосновения. А имена героев и ситуации, в которые они попадают, близки и могут рассматриваться как часть предыдущего или последующего повествования в рассказе или романе. Такой стиль автор условно называл стилем «ожерелья».

В романной трилогии В. Ян не раз употребляет имя подвергшегося гонениям известного в XI веке стилиста и мыслителя Ибн-Хазма и его философское произведение «Ожерелье голубки». Книга Ибн-Хазма впервые вышла под редакцией знаменитого востоковеда-арабиста И. Ю. Крачковского. В. Ян, который знал арабский и персидский языки, безусловно, был знаком с этой книгой. В своей трилогии к главе «Шахский летописец» автор приводит эпиграф из нее: «...Он направился ко мне, несмотря на далекое расстояние наших жилищ, долгий путь и ужасы дороги...»³. Его можно рассматривать как связь Учителя (шахский летописец Мирза-Юсуф) и Ученика (дервиш Хаджи Рахим аль-Багдади), а шире – как доминирующий образ-концепт всего творчества – сверхконцепт «пространство».

Следующее упоминание Ибн-Хазма мы встречаем в истории любви двух «героев степи» Гюль-Джамал и Кара-Кончара. В. Ян пишет: «Любовь по истинному влечению – это та любовь, которой нет конца, иначе, как только со смертью...» (из поучений Ибн-Хазма). Это логически связано с неопубликованной ташкентской «микропрозой», с рассказом «Сон про Мэри Конт»

¹ Архив РГАЛИ (Российский государственный архив литературы и искусства) номера фондов № 1234, 2822; шифр ф. 2822 он. 1 ед. хр.333.

² Там же.

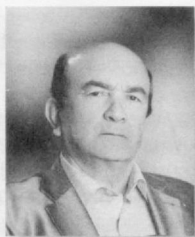
³ Ян В. Г. Собрание сочинений в IV томах. Т. I. – М., 1989, с. 28.

и своеобразным циклом «рассказов-ожерелий» (одна история любви, те же герои, но несколько произведений, связанных меж собой). В трилогии «ожерелье» реализуется как «завоеванная страна или государство», каждое из которых завоеватель «нанизывает» на нить, превращая в ожерелье, каждая страна как драгоценный камень в нем, и оно достойно быть лишь на шее победителя-завоевателя.

Последнее произведение ташкентской «микропрозы» – это небольшой рассказ В. Яна «Нил Милостивый», рассказ, начинающийся с размышлений о загадочном страннике, опубликованных в «Московском листке» за 1895 год. Странник оказывает материальную помощь людям, попавшим в затруднительное положение. Говорили, что это якобы бывший богатый купец или домовладелец, который, испытав большое горе, раздал значительную часть своего состояния, а сам пустился в скитания по Руси. В. Ян не просто «встретился» с ним, этот образ стал отправной точкой для реализации сложного, многоуровневого образа дервиша Хаджи Рахима на страницах исторической трилогии.

Хаджи Рахим в переводе дает одну из ключевых характеристик-имен Аллаха – «милостивый» (рассказ «Нил Милостивый»). Говоря о происхождении имени Рахим, следует отметить и производное от него имя Рахман, предполагающее такие коннотации, как «добрый», «милосердный». Дервиш В. Г. Яна обладает всеми перечисленными характеристиками. Характеристика героя, скрытая в имени, и семантика почетного звания «Хаджи» усиливают его предназначение – дервишество (как и славянский вариант – скитальчество Нила Милостивого). Имя «Рахим» также используется в значении «принимающий покаяние» и «прощающий», а в контексте произведения мы можем отметить и третью составляющую – «помошник-наставник, ищущий праведных». Коранический шифр и религиозный дискурс, умело вплетенный в ткань исторической прозы В. Г. Яна, выражаются в таких фразах-первоосновах, как «Странствуйте же по земле четыре месяца...» (сура 9 «Покаяние», аят 2), структурообразующей коранической фразе, открывающей каждую новую суру, «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!».

Таким образом, изучение исторической трилогии В. Яна в контексте архивных материалов позволяет обнаружить новые черты поэтики произведений, а также – новое в личности самого писателя, всегда очень бережно относящегося к материалу, из которого создавал свои художественные полотна (идеям, фактам, событиям, предметам и т. д.). Выявленный нами феномен ташкентской «микропрозы» В. Яна дает возможность постановки ряда вопросов о генезисе исторической трилогии, о периодизации творчества писателя, о литературных взаимовлияниях (В. Ян и Л. Г. Бать, В. Ян и С. Д. Кржижановский).

РУСТАМ АБДУЛЛАЕВ

ШАШМАКОМЫ В НАСЛЕДИИ ФИТРАТА

Общеизвестно, что макамы Хорезма и фергано-ташкентские макомные мелодии в основе своей восходят к Бухарскому шашмакому. В связи с систематизацией внутренней структуры шашмакома обращает на себя внимание деление на жанрово-стилистические направления: инструментальное (мушкilot), вокально-инструментальное (наср) и танцевальное (уфар). Фитрат их обобщенно называет «буток» (ветвь). Думается, что в этом понятии, которое, к сожалению, не прижилось в последующей научной практике, на наш взгляд, имеется большой резон. В русскоязычной литературе о шашмакоме эти жанрово-стилистические направления внутри макома почему-то стали называть «разделами», тогда как фактически инструментальные и вокально-инструментальные сферы макома представляются самостоятельными жанровыми формами одного макома как общей ладовой системы. То есть маком как целое представляет единую ладовую основу, а формы ее мелодического проявления разные – инструментальная, вокально-инструментальная и танцевальная. Каждая из жанровых сфер в свою очередь внутри может делиться на разделы и части.

В XX веке в связи с изменением социальной базы функционирования грань между строго канонизированной ладовой системой коренного шашмакома и свободной зоной ладообразования шуйбача стала стираться. Вследствие этого шашмаком стали рассматривать как единую структуру – без дифференциации на пласты. Однако с точки зрения научной классификации и систематического изучения внутренних связей различных форм макмата двужанровое (двуластовое) рассмотрение шашмакома и традиций их ладовой основы (систематические и несистематические) представляется более целесообразным.

Абдурауф Фитрат (1886–1938) – выдающийся узбекский ученый, в сферу научных интересов которого входила и музыка. Деятельность этого великого патриота по возрождению национальных ценностей, классической литературы и музыки, к сожалению, была осложнена obskurantizmom и

Рустам АБДУЛЛАЕВ. Родился в 1954 г. Окончил Ташкентскую государственную консерваторию (ныне ГКУЗ). Заслуженный артист РУз. Автор книги «Қорақўлдан ўтган умр қарвонлари» и ряда методических пособий.

невежеством чиновников-недоучек и мракобесием отживших свой век старых грамотеев.

Фитрат, широко образованный просветитель своей эпохи, получивший блестящее традиционное (медресе Мир Араб в Бухаре) и европейское (Стамбульский университет) образование, которому по масштабу и глубине трудно найти аналоги не только в регионе, но и во всем мусульманском мире, противопоставлял рутине знания, разум и убеждения. Имя его можно поставить в ряд великих просветителей Востока, таких, как Фараби, который соединил в своем творчестве идеи перипатетизма и неоплатонизма, Ибн Сина, утверждавший торжество разума.

Впервые полномасштабное научное осмысление шашмакома по счастливому стечению обстоятельств приходится на долю Абдурауфа Фитрата. И осуществляется это в контексте разработки научных основ национальной музыкальной классики в его книге «Узбекская классическая музыка и ее история»¹. Масштаб научной деятельности Фитрата соотносится с масштабом деятельности великих мыслителей. Будучи высокообразованным человеком, он, как мыслитель и государственный деятель, выступает за обновление мировоззрения и освоение передовых достижений мировой науки и культуры на национальной почве.

Фитрат рассматривает музыку, выражаясь современным языком, с широких культурологических позиций, глубоко вникая в философию, научно-теоретические и практические основы узбекской классической музыки на материале шашмакома, близкого ему в научном плане, что становится очевидным благодаря нотным записям В. А. Успенского. В этом, пожалуй, главная историческая роль Фитрата на ниве музыкознания. Он как бы подводит итог великим традициям музыкальной мысли прошлого и намечает пути дальнейшего развития.²

На пути формирования нового музыкознания как научной дисциплины Фитрат вводит ряд нетрадиционных методов. На самом высоком универсальном уровне музыку западную и восточную он рассматривает как равнозначные с точки зрения их художественной ценности. На следующем уровне восточная музыка (по контексту – имеется в виду музыка мусульманского мира) делится на стилевые разновидности – арабскую, персидскую и тюркскую. В свою очередь тюркская музыка распадается на османскую, азербайджанскую и узбекскую. И, наконец, сама узбекская музыка распадается на классическую (то есть макомы) и обиходную, популярную (в терминологии Фитрата «эл куйлари – мелодии страны» и «эл ашулалари – песни страны»). Примечательно, что по восточной и европейской научной традиции народные песни и наигрыши в значении «фольклора» у Фитрата выносятся за черту понятия «музыка» в собственном смысле слова.

В связи с этим в узбекскую музыкальную терминологию ученый вводит ряд новых понятий, таких как «узбек мусикаси» (узбекская музыка), «классик мусика» (классическая музыка), «оханг» (интонация), «оханг усули» (интонационная основа), «куй» (мелодия), «асос куй» (основа мелодии). Итак, главным понятием в музыкальных воззрениях Фитрата становится

¹ Фитрат. Узбекская классическая музыка и её история. Ташкент, 1993. С. 56.

² Мальмберг И. Узбекская музыкальная культура / Макомы. Рукопись. Т., 31. 03. 1954.

«узбекская классическая музыка», что правомерно выносится в заголовок книги. Что касается слова «шашмаком», оно употребляется значительно реже, и то главным образом тогда, когда речь идет о непосредственной практике. Статья В. А. Успенского и книга Фитрата, опубликованы в один год, видимо, независимо друг от друга. В. А. Успенский употребляет понятие «классическая музыка узбеков» больше в этнографическом значении. Фитрат же дает научно-аргументированное обоснование дефиниций «классическая» и «узбекская».

К категории «классическая» ученый относит музыку, имеющую прочную научно-теоретическую базу, в этом плане, на наш взгляд, введение дефиниции «классическая» является оправданным, ее синоним «шашмаком» имеет, в сущности, прочную теоретическую базу. Учитывая устность и традиционность приходится постоянно оговаривать рационализм и научность, заложенные в его основе.

Теоретические основы узбекской классической музыки Фитрат рассматривает в двух главных измерениях – ладоинтонационном и метроритмическом. Следует отметить, что они (лад и ритм) обозначены одним базовым понятием ускуль (корень, основа). Только с той разницей, что ритмическая основа называется просто ускуль (ритмическая формула), а мелодическая – «оханг усуллари» (интонационные основы).

Числовые методы измерения тонов Фитрат считает наиболее точными и, следовательно, наиболее достоверными, давая понять, что в прошлом существовала математическая теория музыки, которая путем числовых отношений объясняла интервальные величины, из которых слагались звукоряды, служившие музыкально-логической основой макамов. Самое главное, во все времена были профессиональные музыканты, которые в одинаковой мере владели музыкальным искусством (теорией и практикой) этого ремесла.

Лейли и Меджнун

Корзина с цветами

Восточная сказка

Дорогие читатели и авторы!
Подписаться на литературно-художественные
журналы «Звезда Востока»
и «Шарқ юлдузи» на 2019 год

можно в любом почтовом отделении или
в офисе редакции по адресу:

100066. Ташкент, пр. Бунёдкор, Адилблар хиёбони,
здание Союза писателей Узбекистана.

Подписной индекс «Звезды Востока» – 831.

Подписной индекс «Шарқ юлдузи» – 911.

Редакция «Звезды Востока» приглашает авторов к сотрудничеству
по всем утвержденным рубрикам журнала.

Журнал распространяется по подписке.
В розницу можно приобрести в редакции.